

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел.: факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Бабосов Евгений Михайлович — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru

Вельц Франк — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Водопьянов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Джаннотти Андреа — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Ильхам Мамед-Заде — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Кеничи Охаси — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Михайленок Олег Михайлович — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsociol@isras.ru

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Скворцов Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Смирнов Владимир Алексеевич — доктор социологических наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям ФГБОУ ВО Костромской государственный университет, e-mail: kano_igt@mail.ru

Тай-Лок Луи — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlouklui@eduhk.hk

Фарро Антонио Луиджи — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antinoluiigi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIY, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: iliniy@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tlolkui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 1 • Том 30 • 2024 •
ЯНВАРЬ — МАРТ

Издательство Московского университета

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Социология здоровья

Осипова Н.Г. Социальное конструирование здоровой личности: обоснованные дилеммы и псевдонаучные подходы	7
Новосёллова Е.Н. Здоровье в пожилом возрасте: стереотипы и объективные показатели.	32
Лядова А.В. Медиатизация сферы здоровья под влиянием новых медиа: основные направления социологического дискурса	53
Зотова В.А. Дифференциация понятий “трезвый образ жизни” и “здоровый образ жизни” в социальных науках	72
Белозеров В.И. Социальные феномены физической культуры и спорта глазами молодежи.	86

Политическая социология

Елишев С.О. Осмысление сущности “Большой Игры” представителями англосаксонских геополитических школ	95
Каневский П.С. Кризисные тенденции в развитии социально-политической системы США: причины и последствия.	130
Смолин М.Б. Социология власти П.Е. Казанского: неограниченность и самоограниченность самодержавия	147
Дорцева Е.В. Феномены пропаганды и контрпропаганды в системе социологического знания	165

Экономическая социология и менеджмент

Васильев В.П. Устойчивое развитие: модификация принципов
и институтов 193

Свердликova Е.А., Селезнёва А.С. Социальное самочувствие са-
мозанятых в условиях трансформации рынка труда. 205

Социология в Китае

Лян Цзянь, Ван Лили, Барков С.А. Интеграция городских и сель-
ских территорий в современном Китае. 219

Слово молодому ученому

Баранов Н.В. Генезис и трактовка понятия “прекариат” в стра-
нах Западной и Восточной Европы 237

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 1 • VOLUME 30 • 2024 •

JANUARY — MARCH

Four Issues per Annum

CONTENTS

Sociology of health

- Osipova N.G.** Social construction of a healthy personality: reasonable dilemmas and pseudoscientific approaches. 7
- Novoselova E.N.** Health and older adults: stereotypes and objective indicators 32
- Liadova A.V.** Mediatization of youth health in the age of new media: the main trends in sociological discourse 53
- Zotova V.A.** Differentiation of the concepts of sober lifestyle and healthy lifestyle in social sciences 72
- Belozеров V.I.** Social phenomena of physical culture and sports through the eyes of young people 86

Political sociology

- Elishev S.O.** Understanding the essence of the “Great Game” by representatives of Anglo-Saxon geopolitical schools 95
- Kanevskiy P.S.** Crisis trends in the development of the American socio-political system: causes and consequences 130
- Smolin M.B.** Sociology of power P.E. Kazansky: unlimited and self-limited autocracy. 147
- Dortseva E.V.** The phenomena of propaganda and counter-propaganda in the system of sociological knowledge. 165

Economic sociology and management

- Vasiliev V.P.** Sustainable development: modification of principles and institutions 193
- Sverdlikova E.A., Selezneva A.S.** Social well-being of the self-employed in the conditions of labor market transformation 205

Sociology in China

- Lian Gjian, Wang Lili, Barkov S.A.** Integration of urban and rural areas in modern China 219

Word to a young scientist

- Baranov N.V.** Genesis and interpretation of the “precariat” concept in the countries of Western and Eastern Europe 237

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-7-31

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЗДОРОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ОБОСНОВАННЫЕ ДИЛЕММЫ И ПСЕВДОНАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В настоящей статье всесторонне рассматривается проблема социального конструирования здоровой личности, которая в условиях многочисленных социально-политических потрясений, под воздействием внешних деструктивных факторов приобретает особую актуальность.

Понятие “личность”, в отличие от этически нейтрального понятия психофизической и духовной индивидуальности, включает в себя момент самоопределения в социальном мире. Личность всегда характеризуется присущей ей смысловой структурой (системой взглядов, ценностных установок, представлений), раскрывающейся в действиях и поступках, которые так или иначе связаны с более широким социальным окружением — обществом и формируются под его воздействием. Современные социальные науки рассматривают личность как структурную целостность биологических, психических и социальных свойств, что дает основание для выделения нескольких компонентов в рамках целостной структуры личности: биологического, психического и социального. Аналогичным образом категория “здоровье” имеет физическую, психическую, социальную и духовную составляющие, которые поддаются социальному конструированию.

Автор приводит данные проведенного им социологического исследования, согласно которым как физическое, так и психическое и духовное здоровье современной российской студенческой молодежи нельзя считать хорошим. В данной связи им рассматриваются дискуссии о том, как возможно сконструировать полностью здоровую личность или вернуть ей какой-либо из утраченных компонентов здоровья с помощью разнообразных методов и технологий, которые существенно отличаются по своей научной обоснованности и социальной направленности. К безусловно полезным методам укрепления как физического,

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

** Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: ngo@socio.msu.ru

так и психического здоровья относятся те, которые нацелены на укрепление защитных сил организма, систем его саморегуляции и стрессоустойчивости. Так, вполне целесообразными представляются такие достаточно распространенные и научно обоснованные методы, как релаксация и копинг, самовнушение, созидающая визуализация и терапия здоровым смыслом. К числу псевдонаучных, а порой и деструктивных методов, чему есть серьезные обоснования, относятся экстрасенсорика (экстрасенсорное целительство, телекинез и психикинез), кармическая медицина, включая коррекцию биополя, и нейролингвистическое программирование. Все эти методы, а также последствия их применения с точки зрения возможностей в конструировании здоровой личности детально рассматриваются в представленной статье.

Ключевые слова: личность, структура личности, здоровая личность, физическое, психическое и социальное здоровье, социальное конструирование здоровой личности, релевантные методы улучшения здоровья личности, псевдонаучные подходы к конструированию здоровой личности.

SOCIAL CONSTRUCTION OF A HEALTHY PERSONALITY: REASONABLE DILEMMAS AND PSEUDOSCIENTIFIC APPROACHES*

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

This article comprehensively examines the problem of social construction of a healthy personality, which, in the context of numerous socio-political upheavals, under the influence of external destructive factors, becomes particularly relevant.

The concept of “personality”, in contrast to the ethically neutral concept of psychophysical and spiritual individuality, it includes a moment of self-determination in the social world. A personality is always characterized by its inherent semantic structure (a system of views, values, ideas), revealed in actions and deeds that are somehow connected with a broader social environment — society and are formed under its influence. Modern social sciences consider personality as a structural integrity of biological, mental and social properties, which gives rise to the identification of several components within the framework of an integral personality structure: biological, mental and social. Similarly, the category of “health” has physical, mental, social and spiritual components that lend themselves to social construction.

The author cites the data of a sociological study conducted by him, according to which both the physical, mental and spiritual health of modern Russian students cannot be considered good. In this regard, he discusses discussions about how it is possible to construct a completely healthy personality, or to restore to it any of the lost components

* The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

of health using a variety of methods and technologies that differ significantly in their scientific validity and social orientation. Undoubtedly useful methods of strengthening both physical and mental health include those aimed at strengthening the body's defenses, its self-regulation systems and stress resistance. Thus, such fairly common and scientifically based methods as relaxation and coping, auto-suggestion, creative visualization and common sense therapy seem quite appropriate. In our opinion, pseudoscientific and sometimes destructive methods include extrasensory perception (psychic healing, telekinesis and psychokinesis), karmic medicine, including biofield correction and neuro-linguistic programming. All these methods, as well as the consequences of their application in terms of possibilities in constructing a healthy personality, are discussed in detail in the article.

Key words: *personality, personality structure, healthy personality, physical, mental and social health, social construction of a healthy personality, relevant methods of improving personal health, pseudoscientific approaches to the construction of a healthy personality.*

В условиях многочисленных социально-политических потрясений, под воздействием внешних деструктивных факторов проблема социального конструирования не просто физически здорового и психически устойчивого человека, а именно здоровой личности, приобретает особую актуальность.

В широком смысле *человек* — это живое существо, один из видов живых организмов, который выделяется из массы других организмов, с помощью особых, характерных только для человека, биологических признаков. Подобной трактовки придерживаются естественные науки, но в социальных науках (особенно — в социологии) принята иная трактовка и соотношение данных понятий: акцент в них делается на социальных качествах человека и его способности вступать в отношения с другими людьми.

Человек — это, прежде всего, социальное существо, обладающее разумом; общение с другими людьми, вхождение в конкретную социальную общность как раз и выделяет человека из остального животного мира. *Индивид* — это отдельный, обособленный член именно социальной общности, обладающий индивидуальностью — совокупностью характерных черт, позволяющих выделить его из нее.

Понятие "*личность*" подразумевает человека как субъекта отношений (к себе, другим людям, окружающему миру) и созидательной деятельности. В этом смысле, в отличие от этически нейтрального понятия психофизической и духовной индивидуальности, оно включает в себя момент самоопределения в социальном мире. Личность всегда характеризуется присущей ей смысловой структурой (системой взглядов, ценностных установок, представлений),

раскрывающейся в действиях и поступках, которые так или иначе связаны с более широким социальным окружением — обществом и формируются под его воздействием.

Так, выдающийся российский социолог Н.А. Бердяев утверждал, что “личность различна, единична, неповторима, оригинальна, не походит на других. Личность творит себя на протяжении всей человеческой жизни. Именно поэтому личность не самодостаточна, она не может довольствоваться собой. Она всегда предполагает существование других личностей, выход из себя в другого. Отношение личности к другим личностям есть качественное содержание человеческой жизни. Таким образом, человеческая личность может себя реализовать только в общении с другими личностями, в общине. Личность должна отстаивать свое своеобразие, независимость, духовную свободу, но осуществлять свое призвание она должна именно в обществе”¹.

Понятие “личность” характеризует один из наиболее значимых уровней организации человека, а именно особенности его развития как социального существа, как субъекта деятельности в единстве его индивидуальных свойств и социальных ролей. Современные социальные науки рассматривают личность как структурную целостность биологических, психических и социальных свойств, что дает основание для выделения нескольких компонентов в рамках целостной структуры личности: биологического, психического и социального.

Биологический компонент, обусловленный особенностями анатомии и физиологии человека, включает пол, цвет кожи, рост, строение тела и, конечно же, определенные параметры здоровья. Психический компонент связан с такими основополагающими свойствами человеческой психики, как способность к восприятию окружающего мира, внимание, память, мышление и речь, а также с более сложными психическими образованиями — темпераментом, мотивами, установками, характером и т.п. Социальный компонент формируется в процессе взаимодействия личности с другими личностями в процессе совместной деятельности и отражает ее собственно социальные свойства. При этом достаточно часто считают, что каждый из этих трех компонентов структуры личности является, соответственно, фокусом биологии, психологии и социологии, однако на самом деле все они взаимосвязаны и оказывают неизменное влияние друг на друга.

¹ Бердяев Н.А. Проблема человека (К построению христианской антропологии) // Путь. 1936. № 50. С. 22.

Главный механизм развития психики человека — усвоение социальных, исторически сложившихся видов и форм деятельности, которые преобразуются далее во внутренние процессы личности. Таким образом, “внешнее” (по отношению к данному индивиду) и его “внутренняя” природа оказываются связанными как генетически, так и функционально. В данной связи особую значимость приобретает вопрос о соотношении природного и социального в формировании и развитии индивида, его личности.

В настоящее время все исследователи в той или иной степени признают, что биологические — органические, наследственные, врожденные данные играют определенную роль в психическом развитии человека, и, в частности, в развитии его способностей. В центре их внимания находится следующий вопрос: в какой мере наследственные задатки специфически и непосредственно определяют формирование способностей? Ответы ученых на этот вопрос группируются посредством дилеммы, которая кратко выражена двумя рядами взаимных ошибочных отождествлений:

- а) биологическое = животное = внутреннее = индивидуальное;
- б) социальное = человеческое = внешнее = коллективное.

Эта дилемма легла в основу двух диаметрально противоположных подходов. Согласно первому подходу, “можно считать безнадежным или почти безнадежным делом воспитать у человека такую способность, задатки для которой у него отсутствуют”². Представители второго подхода полагают, что природные задатки вовсе не играют сколько-нибудь существенной роли в развитии способностей и вообще личности. Однако сами по себе внешние причины (социальные воздействия) вне взаимодействия с внутренними условиями совершенно недостаточны, хотя и необходимы для полноценной психической деятельности. Точно так же сами по себе внутренние условия, вырванные из взаимодействия с внешними причинами, недостаточны — при всей их необходимости — для психического развития. Во всех случаях и всегда требуется специфическое взаимодействие внешнего и внутреннего. На самом деле, социальное не внешне “надстраивается” над первым, индивидуальным (исторически первичным), а так или иначе его видоизменяет, опосредствует и развивает.

Личность — это конкретный человек, взятый в системе его устойчивых социально обусловленных психологических характеристик, которые проявляются в общественных связях и отноше-

² Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. С. 220.

ях, определяют его нравственные поступки и имеют существенное значение для него самого и окружающих. Это понимание лежит в основе почти всех работ советской психологической школы, начиная с Л.С. Выготского и Л.С. Рубинштейна, в которых в качестве собственно личностных свойств из всего многообразия свойств человека обычно выделяли те, которые обуславливают его общественно значимое поведение или деятельность³.

Природные предпосылки развития индивида, телесная организация, нервная и эндокринная системы, преимущества и дефекты физической организации существенно влияют на формирование его индивидуально-психологических особенностей. Однако биологическое, включаясь в личность человека, становится социальным. Так, мозговая патология порождает индивидуальные биологически обусловленные психические черты, но личностными чертами, конкретными особенностями личности они становятся или нет в силу социальной детерминации.

Природные органические стороны и черты существуют в структуре индивидуальности человеческой личности как социально обусловленные ее элементы. Природное (анатомические, физиологические и другие качества) и социальное образуют единство и не могут быть механически противопоставлены друг другу как самостоятельные подструктуры личности.

Биологическая структура личности, конечно, не может не учитываться социологией. Но, как правило, она принимается во внимание лишь в аспекте деформации этой структуры, когда серьезно ухудшается здоровье личности, поскольку при этом нарушаются нормальные взаимодействия личности с другими людьми.

Известно, что эффективное выполнение человеком многочисленных социально важных функций во многом зависит от состояния его здоровья, которое обеспечивает полноценное и эффективное выполнение им социальных функций. В свою очередь категория “здоровье” имеет физическую, психическую, социальную и духовную составляющие.

Физическое здоровье подразумевает способность человека использовать свое физическое тело, его органы и системы для жизненных отправлений и самосохранения. Это естественное состояние, обусловленное нормальным функционированием всех его органов и систем, предполагающее не только отсутствие болезней, но и определенный уровень физической подготовленности и функцио-

³ См., например: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 1998. Гл. XV.

нального состояния организма⁴. В самом общем виде физическое здоровье характеризуется возможностями адаптироваться к различным факторам внешней среды, уровнем физического развития, функциональной и физической подготовленностью организма к выполнению различных физических нагрузок⁵.

Известно, что основной фактор физического здоровья — это образ жизни человека. Тем не менее исследователи отмечают, что “на современном этапе общественного развития отсутствует приоритет здорового образа жизни, не разработан механизм ответственности молодого человека за выбор способов жизнедеятельности, слабо поставлена пропагандистская установка на здоровый образ жизни”⁶.

Как показали результаты социологического исследования “Социальное конструирование здоровья молодежи в условиях цифровизации”, проведенного автором методом опроса в июле 2023 г. среди студентов (далее — авторское исследование)⁷, подавляющее большинство респондентов (85%) уверено в том, что людям необходимо вести здоровый образ жизни, и только 5% не считают это необходимостью. В то же время существенно меньше представителей студенческой молодежи (59%) полагают, что их образ жизни скорее здоровый, чем нет, и только 9% уверены в том, что их образ жизни является здоровым. Каждый четвертый опрошенный (26%) думает, что его образ жизни скорее нездоровый, чем здоровый, а 5% вообще не считает свой образ жизни здоровым.

При этом только 12% опрошенных оценили состояние своего здоровья на “отлично”, 59% респондентов оценили состояние своего здоровья как хорошее (редко болею, обычно чувствую себя хорошо), четверть опрошенных (24%) оценили его как удовлетворительное (регулярно болею, имею некоторые хронические заболевания), а 3% участников опроса оценили состояние своего здоровья как плохое, что в сопоставлении с преимущественным возрастом опрошенных не может остаться без внимания.

Физическое здоровье измеряется степенью физической подготовленности, физическим развитием, физической формой, физической активностью и тому подобными свойствами в их соответствии

⁴ Круглякова Э.В., Коробейникова Е.И. Физическое здоровье как основа долгой и активной жизни человека // Наука-2020. 2021. № 7 (52). С. 28.

⁵ Там же. С. 27–33.

⁶ Буянова Л.В. Формирование здорового образа жизни учащихся как профилактика девиантного поведения // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 9. С. 245.

⁷ В опросе приняли участие 256 человек, подавляющее большинство (85%) которых являлись студентами ФГБОУВО Москвы и различных регионов России. Диапазон возраста 89% опрошенных находился в пределах 18–23 лет.

способности организма выполнять свою функцию и, главным образом, обеспечивать свое сохранение, развитие и т.д.

Психическое здоровье определяет способность человека субъективно, но при этом адекватно и конструктивно отображать в своем сознании внешний мир, управлять своим поведением в нем. Наиболее часто под ним понимают нормальное функционирование психических процессов человека (внимания, восприятия, памяти), а также полноценную мыслительную деятельность и осознанную речь.

Психическое здоровье зависит от состояния головного мозга, оно характеризуется уровнем и качеством мышления, развитием внимания и памяти, степенью эмоциональной устойчивости, развитием волевых качеств; состояние душевного благополучия, характеризующееся отсутствием психических проявлений и обеспечивающее адекватную условиям окружающей действительности регуляцию поведения, деятельности. Оно выражается в умении выстраивать свое поведение в соответствии с принятыми в обществе нормами, контролировать эмоции, справляться со стрессами и т.п. Однако говорить о том, что состояние психического здоровья населения нашей страны в целом хорошее, на наш взгляд, не совсем правомерно. Так, судя по результатам авторского исследования, подавляющее большинство опрошенных (81%) указывают на то, что часто (45%) или иногда (36%) испытывают сильные психоэмоциональные перегрузки и стрессы. Треть респондентов (30%) справляются со стрессом с помощью музыки, некоторым респондентам обычно помогают справиться со стрессом физические нагрузки (18%), творчество (17%), пение и танцы (11%), медитация (8%), курение (7%), употребление алкоголя (4%). 5% респондентов используют иные методы борьбы со стрессом. В то же время большинство респондентов (64%) часто или иногда едят сладкое или мучное (булочки, пирожки, торты, конфеты), чтобы справиться со стрессом (35 и 29% соответственно).

Около половины респондентов (45%) часто испытывают чувство тревоги и беспокойства, а почти половина (46% респондентов) чувствует страх перед будущим. При этом 14% из них отличают откровенно пессимистические настроения: 9% “не предвидят ничего хорошего в будущем”, 5% “знают, что будущее страшно, но ничего нельзя изменить”.

Физическое и психическое здоровье связаны самым тесным образом: организм человека — это система, в которой все элементы взаимосвязаны друг с другом и воздействуют друг на друга. Значительная часть этих взаимодействий опосредуется через нервную систему, поэтому психическое состояние воздействует на работу

внутренних органов, а состояние последних, в свою очередь, сказывается на психике.

Социальное здоровье заключается в способности формировать и использовать для жизнеобеспечения и самосохранения социальные связи и ресурсы. Оно измеряется способностью выживания в социальной среде, что определяется умением включаться в социальные отношения, определяющие различные сферы деятельности общества, участвовать в социальной коммуникации и одновременно выполнять множество социальных ролей.

Следует отметить, что еще одним важным компонентом здоровой личности, тесно связанным с ее психическим и социальным здоровьем, является духовное здоровье. Духовное здоровье зависит от максимального раскрытия духовного, нравственного потенциала человека, его сознательной устремленности к реализации высших, духовных (нравственных) качеств личности, приобщения к культурным ценностям. Оно измеряется способностью человека к саморазвитию и самосовершенствованию. Важным элементом духовного здоровья является нравственное здоровье, которое определяется теми моральными принципами, которые являются основой социальной жизни человека: сознательное отношение к труду, овладение сокровищами культуры, активное неприятие нравов и привычек, противоречащих нормальному образу жизни. Нравственно здоровым людям присущ ряд общечеловеческих качеств, которые и делают их настоящими гражданами⁸.

Таким образом, здоровье — это полное физическое, психическое и социальное благополучие, гармоническое развитие физических и духовных сил человеческого организма, принцип единства, определяющий гармоничное формирование здоровой личности.

Важно подчеркнуть, что существенные изменения психической (стереотипов восприятия, мышления, способов общения) и социальной структур личности (характера, ценностных ориентаций, наконец, мировоззрения) под влиянием различных внешних дестабилизирующих факторов или стрессов продуцируют конфликтующее с общепринятыми социальными нормами и ценностями социальное поведение, ведут к деформациям, а затем — и к разрушению личности. Деформации личности следует отличать от синдрома эмоционального выгорания, которое (в широком смысле) определяется как “долговременная стрессовая реакция или синдром, воз-

⁸ Сухолозова М.А., Коробейникова Е.И. Формирование здорового образа жизни как социально значимая задача в развитии личности // Пути совершенствования физической подготовки студенческой молодежи в современных условиях: Сб. научн. трудов / Под науч. ред. Т.И. Волковой. Чебоксары, 2009. С. 163.

никающий вследствие продолжительных профессиональных стрессов средней интенсивности”⁹. При этом ученые выделяют около 100 симптомов, связанных с “выгоранием” подобного генеза, среди которых агрессивные и упаднические чувства, бессонница, злоупотребление алкоголем, негативное отношение к работе, переживания чувства вины и зависимости, психосоматические недомогания и др.¹⁰ Деформации, в отличие от синдрома эмоционального выгорания, — это социально обусловленный феномен, который именно “подрывает” сбалансированную структуру личности и выражается в поведении асоциального типа, что, в конечном счете, ведет к разрушению личности, потере ею “собственного Я”¹¹. В данной связи проблема конструирования психически, социально и духовно здоровой личности приобретает особую актуальность.

В то же время вопрос о том, можно ли сконструировать изначально полностью здоровую личность, сформировать ее в более зрелом возрасте или вернуть ей какой-либо из утраченных компонентов здоровья, является достаточно дискуссионным даже в среде специалистов. Одни исследователи дают отрицательный ответ, апеллируя к порочной, агрессивной и деструктивной человеческой сущности¹². Другие, например К. Хорни¹³, отвечают утвердительно и полагают, что вполне возможно помочь индивиду восстановить себя, осознать свои настоящие чувства и желания, выработать собственную систему ценностей и построить полноценные отношения с другими людьми¹⁴.

Однако методы, которые с этой целью предлагаются, в настоящее время существенно отличаются по своей научной обоснованности и социальной направленности. Так, если вести речь о физическом здоровье, то пути его сохранения или даже улучшения на первый взгляд очевидны — это соблюдение режима труда и отдыха, достаточный сон, физическая активность, умеренное питание и т.п.¹⁵

⁹ Водопьянова Н.Е. Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях // Психология здоровья / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 2000. С. 443.

¹⁰ См. об этом: Водопьянова Н.Е. Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях. С. 443–463; Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2005.

¹¹ Кон И.С. Социология личности. М., 1967. С. 247–248.

¹² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности // Социологические исследования. 1993. № 11.

¹³ См. об этом: Хорни К. Невротическая личность нашего времени: новые пути в психоанализе. СПб., 2013.

¹⁴ Осипова Н.Г. Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. Научная монография. М., 2018. С. 400.

¹⁵ Круглякова Э.В., Коробейникова Е.И. Физическое здоровье как основа долгой и активной жизни человека. С. 27–33.

К безусловно полезным методам укрепления как физического, так и психического здоровья относятся те, которые направлены на укрепление защитных сил организма, систем его саморегуляции и стрессоустойчивости. Так, вполне целесообразными представляются такие достаточно распространенные и научно обоснованные методы, как релаксация и копинг, самовнушение, созидающая визуализация и терапия здравым смыслом.

Релаксация (от лат. *relaxatio* – “ослабление, расслабление”) — процесс расслабления, сопровождающегося снятием психического напряжения. В основе теории релаксации лежит утверждение, что разум и тело человека тесно взаимосвязаны. Предполагается, что человек в состоянии психического (эмоционального) напряжения испытывает и физическое (телесное) напряжение. И наоборот: человек в состоянии физического напряжения начинает испытывать и напряжение психическое. Следовательно, чтобы расслабить тело, нужно расслабить разум — психическое расслабление ведет к расслаблению физическому, телесному (и наоборот). Релаксация может быть как непроизвольной, так и произвольной, достигнутой в результате применения специальных психофизиологических практик. Так, существует несколько методов релаксации, в числе которых простое расслабление мышц, релаксационные дыхательные упражнения, медитация и аутотренинг, предполагающих владение определенными техниками.

Релаксация также служит эффективной профилактикой так называемой “болезни спешки”, которая создает нервное напряжение и результатом которой являются нарушение умственных процессов, истощение, изменение состава крови, ухудшение внешности и преждевременное старение. Неумение отдыхать часто вызвано ложно конструированными стереотипами (работаю ночью — значит трудолюбив), а на самом деле свидетельствует о личной неорганизованности человека, его неумении распределять свое время, правильно выстраивать распорядок дня. Действенными советами, направленными на “культивацию спокойствия”, являются ранний подъем, выстраивание приоритетов как на текущий день, так и на перспективу, прогулки по озелененной местности, а также обучение умению “просто ничего не делать”.

В широком смысле слово “копинг” означает выработку поведения, имеющего целью уменьшение или исключение психологического дискомфорта или обстоятельств, вызывающих стресс.

Как отмечают исследователи, впервые термин “coping” (в русских переводах “совладание, преодоление”) был использован американским психологом Л. Мэрфи в 1962 г. при исследовании спо-

собов преодоления детьми требований, выдвигаемых кризисами развития¹⁶. Впоследствии данный термин появился в 1966 г. в работе немецкого философа и психолога Р. Лацаруса “Психический стресс и процесс копинга”¹⁷, а затем был подхвачен многими исследователями, занимающимися проблемами стресса, трудными жизненными ситуациями, неблагоприятными жизненными событиями и путями выхода из них.

В российской психологии явление, обозначающееся в современной психологии как копинг, нашло отражение в работах К.К. Платонова, Л.И. Уманского, Б.М. Теплова, В.А. Бодрова, рассматривающих понятие “стрессоустойчивость”; “эмоциональная устойчивость” — в работах В.С. Мерлина, “поисковая активность” — у В.В. Аршавского и В.С. Ротенберга. Поведение личности при стрессе изучалось в контексте экстремальных ситуаций представителями психологии труда, медицинской психологии и медицины¹⁸.

Многие отечественные авторы переводят слово “копинг” как “совладание”, некоторые трактуют как “купирование стресса”, “преодоление” или “адаптивное совладающее поведение”¹⁹. Если обобщить различные исследования, посвященные копинг-поведению, то в них часто под “копингом” понимается своеобразное защитное поведение, реакция на специфические стрессовые ситуации (такие как болезнь, утрата, трудные жизненные обстоятельства) посредством определенных мыслей и действий²⁰.

В настоящее время выделяют три основных подхода к раскрытию феномена копинг-поведения. Представители первого, диспозиционного, подхода пытаются выявить и измерить определенные личностные качества, способствующие лучшему совладанию с трудностями, и стили преодоления стресса. Второй, ситуационный или динамический подход, сосредоточен на процессе совладания со стрессом и изучении специфических стратегий, которые изменяются в соответствии с изменением конкретных ситуаций. Предста-

¹⁶ *Ташлыков В.А.* Психологические защиты у больных с невротами и психосоматическими расстройствами. СПб., 1992.

¹⁷ *Lazarus R.S.* Psychological stress and the coping process. N.Y., 1966.

¹⁸ *Коломейцев Ю.А., Корзун С.А.* Основные научные подходы к копинг-поведению (совладающему поведению) // Проблемы управления. 2010. URL: <https://elib.bspu.by/handle/doc/3296> (дата обращения: 13.12.2023).

¹⁹ *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. М., 1983; *Анциферова Л.И.* К психологии личности как развивающей системе // Психология формирования и развития личности. М., 1981; *Крюкова Т.Л.* Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 2.

²⁰ См., например: *Нартова-Бочавер С.К.* “Coping behavior” в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. № 5. С. 20–30.

вители данного подхода, в числе которых Р. Лазарус и С. Фолкман, считают, что стратегия совладания реализуется в виде широкого диапазона динамических реакций на различные стрессовые ситуации, рассматривают совладание как постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия, направленные на управление специфическими внешними и/или внутренними требованиями, которые оцениваются с точки зрения соответствия ресурсам индивида. Сторонники третьего, интегративного, подхода рассматривают как личностные, так и ситуационные факторы, влияющие на выбор копинг-усилий. Копинг в данном случае выступает одним из аспектов способностей человека, который вместе с ресурсами служит преобразованию ситуации, устранению угрозы²¹. В последнее время в литературе наметился новый методологический подход, в рамках которого копинг-поведение рассматривается с позиции психологии субъекта, активно противостоящего стрессовым воздействиям.

Таким образом, копинг-поведение можно рассматривать как процесс, направленный на разрешение критической ситуации или критического состояния путем использования специфических психологических средств регуляции активности²². Психологическое предназначение копинг-поведения состоит в том, чтобы как можно лучше адаптировать человека к требованиям ситуации, позволяя ему овладеть ею, ослабить или смягчить эти требования, постараться избежать или привыкнуть к ним и таким образом погасить негативное действие ситуации²³.

Характерной чертой здоровой личности является не только способность управлять ситуацией, но и способность принять условия, которые нельзя изменить. Каждый человек имеет свои привычные способы ответа на стресс: принять ванну, выйти на прогулку, найти юмор в сложившейся ситуации. При этом расширить диапазон возможностей позволяют четыре стратегии улучшения копинга: 1) организовать себя; 2) поменять декорации; 3) развивать свой ум, 4) укреплять свои силы.

Метод самовнушения применяется в целях укрепления у человека чувства уверенности в своих силах, в успехе задуманного дела или реализации конкретной цели. Существует широкий набор формул для самовнушения, которые необходимо регулярно повторять. Эти формулы могут быть целеполагающими (я в состоянии достичь

²¹ Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: Дисс. ... докт. псих. наук. Кострома, 2005.

²² Ташлыков В.А. Указ. соч.

²³ Коломейцев Ю.А., Корзун С.А. Основные научные подходы к копинг-поведению...

своей цели, я достигну своей цели), позитивно-конструктивными (с каждым днем я становлюсь лучше, с каждым днем я чувствую себя более уверенным, я в состоянии сделать это), направленными на улучшение субъективного самочувствия (я абсолютно здоров и удачлив) и т.п. Когда же самовнушение осуществляется в виде образов, то используется так называемая “созидающая или созидательная визуализация”.

Автором метода “созидательной визуализации” является американская исследовательница, пионер в области развития личности и сознания Шакти Гавэйн, которая в своей одноименной монографии определила ее следующим образом: “...это техника использования Вашего воображения по созданию того, что Вы хотите получить в вашей жизни. Фактически мы пользуемся ею ежедневно. Созидающая визуализация учит использовать наше врожденное воображение все более и более сознательно в качестве техники по созиданию того, чего мы в действительности хотим: любви, здоровья, процветания”²⁴.

Согласно автору, созидающая визуализация является таким способом использования воображения, который позволяет создавать то, чего вы желаете. В созидающей визуализации нет ничего странного, нового или необычного. В действительности человек ее использует каждый день, каждую минуту. Это естественная мощь вашего воображения, первичная созидательная энергия космоса, которой вы сознательно или неосознанно постоянно пользуетесь²⁵.

Таким образом, в созидающей визуализации с помощью воображения создается яркий и точный образ желаемого, затем необходимо постоянно фокусироваться на этом образе, придавая ему положительную энергию до тех пор, пока она не станет реальностью. Так, можно воображать себя в новом доме, или на новой работе, или имеющими прекрасные взаимоотношения с окружающими, или ощущающими уравновешенность и спокойствие, или, возможно, с улучшенной памятью и способностями к обучению и т.п.²⁶

Следует отметить, что, представляя этот метод, его автор делает очень важную оговорку: эта методика не может быть использована для того, чтобы управлять поведением других лиц или заставлять их делать что-либо против воли. Она лишь устраняет наши внутренние барьеры для естественной гармонизации и самореализации, предо-

²⁴ Шакти Гавэйн. Созидательная визуализация. М., 2008. URL: <https://libking.ru/books/religion-/religion-self/199560-shakti-gevaayn-sozidayushchaya-vizualizatsiya.html> (дата обращения: 15.12.2023).

²⁵ Батлер-Боудон Т. Созидающая визуализация Шакти Гавейн. М., 2013.

²⁶ Там же.

ставляя другим возможность проявлять себя наилучшим образом. Для использования созидающей визуализации нет необходимости верить в какие бы то ни было метафизические или спиритуалистические идеи, хотя вы должны быть готовы принять некоторые принципы как возможные. Нет также необходимости верить в какие-либо силы вне самого себя. Единственное, что необходимо, так это иметь желание обогатить свои знания и опыт и быть достаточно открытым для нового²⁷.

Терапия “здравым смыслом” (рациональная терапия) достаточно часто применяется в психиатрии как метод лечения психических расстройств и некоторых соматических заболеваний через разъяснения и логическое убеждение. Как метод она была обоснована в работе “Психоневрозы и их психическое лечение” швейцарского невропатолога, психотерапевта и психолога Поля Шарля Дюбуа. Суть его такова: специалист с помощью логических аргументов доказывает клиенту неправильность его убеждений, которая приводит к соматическим заболеваниям и психическим расстройствам. При этом подкрепляет свою речь яркими примерами. Клиенту также подробно и обстоятельно объясняются причины проблем, предоставляются аргументы и факты, доказывается ошибочность его суждений и установок. После того, как он это осознает, проводится коррекция личностных ценностей. Рациональная психотерапия обязательно включает в себя изучение личности клиента и причин, вызвавших проблемы, без этого курс лечения может оказаться неэффективным: чтобы переориентировать, переубедить, нужно знать, на какие болевые точки (эмоциональные и соматические) воздействовать.

Разновидностью данного метода является позитивная терапия, которая стала активно применяться благодаря работе иранского профессора, доктора медицинских наук и специалиста в области психологии, психотерапии и неврологии Носсрата Пезешкиана, который в 2009 г. был номинирован на Нобелевскую премию в области медицины и физиологии. Необходимо отметить, что использование метода позитивной психотерапии Н. Пезешкиана и его принципов не ограничивается одной лишь психотерапией или консультированием, но распространяется также и на другие области и применяется в образовании, управлении персоналом, бизнесе, профилактике здоровья, проведении всевозможных тренингов, а также в коучинге.

Данный метод основан на идее о том, что положительное представление о человеке проистекает из того, что любой человек с са-

²⁷ См. подробнее: *Шакти Г. Созидательная визуализация*. Ростов н/Д., 2004.

мого рождения имеет две основные способности: способность к познанию и способность к любви, а по своей природе человек является добрым и подсознательно стремится к добру. Они тесно взаимосвязаны друг с другом: развитие одной способствует процессу развития другой, и облегчает его. Также позитивная психотерапия Н. Пезешкиана базируется на вере в то, что все люди наделены всем необходимым, чтобы жить счастливой жизнью. У каждого есть доступ к неисчерпаемому источнику жизни, который можно использовать для своего индивидуального раскрытия и личностного роста.

Одним из наиболее важных достоинств позитивной психотерапии является то, что она доступна любым возрастным и социальным группам, а также то, что для нее характерны обучение самопомощи, системный подход и простота языка, а также использование различных пословиц, притч, необычных интересных историй. Благодаря универсальности и принципу простоты существует возможность применения метода в повседневной жизни без каких-либо специализированных знаний абсолютно каждым человеком. Позитивную психотерапию можно рассматривать как указатель для человека на верный путь гармонизации его чувств и мыслей.

К числу псевдонаучных, а порой и деструктивных методов, на наш взгляд, относятся экстрасенсорика (экстрасенсорное целительство, телекинез и психокинез), кармическая медицина, включая коррекцию биополя, и нейролингвистическое программирование.

Термин экстрасенсорика (экстрасенсорное восприятие), который используется для обозначения ряда паранормальных форм восприятия (например, телепатии, ясновидения, лозоходства) или способностей человека, относится к одному из наиболее распространенных псевдонаучных заблуждений. Так, предполагается, что душа каждого человека включает энергетические способности, которые предназначены для работы с “тонким миром” (некоей нематериальной субстанцией). С помощью этих способностей во время сна душа каждого человека “улетает” в тонкий мир “по своим делам”, а для того, чтобы человек мог пользоваться данными *способностями* осознанно, в физическом мире, нужно раскрыть специально предназначенные для этого энергетические системы, выполнив определенные условия.

Сторонники экстрасенсорики выдвигают различные версии для ее “научного” обоснования. Согласно наиболее распространенной из них, экстрасенсорика — одна из передовых отраслей современной науки, которая изучает сверхчувствительность отдельных людей и человечества в целом к явлениям и способностям, выхо-

дящим за рамки традиционного опыта и сложившихся представлений о потенциале человека. Термины, которыми при этом широко оперируют апологеты экстрасенсорной диагностики и внедрения этого метода являются “биополе”, “информационное поле”, “энергоинформационное поле” и т.п., по сути, отражают достаточно тривиальные феномены, отражающие механизмы функционирования нервной системы человека, в том числе электрическую проводимость волокон головного и спинного мозга, возникающие в ходе межличностного взаимодействия. Но они активно используются в экстрасенсорике для коррекции различных нарушений как физического, так и психического здоровья, защиты от болезней и вредных привычек. Однако обычные рекомендации смешиваются в ней с идеологическими установками и оказываются неотделимыми от них, в то время как само оздоровление понимается ограниченно, в основном как “накачка энергией”. Процедура экстрасенсорного оздоровления обычно такова: целитель (экстрасенс) чувствует энергетическое поле контактирующего с ним человека, определяет его “аномалии”. Иногда сразу пытается, используя свое “более мощное” биополе, выполнить коррекцию. В более сложных случаях в беседе он выясняет причину аномалии и старается через энергетическое воздействие на сознание пациента устранить ее или снизить ее значимость. Его действия близки к действиям психотерапевта, но вера и воздействие опираются на значительно более привлекательную для обывателя основу — сверхчувствительность, обещание чуда.

Действительно, объединение нервных систем нескольких человек через посредство их психического контакта является гипотетически возможным. Вместе с тем нетрудно понять, насколько это опасно: в силу воздействия механизма внушения боль или проблема могут на время исчезнуть, но болезнь останется, при этом пациент пропустит момент своевременного обращения за профессиональной или медицинской помощью.

Еще меньше научных оснований имеет кармическая медицина, восходящая к религиозным догматам индуизма: вера в карму и реинкарнацию увековечены в ведических текстах. Суть индийского представления о карме — в причинно-следственной связи между поступками индивида в прошлых воплощениях и его судьбой, характером, положением в обществе в нынешнем воплощении.

В учении индуизма карма — это всемирный закон причин и результатов. Действия человека в этой жизни (чатурварга) — дхарма (безупречное исполнение религиозных предписаний), артха (материальное благополучие), кама (чувственные радости) и мокша (духовное освобождение) — предопределяют его положение в следую-

щей жизни при реинкарнации (возрождения и перевоплощения)²⁸. Тем самым индуистов объединяет вера в определенное поведение, необходимое, чтобы заслужить хорошую карму и, в конечном счете, быть отпущенным в состояние мокши — возвращения к единству с Вселенной²⁹. Закону кармы подвластны все живые существа, в том числе и боги, она действует неотвратно: действие преследует человека, безошибочно находит его. В каком-то смысле так и есть: карма — это результат прошлых поступков; и в то же время в некоторой степени будущее зависит от “человеческого усилия”, которое многие писатели противопоставляют слепой судьбе³⁰.

Кармическая медицина воспринимает болезнь как наказание за несправедливый образ жизни, мыслей, поступков. Суть кармы: все возвращается на круги своя, каждому вернется то, что он сеет вокруг себя. Кармическая медицина якобы изучает скрытые и явные энергетические взаимодействия между всеми биологическими системами, в том числе, системой “человек — человек”.

На самом деле авторы пособий по “кармической медицине”, не имеющие порой элементарных медицинских знаний, активно нагружают неопытного читателя терминологией, заимствованной из физиологии, смешанной с астрологией, а также преувеличивают свои возможности в исправлении его внешних и внутренних недостатков. Наглядным примером тому служит аннотация к одной из многочисленных книг некоего А.А. Астрогора, посвященных пропаганде кармической медицины, которые не выдерживают критики.

“В этой книге мы покопаемся в голове человека, за которую отвечает зодиакальный знак Овен, мы пройдем по извилинам его мозга, попробуем понять, на каких полочках хранится память, познакомимся с шишковидной железой, заглянем в глаза и уши, поковыряемся в носу, поправим его прическу или протрем тряпочкой лысину; почистим его зубы, а если надо, то и заговорим их. Да и в рот сумеем заглянуть, ибо болтается там язык без костей и вредит членам тела своего. Пять органов чувств, и все они спрятались в голове человека, часто ведя подрывную работу со здоровьем, поэтому вывернем их наизнанку, чтобы понять их сущность. А еще рассмотрим мимические линии на лице, не обойдем вниманием формы

²⁸ Пахомов С.В. Индуизм // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 395.

²⁹ Lind M.A. Hinduism, fundamental // Encyclopedia of Fundamentalism / Ed. by B.E. Brasher. N.Y.; L., 2001. P. 224.

³⁰ Осипова Н.Г., Елишев С.О. Религия: социологический анализ. М., 2022. С. 168.

ушей и узнаем для чего человеку нужно темечко”³¹. Но если чего-то не найдете, то это повод, чтобы дождаться переиздания книги с добавлениями и изменениями. Ибо мысль не стоит на месте, она все время развивается, дополняется красками и звуками, даже новыми запахами, образами и символами³².

Конечно, если муссирование идеи о карме преследует воспитательные цели, например, ослабить влияние прошлых поступков, собственных или своих предков (в частности, генетическую обусловленность), то кармическая медицина обещает помочь. Но следует обратить внимание на то, что гораздо лучше положиться на себя, на активное самосозидание, чем верить в рок или предопределенность прошлым.

Достаточно модным методом современной психотерапии является нейролингвистическое программирование (далее — НЛП). Основателями этого метода являются Р. Бэндлер и Д. Гриндлер, авторы известной работы “Формирование транс. Из лягушек в принцы”³³. Заявленная ими цель — дать простые общедоступные способы изменения своего мышления и поведения, чтобы научиться достигать необходимых результатов, жить полной и счастливой жизнью “удачливого принца”. Авторы этого метода утверждают, что любой человек уже имеет ресурсы, необходимые ему, чтобы измениться. Задача НЛП — помочь ему овладеть соответствующими ресурсами в соответствующей ситуации, изменить свое поведение и мышление, взаимоотношения с родными и коллегами, освободиться от комплексов, страхов, неприятных ощущений, вредных привычек и т.п.

Ключевым понятием в рамках НЛП является рефрейминг (от глагола “reframe” — “вставить в новую рамку”) — способ контакта с той частью или фрагментом личности, которая порождает одно поведение или блокирует другое. Каждый фрагмент поведения имеет позитивную функцию в некоторых условиях. Рефрейминг состоит в том, что человеку говорят: “ты можешь взглянуть на это таким образом, а можешь таким, или еще некоторым образом. Смысл, который ты этому придаешь, — это не настоящий смысл. Все эти смыслы могут найти свое место в твоём понимании мира”. При этом

³¹ Кресты Зодиака, Алхимия, Кармическая медицина: трактат о причинах возникновения болезней. М., 2017.

³² *Астрогор А.А.* Кармическая медицина. М., 2022. URL: <https://www.labyrinth.ru/books/835745/> (дата обращения: 12.12. 2023).

³³ *Гриндер Д., Бэндлер Р.* Формирование транс. Из лягушек в принцы. М., 1994; *Бэндлер Р., Гриндер Д.* Трансформэйшн. Нейролингвистическое программирование и структура гипноза. СПб., 1995.

предлагают несколько моделей рефрейминга, а чтобы узнать, какой рефрейминг подходит данному человеку, программисту нужно “уяснить его картину мира”.

Однако, несмотря на кажущиеся достаточно безобидными и позитивно направленными цели НЛП, этот метод является не просто научно необоснованным, но и крайне опасным. Его широко используют мошенники, обычно в коммерческих целях, рекламируя в специальных блогах или социальных сетях как “технология моделирования успешности, когда любой человек при правильном использовании техник НЛП может значительно улучшить свои успехи в выбранной области. Причем неважно, с чем она связана — с продажами, бизнесом, карьерой, общением или воспитанием детей”, овладеть которой, впрочем, возможно лишь затратив достаточно солидные средства. Они безапелляционно заявляют, что “сегодня наука об НЛП достигла своего расцвета. Нейролингвистическое программирование признано во многих отраслях и существует как обучающий курс в некоторых вузах мира. Практически во всех сферах открыто применяются инструменты и техники НЛП, основанные на известных закономерностях. Так, например, в телефонных переговорах используются специальные словоформы, влияющие на того, кто находится на другом конце провода. Целое искусство — убедить своего оппонента сделать реальные шаги при первом же разговоре по телефону. Вы можете научиться как работать с клиентом (если телефонные продажи — ваша работа), так и слышать и понимать манипуляцию, направленную на Вас, и направлять ситуацию в нужное Вам русло”.

Метод НЛП широко используют лидеры тоталитарных сект и деструктивных культов. Основным способом привлечения “клиентов” или “последователей” является организация семинаров и собраний, с проповедями, вопросами, ответами, коллективными упражнениями.

Наглядным примером деструктивной синкретической практики, использующей все обозначенные выше приемы и технологии, служит деятельность различных религиозных сект и культов под общим названием Нью Эйдж (Новой Эры, Нового Века).

Общей особенностью этих религиозных (новых религиозных движений), а также псевдорелигиозных движений, групп, организаций, оккультной, эзотерической, синкретической направленности, ставших очень популярными на Западе в 70-е гг. XX в., являлось то, что они активно стремились внедрить в неокрепшее сознание западной молодежи и иных социальных групп идею о наступлении новой эры в развитии религиозной ситуации в мире. Астрологиче-

ская Эра Водолея, наступающая на рубеже XX–XXI вв., по мнению значимой части сторонников Нью Эйдж, должна была ознаменовать кардинальные изменения в духовной, культурной и религиозных сферах жизни людей, когда на смену христианству, ассоциируемому с уходящей астрологической Эрой Рыб, а также современной западной культуре, должно было прийти новое синкретическое нетрадиционное религиозное учение или религия³⁴.

Как отмечает А.Л. Дворкин, в более широком смысле Нью Эйдж — это широко распространенное оккультное неоязыческое движение, основанное на довольно свободно сформулированной идеологической базе, которое сформировалось во второй половине шестидесятых годов в Калифорнии. Дать сколько-нибудь точное определение движения Нью Эйдж довольно трудно. “Можно назвать его конгломератом различных спиритистских и оккультистских групп, культов, школ, сект и учений. Само же название его может ввести в заблуждение, потому что в религиозной сути Нью Эйдж ничего нового нет, все это замшелые идеи и старые, траченные молью теории”³⁵.

Действительно, как указано на одном из сайтов, популяризирующих деятельность Нью Эйдж, это движение за развитие человеческого потенциала, конечной целью которого является личная трансформация человека “путем самосовершенствования и развития хороших качеств”. При этом ключевым в данном процессе является не изучение чужих догм, а получение собственного мистического опыта, который позволит человеку подняться на следующую ступень в самопознании. Этот мистический опыт и готовы передать ему адепты данного движения, которое якобы “пришло на смену традиционным религиям, ответив на актуальные вопросы духовного развития современного человека, поставив перед ним новые цели и указав на пути их достижения”³⁶.

С этой целью обозначенные выше и многие другие многочисленные новообразования тоталитарно-сектантского типа, объединенные в данном движении, практикуют нетрадиционные, но весьма дорогостоящие методы, среди которых акупунктура, приборы с био-обратной связью, хиропрактика, специальные упражнения и массажные техники, диета, “натуральные растительные препараты”

³⁴ См., подробнее: Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород, 2012; Конь Р.М. Введение в сектоведение. Нижний Новгород, 2008.

³⁵ Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты... С. 701–702.

³⁶ <https://samopoznanie.ru/schools/nju-eydzh/#ixzz6K9JQrBN7> (дата обращения: 12.12. 2023).

(часто на основе наркотиков), и многие другие типы “терапий”, которые в совокупности позволяют их лидерам управлять “внутренним пространством” (сознанием — *Прим. Н.О.*) своих членов, подавлять способность к критическому мышлению и направлять действия в нужное им русло.

На самом деле здоровье личности самым существенным образом зависит от реальной иерархии целей и ценностей. Это те цели, которых человек достигает повседневным трудом, и те ценности, которые он получает в результате своей деятельности.

В данной связи одним из приоритетов в конструировании здоровой личности, в иерархии личных целей и ценностей должно стать не только физическое, но и духовное здоровье. Духовное здоровье является главной предпосылкой, позволяющей справиться с социальными, психическими и физическими трудностями, открывает возможности для саморазвития и созидания. Так, чтобы быть счастливым, недостаточно быть в хорошей физической форме, без лишних килограммов, с невосприимчивым к различным стрессовым ситуациям организмом. Чтобы быть счастливым, надо иметь возможность жить творчески, иметь в жизни высокие добрые цели, быть любимым и любить, то есть быть духовно здоровым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающей системе // Психология формирования и развития личности. М., 1981.

Астрогор А.А. Кармическая медицина. М., 2022. URL: <https://www.labirint.ru/books/835745/> (дата обращения: 12.12. 2023).

Батлер-Будон Т. Созидающая визуализация Шакти Гавейн. М., 2013.

Бердяев Н.А. Проблема человека. (К построению христианской антропологии) // Путь. 1936. № 50.

Буюнова Л.В. Формирование здорового образа жизни учащихся как профилактика девиантного поведения // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 9.

Бэндлер Р., Гриндер Д. Трансформэйшн. Нейролингвистическое программирование и структура гипноза. СПб., 1995.

Водопьянова Н.Е. Синдром психического “выгорания” в коммуникативных профессиях // Психология здоровья / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 2000.

Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2005.

Гриндер Д., Бэндлер Р. Формирование транса. Из лягушек в принцы. М., 1994.

Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород, 2012.

Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М., 1983.

Коломейцев Ю.А., Корзун С.А. Основные научные подходы к копинг-поведению (совладающему поведению) // Проблемы управления. 2010. URL: <https://elibrary.by/handle/doc/3296> (дата обращения: 13.12.2023).

Кон И.С. Социология личности. М., 1967.

Конь Р.М. Введение в сектоведение. Нижний Новгород, 2008.

Кресты Зодиака, Алхимия, Кармическая медицина: трактат о причинах возникновения болезней. М., 2017.

Круглякова Э.В., Коробейникова Е.И. Физическое здоровье как основа долгой и активной жизни человека // Наука. 2020. № 7 (52).

Крюкова Т.Л. Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 2.

Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: Дисс. ... докт. психологич. наук. Кострома, 2005.

Нартова-Бочавер С.К. "Coping behavior" в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. № 5.

Осипова Н.Г. Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. Научная монография. М., 2018.

Пахомов С.В. Индуизм // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 1998.

Сайт Самопознание.ру. URL: <https://samopoznanie.ru/schools/nju-eydzh/#ixzz6K9JQrBN7> (дата обращения: 12.12. 2023).

Сухолозова М.А., Коробейникова Е.И. Формирование здорового образа жизни как социально значимая задача в развитии личности // Пути совершенствования физической подготовки студенческой молодежи в современных условиях: Сб. науч. трудов / Под науч. ред. Т.И. Волковой. Чебоксары, 2009.

Ташильков В.А. Психологические защиты у больных с неврозами и психосоматическими расстройствами. СПб., 1992.

Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности // Социологические исследования. 1993. № 11.

Хорни К. Невротическая личность нашего времени: новые пути в психоанализе. СПб., 2013.

Шакти Г. Созидательная визуализация. Ростов н/Д., 2004.

Шакти Г. Созидательная визуализация. София, 2008. URL: <https://libking.ru/books/religion-/religion-self/199560-shakti-gevayn-sozidayushchaya-vizualizatsiya.html> (дата обращения: 15.12.2023).

REFERENCES

Ancyferova L.I. K psihologii lichnosti kak razvivayushchej sisteme // Psihologiya formirovaniya i razvitiya lichnosti [Towards personality psychology as a developmental system / Psychology of personality formation and development]. M., 1981 (in Russian).

Astrogor A.A. Karmicheskaya medicina [Karmic medicine]. M., 2022. URL: <https://www.labirint.ru/books/835745/> (data obrashcheniya: 12.12. 2023) (in Russian).

Batler-Boudon T. Sozidayushchaya vizualizaciya Shakti Gaven [Creative visualization of Shakti Gawain]. M., 2013 (in Russian).

Berdyayev N.A. Problema cheloveka. (K postroeniyu hristianskoj antropologii) [The human problem. (Towards the construction of Christian anthropology)] // Put'. 1936. N 50 (in Russian).

Buyanova L.V. Formirovanie zdorovogo obraza zhizni uchashchihsya kak profilaktika deviantnogo povedeniya [Formation of a healthy lifestyle for students as a means of preventing deviant behavior] // Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya. 2018. N 9 (in Russian).

Bendler R., Grinder D. Transformeishn. Nejrolingvisticheskoe programmirovaniye i struktura gipnoza [Transformation. Neurolinguistic programming and the structure of hypnosis]. SPb., 1995 (in Russian).

Dvorkin A.L. Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovaniya [Sect studies. Totalitarian sects. Experience of systematic research]. Nizhny Novgorod, 2012 (in Russian).

Fromm E. Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti [Anatomy of human destructiveness] // Sociologicheskie issledovaniya. 1993. N 11 (in Russian).

Grinder D., Bendler R. Formirovanie transa. Iz lyagushek v principy [Formation of trance. From frogs to princes]. M., 1994 (in Russian).

Horn K. Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni: novye puti v psihoanalize [Neurotic personality of our time: new paths in psychoanalysis]. SPb., 2013 (in Russian).

Kitaev-Smyk L.A. Psihologiya stressa [Psychology of stress]. M., 1983 (in Russian).

Kolomejcev Yu.A., Korzun S.A. Osnovnye nauchnye podhody k koping-povedeniyu (sovladayushchemu povedeniyu) [Basic scientific approaches to coping behavior (coping behavior)] // Problemy upravleniya. 2010. URL: <https://elibrary.ru/handle/doc/3296> (data obrashcheniya: 13.12.2023) (in Russian).

Kon I.S. Sociologiya lichnosti [Sociology of personality]. M., 1967 (in Russian).

Kon' R.M. Vvedenie v sektovedenie [Introduction to sect studies]. Nizhny Novgorod, 2008 (in Russian).

Kresty Zodiaka, Alhimiya, Karmicheskaya medicina: traktat o prichinakh vznikeniya boleznej [Crosses of the Zodiac, Alchemy, Karmic Medicine: a treatise on the causes of diseases]. M., 2017 (in Russian).

Kruglyakova E.V., Korobejnikova E.I. Fizicheskoe zdorov'e kak osnova dolgoj i aktivnoj zhizni cheloveka [Physical health as the basis for a long and active human life] // Nauka. 2020. N 7 (52) (in Russian).

Kryukova T.L. Vozrastnye i krosskul'turnye razlichiya v strategiyah sovladayushchego povedeniya [Age and cross-cultural differences in coping strategies] // Psihologicheskij zhurnal. 2005. T. 26. N 2 (in Russian).

Kryukova T.L. Psihologiya sovladayushchego povedeniya v raznye periody zhizni: Diss. ...dokt. psiholog. nauk [Psychology of coping behavior in different periods of life: Diss. ... doc. psychological Sci.]. Kostroma, 2005 (in Russian).

Lazarus R.S. Psychological stress and the coping process. N.Y., 1966.

Lind M.A. Hinduism, fundamental // Encyclopedia of Fundamentalism / Ed. by B.E. Brasher. N.Y.; L., 2001.

Nartova-Bochaver S.K. "Coping behavior" v sisteme ponyatiy psihologii lichnosti ["Coping behavior" in the system of concepts of personality psychology] // Psihologicheskij zhurnal. 1997. N 5 (in Russian).

Osipova N.G. Zapadnaya sociologiya v HKH stoletii: klyuchevye figury, napravleniya i shkoly. Nauchnaya monografiya [Western sociology in the twentieth century: key figures, trends and schools. Scientific monograph]. M., 2018 (in Russian).

Pahomov S.V. Induizm [Hinduism] // Religiovedenie. Enciklopedicheskij slovar'. M., 2006 (in Russian).

Rubinshtejn S.L. Osnovy obshchej psihologii [Fundamentals of general psychology]. SPb., 1998 (in Russian).

Sajt Samopoznanie.ru. [Website Samopoznanie.ru]. <https://samopoznanie.ru/schools/nju-eydzh/#ixzz6K9JQrBN7> (Data obrashcheniya: 12.12. 2023) (in Russian).

Shakti G. Sozidatel'naya vizualizaciya [Creative visualization]. Rostov n/D., 2004 (in Russian).

Shakti G. Sozidatel'naya vizualizaciya [Creative visualization]. Sofiya, 2008. URL: <https://libking.ru/books/religion-/religion-self/199560-shakti-gevayn-sozidayushchaya-vizualizatsiya.html> (data obrashcheniya: 15.12.2023) (in Russian).

Suholozova M.A., Korobejnikova E.I. Formirovanie zdorovogo obraza zhizni kak social'no-znachimaya zadacha v razvitii lichnosti [Formation of a healthy lifestyle as a socially significant task in the development of personality] // Puti sovershenstvovaniya fizicheskoy podgotovki studencheskoj molodezhi v sovremennyh usloviyah: sbornik nauchnyh trudov / Pod nauch. red. T.I. Volkovoj. Cheboksary, 2009 (in Russian).

Tashlykov V.A. Psihologicheskie zashchity u bol'nyh s nevrozami i psihosomaticheskimi rasstrojstvami [Psychological defenses in patients with neuroses and psychosomatic disorders]. SPb., 1992 (in Russian).

Teplov B.M. Problemy individual'nyh razlichij [Problems of individual differences]. M., 1961 (in Russian).

Vodop'yanova N.E. Sindrom psihicheskogo "vygoraniya" v kommunikativnyh professiyah [Mental "burnout" syndrome in communication professions // Health Psychology] // Psihologiya zdorov'ya / Pod red. G.S. Nikiforova. SPb., 2000 (in Russian).

Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. SPb., 2005 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-32-52

ЗДОРОВЬЕ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ: СТЕРЕОТИПЫ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В условиях старения населения в особом осмыслении нуждается проблема здоровья населения старших возрастов. В статье предпринята попытка анализа некоторых показателей здоровья людей “серебряного возраста”, их восприятия и принятия своего собственного возраста, а также восприятия их окружающими. Анализируется включенность пожилых в экономическую, социальную, культурную жизнь общества. Пытаясь определить возрастные границы старости, автор приходит к выводу о невозможности выделения единой “правильной” классификации, ввиду разнородности возвратной группы “пожилые”, несовпадения их взглядов на жизнь, разницы в состоянии здоровья и восприятии болезней. Делается вывод, что анализ факторов этой неоднородности поможет понять основные проблемы в увеличении продолжительности жизни и даст возможность качественно разработать более эффективные программы по продлению здорового образа жизни и активной старости. В статье рассматриваются такие показатели здоровья, как ожидаемая продолжительность жизни, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, самооценка здоровья, социально-медицинская грамотность пожилого населения. Автор не обходит стороной пандемию COVID-19, которая не могла не оказать влияние на состояние физического и ментального здоровья людей старших возрастов, так как именно они составляли основную группу риска в период пандемии.

Статья опирается на результаты наиболее значимых современных российских и зарубежных работ в области социологии старения, социологии здоровья. Методологической основой работы является вторичный анализ данных исследований Фонда “Общественное мнение” (ФОМ), Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и др.

Ключевые слова: старение, старость, пенсионеры, трудовая занятость пожилых, болезни, здоровье, границы старости, полиморбидность, здоровый образ жизни.

*Новосёлова Елена Николаевна, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

HEALTH AND OLDER ADULTS: STEREOTYPES AND OBJECTIVE INDICATORS

Novoselova Elena N., PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of the Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

In the context of ageing, the problem of health among older adults needs special attention. The article attempts to analyze key health indicators among older people, their perception and acceptance of their own age, as well as the perception of them by others. The article also analyzes processes of inclusion of older people in the economic, social, and cultural life. Trying to determine the age boundaries of an old age, the author comes to the conclusion that it is impossible to identify a single correct classification, due to the heterogeneity of the “elderly” group, the discrepancy between their views on life, the difference in health status and their perceptions of illnesses. The analysis factors influencing this heterogeneity will help to understand the main problems of life expectancy and will make it possible to develop more effective programs to prolong a healthy lifestyle and active aging. The author analyzes such health indicators as: life expectancy, healthy life expectancy, self-assessment of health, social and medical literacy of the elderly population. The author does not ignore the COVID-19 pandemic, which had an impact on physical and mental health of older people, as they were the main risk group during the pandemic.

The article is based on the results of the most significant and recent Russian and foreign works in the fields of sociology of ageing and sociology of health. The methodological basis of the work is a secondary analysis of research data from the Public Opinion Foundation (FOM), the All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM), etc.

Key words: ageing, old age, pensioners, employment of the elderly, illness, health, boundaries of old age, multimorbidity, healthy lifestyle.

Современные трансформации возрастной структуры населения и все возрастающая доля пожилых придают особую актуальность осмыслению проблем здоровья представителей старшей возрастной когорты. Старение и ухудшение состояния здоровья — понятия трудноразделимые, но не синонимичные. При этом, “проводить различие между болезнью и нормальным старением — то же самое, что пытаться отделить неопределенное от неопределяемого”¹. С одной стороны, старение — неизбежно возникающий разрушительный процесс. Старость представляется в сознании человека как физический недуг, связанный с непрерывно ухудшающимся здоровьем, бо-

¹ Evans J.G. Research and the aging population / Ed. by D. Evered, J. Whalen. Chichester, 1988. P. 38–57 (цит. по: Ишонина О.Г. Старение организма — универсальная болезнь или неизбежно возникающий процесс? // Медицинский вестник Юга России. 2011. № 3).

лезненное состояние, в котором тело начинает чувствоваться через “невозможно им пользоваться”². Такое представление о старости не ново, именно так старость представлена в русских паремиях — через физическую слабость и болезнь старость репрезентируется в 13,91% пословиц о возрасте, хорошее физическое состояние 2,32%³. С другой стороны, старение, не являясь болезнью, соответственно не имеет лечения. Болезни старости не следует путать с физиологическим процессом старения, у которого множество проявлений, не нуждающихся в лечении: морщинистая кожа, поседение волос, ослабление силы рукопожатия и т.д.

Какой бы концепции мы здесь не придерживались, спорить с тем, что “старение, создает предпосылки развития патологий, ассоциированных с возрастом”⁴, появляющихся в результате накопления различных повреждений и нарушений, приводящих к развитию хронических заболеваний и состояний, в той или иной степени ограничивающих нормальную жизнедеятельность, не приходится. По крайней мере на том уровне развития медицины и технологий, на котором мы сегодня находимся, избежать вышеописанных возрастных трансформаций пока невозможно. С возрастом происходят изменения в нервной системе, снижается способность реагировать на раздражители, ухудшается память. Растет заболеваемость практически по всем классам болезней, при этом в структуре заболеваемости значительно превалирует патология сердечно-сосудистой системы, составляя до 20–25%, на втором месте находятся болезни органов дыхания, далее — болезни нервной системы и органов чувств, костно-мышечной системы, органов пищеварения и др.⁵

Одной из основных черт заболеваемости в “третьем возрасте” можно назвать полиморбидность, т.е. число болезней у одного человека. По данным зарубежных и отечественных исследований она встречается у 98% пациентов старшей возрастной группы. При этом среднее количество хронических заболеваний варьирует от 2,8

² Юревич А.В. Старение как психологическая проблема // Наука. Культура. Общество. 2018. № 1.

³ Бочина Т.Г., Сян Ц. Аксиология возраста в русской паремике // Вестник ТГГПУ. 2013. № 3 (33).

⁴ Агранович Н.В., Агранович В.О., Кульнева М.С. Повышение качества жизни пожилых людей путем пролонгирования активного образа жизни // Архив внутренней медицины. 2012. № 2.

⁵ Бантьева М.Н., Прилико Н.С. Возрастные аспекты заболеваемости взрослого населения по обращаемости в амбулаторно-поликлинические учреждения // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. № 4; Газимагомедова П.К., Вартанова М.Л. Медико-социальные проблемы пожилых людей и пути их решения // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 6 (32).

у молодых пациентов до 6,4 у лиц пожилого и старческого возраста⁶. В то же время по данным Л.Б. Лазебника, старость сама по себе практически не приводит к увеличению арифметического числа заболеваний, а полиморбидность формируется на входе в пенсионный возраст (примерно к 60 годам), и оказывается достоверно меньшим в старейших группах: 4,7 заболевания в группе 86–90 лет и 2,9 в группе 91–95 лет⁷. Здесь необходимы дополнительные исследования, но по всей видимости, число заболеваний не уменьшается, просто до старческих возрастов доживают те, у кого их меньше.

По данным социологических опросов, только треть (35%) россиян считает, что в преклонном возрасте они сохраняют здоровье и хорошую форму⁸, а 40% считают ухудшение здоровья, болезни главными проблемами пожилых (второе место в рейтинге проблем после бедности и низких пенсий, 60%⁹). Чаще на проблему ухудшения здоровья и болезни в среде пожилых указывают женщины — 46%, чем мужчины — 34%. Возможно потому, что женщины болеют и пользуются медико-санитарными услугами больше, а при более высокой продолжительности жизни (в России на 10 лет) они, соответственно, более длительный отрезок своей жизни проводят в состоянии нездоровья. Кроме того, именно на плечи женщины чаще всего ложится забота о престарелых нездоровых родственниках. 12% среди 30–60-летних составляют женщины, попавшие в “сэндвич”-эффект, т.е. те представительницы “слабого” пола, которые вынуждены заботиться и о своих детях дошкольниках/школьниках, и о пожилых родителях, причем 58% из них еще и работают полный день. “Можно предположить, что эта проблема будет со временем только усугубляться, создавая повышенные риски для общественного здоровья”¹⁰.

Границы старости подвижны. Отделить средний возраст от пожилого, а его в свою очередь от старости практически невозможно.

⁶ Fortin M., Bravo G., Hudon C., Vanasse A., Lapointe L. Prevalence of multimorbidity among adults seen in family practice // *Annals of Family Medicine*. 2005. N 3 (3). P. 223–228; Эделева А.Н., Сабгайда Т.П., Стародубов В.И. Неоднородность груза хронической патологии у пожилых // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2019. № 3 (67).

⁷ Лазебник Б.Л. Старение и полиморбидность // *Consilium medicum*. 2005. Т. 7. № 12.

⁸ Исследование восприятия старшего возраста // Ipsos. 2019. March. URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/perennials-issledovanie-vospriyatiya-starshego-vozrasta>.

⁹ Жить долго, жить хорошо! // ВЦИОМ. 2023. Июнь. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-dolgo-zhit-khorosho>

¹⁰ Манузина А.В. 12% россиян среднего возраста заботятся одновременно и о детях, и о родителях // Научно-образовательный портал IQ. <https://iq.hse.ru/news/811723137.html> (дата обращения: 25.11.2023).

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) принимает за границы пожилого возраста интервал от 60 до 74 года, за ним следует старческий возраст – 75–89 лет и этап “долголетия” — 90 лет и старше¹¹. Та же ВОЗ утверждает, что пожилой возраст и здоровье людей на данном этапе жизни отличаются большим разнообразием, груз накопленных к старости заболеваний и само пожилое население не являются однородными, и невозможно довольствоваться ни одной из имеющихся возрастных классификаций¹². В этой связи более правильным можно назвать термин “стареющий”, указывающий на процесс, а не на определенную и всегда произвольно устанавливаемую возрастную границу¹³. Так или иначе, неоднородность старшей возрастной группы и тот факт, что выражение “счастливая старость” не является пустой метафорой и люди могут быть счастливыми и вполне здоровыми и на старости лет, дают надежду на то, что анализ факторов этой неоднородности поможет понять основные проблемы в увеличении продолжительности жизни и даст возможность качественно разработать более эффективные программы по продлению здорового образа жизни и активной старости.

Крупные российские аналитические центры (например, ФОМ, ВЦИОМ), проводя исследования по репрезентативной выборке, представляющей все население России, к старшей возрастной категории обычно относят лиц 60 лет и старше. Сами же респонденты в возрасте 60+ относят себя к представителям старшего поколения (33%), но не к пожилым, хотя еще 10 лет назад эта возрастная группа называла себя пожилыми в два раза чаще¹⁴. Кроме того, данная группа, как уже говорилось выше, очень разнородная. Какой бы параметр мы ни взяли для измерения, будь то сила хвата руки, концентрация каких-нибудь веществ в крови или набор микробов в кишечни-

¹¹ См., об этом, например: Антонов А.И., Назарова И.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В. Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие // *Народонаселение*. 2023. Т. 26. № 3. С. 131–143; Анищенко Е.Б., Транковская Л.В., Важенина А.А., Тарасенко Г.А. Состояние здоровья, как фактор, влияющий на трудовую деятельность работающих лиц пожилого возраста // *Медицина труда и промышленная экология*. 2022. № 62 (5). С. 311–321.

¹² Цит. по: Новоселов В.М., Конев Ю.В. Указ. соч.; см., также: Misconceptions on ageing and health // *World Health Organization*. 2015. 30 October. URL: <https://www.who.int/news-room/photo-story/photo-story-detail/ageing-and-life-course> (accessed: 12.11.2023).

¹³ Ермолаева М. Практическая психология старости. М., 2002 (цит. по: Розин В.М. Старость как психологический и культурный феномен // *Психология. Журнал ВШЭ*. 2017. № 2).

¹⁴ Экспертная дискуссия на тему “Будущее старости: изменение наших представлений о пожилых людях, их образе жизни, потребностях и потенциале” // ВЦИОМ. URL: <https://profi.wciom.ru/budushchee-starosti/> (дата обращения: 12.11.2023).

ке, разброс по нему среди пожилых членов популяции будет очень серьезным¹⁵. Респонденты того же ВЦИОМ заявляют, что старость начинается в тот момент, когда начинаются серьезные проблемы со здоровьем — 50%, когда теряется возможность зарабатывать, обеспечивать себя — 27%, прекращается трудовая деятельность — 26% и т.д. (см. табл.). Таким образом, возраст имеет не только физическое и биологическое, но также психологическое и социальное измерения¹⁶, а старость во многом является социальным конструктом, который может определять самоощущение и самооценку человека в определенном возрасте.

Таблица

Когда начинается старость, в %

	Все	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60+ лет
С серьезных проблем со здоровьем	50	49	43	52	58	43
С отсутствием возможности зарабатывать, обеспечивать себя	27	22	27	28	29	25
С прекращением активной трудовой деятельности	26	31	26	27	24	26
Если становишься зависим от окружающих	26	11	21	27	31	26
С потерей возможности вести привычный образ жизни	20	13	24	20	21	16
С выходом на пенсию	20	22	27	20	15	17
С потерей способности учиться новому	16	15	17	17	17	14
Другое	11	5	12	11	12	13
Затрудняюсь ответить	3	2	3	3	4	3

Источник: Качество жизни россиян: ключевые факторы // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kachestvo-zhizni-rossiyan-klyuchevye-faktory>

¹⁵ Иванов Д. Дело не в морщинах. Почему наука не знает, существует ли старость // N+1. Интернет-издание. URL: <https://nplus1.ru/about> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁶ Шмерлина И.А. Особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте // Социологический журнал. 2014. № 1.

Для развитого общества долголетие является нормой, и если сравнивать современных пожилых с предыдущими поколениями, то они имеют высокий уровень образования¹⁷, комфортные бытовые условия, находятся в более благоприятной ситуации с точки зрения возможности активного и продуктивного старения. Что касается образования, то этот очень важный для любого возраста фактор здоровья лишь укрепляет свои позиции с возрастом¹⁸, что вероятнее всего связано с меньшей распространенностью вредных привычек и лучшей информированностью о здоровом образе жизни среди более образованных людей¹⁹.

Сегодняшние “старика” дольше остаются субъективно здоровыми и чувствуют себя моложе своего возраста (64% пожилых об этом заявляют)²⁰. Реальное здоровье у них тоже лучше — больше мышечная сила, скорость ходьбы и реакции, рабочая память, беглость речи и мышления²¹. В теории, они дольше сохраняют трудовую активность, что очень важно, так как она поддерживает категорию работающих пожилых людей в более высоком тонусе, создает условия для сохранения хорошего самочувствия как в социальном, так и в физическом аспекте. Проблема в том, что здесь имеет место некий “замкнутый круг”, когда плохое здоровье является значительным ограничителем для экономической активности, а возросшие трудности с работой в свою очередь негативно сказываются на состоянии здоровья.

Главная причина окончания трудовой деятельности пожилых в России, впрочем, как и во всем мире — проблемы со здоровьем: “Плохое или очень плохое состояние здоровья снижает шансы сохранить занятость на 47% для мужчин и 40% для женщин, наличие инвалидности — на 63% и 48% для мужчин и женщин соответственно”²². Опрос российского населения, проведенный

¹⁷ Синявская О.В., Гудкова Т.Б., Ермолина А.А. и др. Старение как социально-экономический феномен // Волонтер. 2018. Т. 27. № 3. С. 7–15.

¹⁸ См., например: Черкасов С.Н., Шестаков Г.С., Киртадзе Д.Г. Влияние образования на самооценку здоровья в старших возрастных группах // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2018. № 9–10.

¹⁹ Карцева М.А., Кузнецова П.О. Здоровье, доходы, возраст: эмпирический анализ неравенства в здоровье населения России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 160–185; См. также: Новоселова Е.Н. Здоровье как ценность и практика: общество, семья, личность. М., 2021.

²⁰ Шмерлина И.А. Указ. соч. 2014.

²¹ Melore C. Seniors are younger today, more mentally and physically fit than 30 years ago // Study Finds. 2020.22.09.

²² Зачем пенсионерам работать // Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rflms/news/471350552.html>

Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, показал, что 40% лиц, прекративших работу после оформления пенсии, главной причиной такого решения назвали обострение проблем со здоровьем, 22% — накопившуюся психологическую усталость, 16% — физическую усталость²³.

Пенсионеры, которые продолжают свою трудовую деятельность имеют более позитивные оценки собственного здоровья: хорошее и очень хорошее — 17%, плохое — 11% (у незанятых 10 и 22% соответственно). Среди работающих пенсионеров меньше тех, кто имеет длительно протекающие заболевания — 35% и установленную инвалидность — 8% (у неработающих 41 и 16%), при этом несмотря на периодически возникающие проблемы со здоровьем они демонстрирует высокую мотивацию к осуществлению трудовой деятельности²⁴. Оценка состояния здоровья как плохого значительно влияет не только на принятие решений об уходе на пенсию, но и на реальное самочувствие.

Работа является базовым элементом идентичности в современном обществе²⁵ и ее потеря в силу наступления определенного возраста означает потерю основного занятия и нередко приводит к “кризису выхода на пенсию”, который подразумевают негативные изменения — ухудшение состояния здоровья, депрессию, повышение смертности²⁶. Как уже говорилось выше, работающие пенсионеры в России позитивнее характеризуют собственное здоровье, что, вероятно, связано с тем, что они самостоятельно распоряжаются своим временем, включены в различные социальные сети и не зависят от заботы со стороны государства²⁷. В то же время возможна и обратная зависимость: пожилые работают, потому что они здоровы, а не здоровы, потому что работают.

Мотивация к сбережению здоровья отличается у работающих и неработающих пенсионеров. Если у работающих преобладают потребность в хорошем самочувствии (55%), желание сохранить трудоспособность (28%), стремление хорошо выглядеть, нравиться

²³ Малева Т. Человек в солидарной пенсионной системе // Экономическая политика. 2014. № 2. С. 55–84.

²⁴ Короленко А.В., Барсуков В.Н. Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 643–657.

²⁵ Куштанкина В.А. Кризис после выхода на пенсию: миф и реальность (Россия-Франция) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2009. № 1.

²⁶ Hughes E.C. Le regard sociologique. Paris, 1996.

²⁷ Цит. по: Чистова Е.В., Тырсин А.Н. Выявление взаимосвязи между здоровьем и занятостью женщин пенсионного возраста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. № 1.

(40 против 24%), то неработающие не хотят быть обузой близким (50%) и стремятся к долголетию (27%)²⁸. Здесь стоит упомянуть о том, что по данным исследований, среди мотиваций длительной жизни “преобладают семейные (увидеть внуков, помогать детям, не оставлять одиноким супругу-(а)), а также личные ценности и интересы — пожить для себя, не работая”. Такие причины, как “увидеть внуков” и “помочь взрослым детям” получили оценки 4,5 и 4,0 из 5 возможных соответственно и по данным исследования Р.Р. Хасановой²⁹.

Около 7,5 лет составляет средняя продолжительность работы россиян на пенсии, наибольшую лепту в этот срок вносят получатели досрочной трудовой и военной пенсии, а также ушедшие на пенсию по инвалидности. “Стандартные” пенсионеры по старости работают в среднем лишь 2,3 года³⁰. И хотя включенность в социальные и профессиональные отношения, самореализация своего потенциала, восприятие работы как полезной для общего блага и другие неэкономические мотивы трудовой активности старшего поколения безусловно значимы, чаще всего продолжать работать их заставляет “стремление сохранить привычный уровень жизни, не скатиться в бедные и малообеспеченные слои”³¹. Недостаточный размер пенсии (74%) и стремление материально помочь детям, внукам (56%) являются наиболее частыми причинами продолжения трудовой деятельности в пенсионном возрасте. За ними с большим отрывом следуют: желание избежать одиночества, быть на людях, в коллективе (32%), интерес к работе, желание работать (19%), привычка работать (16%)³². Исследование, проведенное Л.И. Ворониной, Е.В. Зайцевой и Т.И. Касьяновой среди лиц старше 60 лет, лишний раз подтверждает тезис о важности экономического фактора.

²⁸ Короленко А.В., Барсуков В.Н. Указ. соч.

²⁹ Хасанова Р.Р. Самосохранительное поведение населения как фактор продолжительности жизни // *Здоровье населения и среда обитания*. 2013. № 5 (242). С. 43–46.

³⁰ Виноградова Е. Росстат раскрыл, как долго работают россияне на пенсии // РБК. Экономика. 2023. 23 мая. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/05/2023/646b60499a7947de44fa3e2d?from=copy> (дата обращения: 12.11.2023).

³¹ Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В. Жизненные и трудовые стратегии пенсионеров в современной России // *Вестник РУДН. Сер.: Социология*. 2022. Т. 22. № 4. С. 828–843; Рогозин Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // *Социологический журнал*. 2012. № 4. С. 62–93 (цит по: Козырева П.М., Смирнов А.И. Век живи — век трудись: социальное самочувствие работающих пенсионеров // *Вестник Института социологии*. 2023. № 3).

³² Работа на пенсии: за и против // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-na-pensii-za-i-protiv> (дата обращения: 12.11.2023).

Опрос выявил следующие представления респондентов об активном долголетии и его ценностях: материальная обеспеченность — 85,8%, мобильность — 31,1% и хорошее здоровье — 25,1%, эти категории относятся к инструментальным ценностям; быть нужным другим — 41,4% и заботиться о близких и семье — 32,6% — таковы уже актуальные терминальные ценности пожилых граждан³³.

К великому сожалению, при сравнении российских пожилых с европейскими по критерию здоровья оказывается, что мы проигрываем по многим показателям. Наиболее широко используемый показатель здоровья населения — ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ). В Российской Федерации ОПЖ непрерывно росла с 2004 г. и к 2019 г. достигла 73,3 года³⁴, что с одной стороны, является значительным успехом — ОПЖ увеличилась на 8,5 лет, но с другой — примерно на те же 8 лет меньше, чем было на тот момент в ЕС-28 (до выхода Великобритании в 2020 г.)³⁵. Кроме того, такие высокие темпы роста показателя во многом объясняются его восстановительным характером после кризиса 1990-х гг. Только в последние предковидные годы отмечалось превышение уровня ОПЖ, уже не раз достигавшегося ранее³⁶.

Пандемия COVID-19 спровоцировала заметное сокращение продолжительности жизни в мире, но затронула страны в разной степени. Высокая избыточная смертность в период пандемии в России привела к снижению показателя ОПЖ почти на 3,3 года, откату до уровня 2010-х гг. и еще большему отставанию продолжительности жизни в России от теперь уже ЕС-27. Уровень влияния пандемии колеблется по странам — от 0,2 года в Германии до 1,6 года в Испании³⁷. Серьезный разрыв внутри ЕС объясняется различными обстоятельствами — доступностью медицинской помощи, строгостью ограничительных мер, охватом населения вакцинацией и его

³³ Воронина Л.И., Зайцева Е.В., Касьянова Т.И. Государственная стратегия по поддержке активного долголетия и физической активности пожилых граждан // Социально-политические науки. 2022. № 4.

³⁴ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 07.11.2023).

³⁵ Life expectancy by age and sex // Eurostat. Accessed 10.06.2020 URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_mlexpec&lang=en (accessed: 25.11.2023).

³⁶ Щербакова Е. Старшие поколения россиян, 2023 год // Демоскоп Weekly. 2023. № 977–978. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/0977/barom03.php> (дата обращения: 07.11.2023).

³⁷ Щербакова Е. Смертность в ЕС-27, предварительные оценки 2020–2021 годов // Демоскоп Weekly. 2021. № 903–904. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0903/barom04.php> (дата обращения: 07.11.2023).

дисциплинированностью в плане масочного режима, соблюдения социальной дистанции.

Сильнее всего ковид повлиял на продолжительность жизни в старших возрастах, поскольку пожилой возраст являлся одним из основных факторов риска летального исхода заболевания. В России около 80% погибших от короны составили граждане старше 65 лет³⁸. Кроме того, не стоит забывать о непрямой смертности от коронавируса. У большинства пожилых людей, умерших от COVID-19, наблюдалось одно или несколько сопутствующих заболеваний — сахарный диабет, сердечно-сосудистые заболевания и т.д. В период эпидемии многие пожилые люди были “вынуждены отказаться от посещения медицинских учреждений из-за боязни заразиться коронавирусом (23% лиц 60+ лет) или не смогли воспользоваться необходимыми медицинскими услугами, поскольку медучреждения были закрыты или лечили только больных коронавирусом (35%)”³⁹. Коронавирусные ограничения, изоляция, снижение физической активности (общественные спортивные и развлекательные объекты были вынуждены закрыться) и алкоголь, потребление которого увеличилось в пандемию (если в последнее предпандемийное десятилетие прослеживалось снижение потребления алкоголя, за 2020 г. произошло увеличение на 2,5%⁴⁰), повлияли на когнитивное здоровье пожилых, стали причиной увеличения чувства одиночества, риска появления депрессии и развития деменции⁴¹.

Сегодня показатель ОПЖ при рождении в России, вероятно, вплотную приблизился к допандемийному уровню, а по некоторым оценкам несколько превысил его (73,4 года)⁴², что само по себе является достижением, но на положение РФ в рейтингах стран мира это серьезного влияния не оказало, так как 5 мая 2023 г. пандемия официально закончилась не только в России. Продолжительность

³⁸ Демоскоп Weekly. 2021. № 921–922. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0921/gazeta06.php>

³⁹ Козырева П.М., Смирнов А.И. Особенности поведения пожилых людей в условиях распространения пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 2 (847).

⁴⁰ Самонина С.С. Влияние пандемии COVID-19 на потребление алкоголя в России (территориальный аспект) // Известия Саратовского университета. Новые серии. Сер. Науки о Земле. 2022. № 2.

⁴¹ Corbett A., Williams G., Creese B., Hampshire A. et al. Cognitive decline in older adults in the UK during and after the COVID-19 pandemic: a longitudinal analysis of protect study data // The Lancet. 2023. Nov. Vol. 4. Iss. 11. E591–E599.

⁴² Мурашко: ожидаемая продолжительность жизни в 2023 году может быть выше плана // ТАСС. 2023.17.10 (дата обращения: 25.11.2023).

жизни в мире до 2020 г. постоянно увеличивалась и большинство развитых стран возвращаются (либо уже вернулись) к допандемийному уровню ожидаемой продолжительности жизни.

Ключевым фактором увеличения продолжительности жизни является здоровье. Даже при достаточно высокой продолжительности жизни плохое здоровье создает проблемы как для самих пожилых людей, так и для общества, поскольку утрата здоровья лишает человека возможности заниматься любимым делом, реализовывать себя, получать удовольствие от жизни. Таким образом, перед обществом стоит задача создавать условия для обеспечения не только более долгой, но и более здоровой жизни.

Старение населения является серьезным вызовом для здоровья населения. Причины трансформации возрастной структуры населения в России, как можно понять из вышеописанного, смещены в сторону низкой рождаемости. В нашей стране происходит ежегодное сокращение трудоспособного населения на 1 млн человек, при этом растет численность старших когорт — 24,1% старше трудоспособного возраста от общей численности населения на 2022 г. (26,7% в прежних границах пенсионного возраста)⁴³. Сегодня мы можем наблюдать колоссальный возрастной дисбаланс⁴⁴: за последние 90 лет среднее число внуков у российских бабушек и дедушек сократилось почти в семь раз: если в 1926 г. на 100 бабушек и дедушек приходилось 542 внука, то в 2019-м — только 81⁴⁵.

Трансформация возрастной структуры населения — это не специфическая проблема России, “старение населения превращается в проблему не только глобального значения, но и глобального распространения”⁴⁶. На фоне подавляющего большинства других стран “наше старение” не выглядит сверхкритичным, страна стареет относительно медленно, так как из-за высокой смертности не все доживают до старости, про глубину старения, т.е. нарастание числа “самых старых” среди населения старшего возраста говорить пока

⁴³ Щербакова Е. Старшие поколения россиян, 2023 год // Демоскоп Weekly. 2023. № 977–978. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/0977/barom03.php> (дата обращения: 25.11.2023).

⁴⁴ Возрастной дисбаланс: о демографических волнах и социокультурных факторах // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/66242> (дата обращения: 25.11.2023).

⁴⁵ Бабушки и дедушки могут повлиять на рождаемость в России // Российский фонд фундаментальных исследований. Новости науки. 2022.25.01. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/science_news/o_2127050 (дата обращения: 20.11.2023).

⁴⁶ Горошко Н.В., Пацала С.В. “Серебряная экономика” как новый тренд мирового развития в условиях глобального старения населения // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2021. № 2.

вообще сложно. Тем не менее тренд на старение населения никуда не денется и к 2045 г. доля населения старше трудоспособного возраста вырастет до 26,9%⁴⁷.

Старение населения представляет собой новый опыт, не имеющий исторической параллели, и возможно одну из наиболее значительных социальных трансформаций XXI в. Эйджинг порождает новые вызовы, включая восприятие старения и ожидания в отношении пожилых людей, так как сами понятия старости и старения начинают содержательно меняться. Физиологическая старость и социальная старость перестают быть параллельными процессами, что диктует необходимость инклюзии населения “серебряного возраста” в социальную, культурную и трудовую сферы.

Сложившаяся в настоящее время возрастная структура “аккумулировала в себе инерцию, направленную на дальнейшее старение в ближайшие десятилетия. Повлиять на грядущие демографические изменения нельзя”⁴⁸. Как справедливо отметил американский демограф Ф. Ноутстейн, “проблема старения — вовсе не проблема, а лишь пессимистический взгляд на величайший триумф человечества”⁴⁹. По этой причине “посыпать голову пеплом” и рассматривать его исключительно в качестве угрозы абсолютно непродуктивно. Хотим мы этого или нет, нам предстоит жить в новом “серебряном мире” и искать те преимущества, которые этому миру может обеспечить здоровое, активное и финансово независимое население “серебряного возраста”. При этом сам концепт “активного долголетия” должен включать в себя не только медицинскую помощь пожилым людям и поддержание текущего уровня здоровья, но и психологическую поддержку, помощь в трудоустройстве, развитие мобильности и т.д.⁵⁰

Российский вариант эйджинга, также как и любой другой, порождает рост заболеваемости в обществе, поскольку с возрастом у человека неизбежно возникают проблемы, связанные с поддержанием здоровья, обостряются хронические заболевания, появляются сложности с выполнением повседневных дел, а “значительная

⁴⁷ Росстат спрогнозировал начало роста рождаемости в 2028 году // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/10/2023/6532903a9a7947d2efaf4b74> (дата обращения: 20.11.2023).

⁴⁸ Васин С.А. Старение как повод для реформ // Spero. 2008. № 8. С. 215–218.

⁴⁹ Notestein F.W. Some demographic aspects of ageing // Proceedings of the American Philosophical Society. 1954. N 98 (1). P. 38–45.

⁵⁰ См., об этом: Галкин К.А. Активность и стратегии заботы о здоровье пожилых людей: городской и сельский контекст // Наука. Культура. Общество. 2023. № 1.

часть событий и действий начинает измеряться или оцениваться человеком в терминах здоровья”⁵¹. В этой связи к медицинскому освидетельствованию нездоровья автоматически прилагается чувство собственной немогущности, ненужности и изменения отношений с окружающими, которые даже плановое обращение к врачу воспринимают как подтверждение ухудшения здоровья и, в целом, относятся к пожилым в рамках стереотипов о “нормативной” старости, а саму старость считают “периодом дожития”. Приобретение “роли больного” может привести либо к необходимости заботиться о здоровье, либо к стремлению сохранить данную роль, потому что индивид, находящийся в подобном состоянии, имеет определенные выгоды и привилегии⁵². Это становится одной из существенных проблем реализации практики здоровьесбережения на данном этапе жизненного пути, поскольку пожилые не хотят менять свой образ жизни и отношение к себе, считая, что уже поздно меняться.

Улучшение здоровья и дееспособности пожилого населения создает благоприятные условия для активизации его участия в социально-экономической жизни страны. Востребованность обществом людей “третьего возраста” во многом определяется фактором их здоровья, которое является своего рода “ядром” ресурсного потенциала и важнейшим фактором качества жизни⁵³. Поэтому, следует сделать акцент не просто на «абстрактном увеличении продолжительности жизни, а на увеличении “здоровой продолжительности жизни” подавляющего большинства населения»⁵⁴, которая определяется как разность между общей продолжительностью жизни и числом лет, прожитых в нездоровом состоянии. Рост продолжительности жизни должен сопровождаться ростом ее качества или, по крайней мере, замедлением темпов снижения качества жизни при переходе в когорту “пожилых”. За последние 20 лет ожидаемая продолжительность здоровой жизни (ОПЗЖ) в среднем по миру выросла с 58,6 года до 63,5 лет. Разрыв ОПЗЖ в мире при

⁵¹ Галкин К.А. Активность и стратегии заботы о здоровье пожилых людей.

⁵² Галкин К.А. Стратегии сохранения индивидуального здоровья пожилых людей: городской и сельский контексты // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 1. С. 157–172.

⁵³ Старшее поколение как ресурс социально-экономической модернизации России / Под науч. ред. Н.М. Римашевской. М., 2014.

⁵⁴ Осипова Н.Г. Социальная дилемма продолжительности жизни: “дожитие” или полноценная жизнь? // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: Сборник тезисов. III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием / Под общ. ред. А.И. Антонова. М., 2020.

рождении достигает 30 лет, а в возрасте 60 лет и старше — 11 лет. Продолжительность здоровой жизни в России — 64,2 года это 97-е место из 183, от лидера рейтинга, Японии, мы отстаем почти на 10 лет⁵⁵, ситуацию можно назвать критичной, так как состояние здоровья пожилых соотечественников объективно хуже по сравнению с гражданами других стран. Доля “старых среди старых” в нашей стране не так и велика, но если “европеец, перешагивая пенсионный возрастной рубеж, еще в течение многих лет сохраняет трудовую и социальную активность, то российские пенсионеры к 60 годам зачастую ее утрачивают, отягощая свое здоровье целым комплексом возрастных заболеваний”⁵⁶.

Здесь следует оговориться, что существуют разные методики подсчета показателя ОПЗЖ, которые, по сути, методологически несопоставимы. Подход ВОЗ базируется на официальной статистике заболеваемости и выявленных закономерностях ухудшения здоровья после перенесенных заболеваний, подход Евростата и Росстата связан с субъективными оценками населением своего здоровья. Данные Росстата в этом отношении еще более удручают: ОПЗЖ в России для возраста 60 лет для обоих полов в 2022 г. составила 6,27 года (по данным ВОЗ 15,0 на 2019 г.). Но какого подхода мы бы не придерживались, повышение продолжительности ожидаемой здоровой жизни должно являться основой политики любой страны в области здравоохранения и Россия здесь не исключение.

Навыки ведения здорового образа жизни у российских представителей “серебрянного возраста” чаще всего не сформированы (ЗОЖ придерживается 17% пенсионеров⁵⁷). Лишь 14% пациентов, по мнению врачей, обладают достаточным объемом информации по профилактике заболеваний и ЗОЖ⁵⁸. Они не восприимчивы к пропаганде здорового образа жизни, а в “заботе” о здоровье привыкли скорее полагаться на институт здравоохранения, чем на свои

⁵⁵ Healthy life expectancy (HALE). URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.HALE?lang=en#> (accessed: 25.11.2023).

⁵⁶ *Горошко Н.В., Емельянова Е.К., Пацала С.В.* Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России в контексте глобальной проблемы старения населения // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2021. № 4.

⁵⁷ *Салтанова С.В.* Не в форме. Почему пенсионеры не берегут здоровье // Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Новости. 2018.25.04. URL: <https://www.hse.ru/rf/ms/news/471257553.html> (дата обращения: 20.11.2023).

⁵⁸ *Воронина Л.И., Зайцева Е.В., Касьянова Т.И.* Государственная стратегия по поддержке активного долголетия и физической активности пожилых граждан // Социально-политические науки. 2022. № 4.

собственные силы⁵⁹, транслируя представление о том, что забота об их здоровье лежит на государстве в лице врачей⁶⁰.

Практики поведения российских пенсионеров в области ЗОЖ связаны с множеством факторов: доступом к информации о ЗОЖ, образованием и составом семьи и, конечно, доходами пожилого населения. У пожилых россиян попросту нет денег на полезные продукты, при покупке продуктов питания 56% из них прежде всего ориентируются на цену и только 10% — на возможность составить сбалансированный рацион⁶¹. По данным ФОМ, 36% россиян старше 60 лет в последнее время стали больше экономить на продуктах питания. Основными статьями экономии стали мясо и птица, сыры и колбасы, рыба и морепродукты, фрукты⁶². Помимо экономического фактора на возможности ведения ЗОЖ оказывает влияние недостаточная грамотность в вопросах здоровья и самосохранительного поведения. Данный фактор препятствует не только налаживанию режима физической активности и рационального питания, но и пониманию диагноза и назначений врача.

Пожилые россияне не являются однородной массой, среди них есть более и менее здоровые, коммуникабельные и некоммуникабельные, практикующие самолечение и обращающиеся к врачу, добродушные и не очень, трезвенники и алкоголики, обладающие всеми теми же чертами характера, что и все остальные возрастные группы. В целом, человек в старости остается таким же по своим личностным качествам, каким он был в молодости и зрелости. Возможно, в силу изменений в состоянии здоровья, непривычности жизни без активной трудовой деятельности, потери “контроля” над детьми и некоторых других обстоятельств несколько портится характер, но “иногда восьмидесятилетние люди по своим физическим и умственным возможностям не уступают многим тридцатилетним. В других случаях существенная деградация возможностей начинается в гораздо более молодом возрасте”⁶³. Состояние здоровья пожилых зависит от многих факторов: физиологических, психо-

⁵⁹ См., об этом: *Михалева А.В.* Влияние медиализации на здоровье пожилых людей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. № 2–1.

⁶⁰ *Шилова Л.С.* О стратегии поведения людей в условиях реформы здравоохранения // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 102–109.

⁶¹ Здоровье и питание россиян: мониторинг // Сайт ВЦИОМ. Аналитический обзор. 2021.02.06. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-i-pitanie-rossijan-monitoring>

⁶² Продукты и товары: статьи экономии // Сайт ФОМ. 2019.02.04. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14189>

⁶³ Старение и здоровье // Сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>

логических, социально-экономических. Но так или иначе, на фоне быстрого роста населения пожилого возраста, необходима оценка эффективности имеющихся медицинских и социальных программ для людей “третьего” и “четвертого” возрастов и разработка новых форм и методов работы с ними, технологий обучения, переквалификации, активизации трудовой деятельности, социальной поддержки и медицинского обеспечения пожилых на основе проведения индивидуальной оценки состояния их здоровья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов А.И., Назарова И.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В. Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 131–143.

Бантьева М.Н., Прилико Н.С. Возрастные аспекты заболеваемости взрослого населения по обращаемости в амбулаторно-поликлинические учреждения // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. № 4.

Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В. Жизненные и трудовые стратегии пенсионеров в современной России // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 828–843.

Баширѣва А.С., Богданова Д.Ю., Качан Е.Ю., Шишко А.В., Кулапина М.Э. Уровень физической активности и качество жизни у лиц пожилого и старческого возраста // Клиническая геронтология. 2018. № 11–12.

Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М. Одинокие пожилые: доживают или активно живут? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 3. С. 32–55.

Галкин К.А. Активность и стратегии заботы о здоровье пожилых людей: городской и сельский контекст // Наука. Культура. Общество. 2023. № 1.

Глузман А.В., Поротникова Е.И. Смыслоразнозначные ориентации людей пожилого возраста как психолого-педагогическая проблема // Гуманитарные науки. 2023. № 1 (61).

Горошко Н.В., Емельянова Е.К., Пацала С.В. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России в контексте глобальной проблемы старения населения // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2021. № 4.

Ермолаева М. Практическая психология старости. М., 2002.

Карцева М.А., Кузнецова П.О. Здоровье, доходы, возраст: эмпирический анализ неравенства в здоровье населения России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 160–185.

Киселева Е.С. Продолжительность жизни и здоровье населения старшего возраста в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2011. № 2. С. 93–100.

Козырева П.М., Смирнов А.И. Особенности поведения пожилых людей в условиях распространения пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 2 (847).

Козырева П.М., Смирнов А.И. Век живи — век трудись: социальное самочувствие работающих пенсионеров // Вестник Института социологии. 2023. № 3.

Козырева П.М., Смирнов А.И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2020. № 4.

Короленко А.В., Барсуков В.Н. Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 643–657.

Куштанова В.А. Кризис после выхода на пенсию: миф и реальность (Россия–Франция) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2009. № 1.

Малева Т. Человек в солидарной пенсионной системе // Экономическая политика. 2014. № 2. С. 55–84.

Михалева А.В. Влияние медиализации на здоровье пожилых людей // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Социология. 2009. № 2–1.

Молчанова Е.В., Буркин М.М. Общественное здоровье в России и странах Северной Европы // Народонаселение. 2018. № 3.

Немова О.А., Кутепова Л.И., Ретивина В.В. Здоровье как ценность: мечта и реальность // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 11.

Новоселов В.М., Конев Ю.В. О старости // Клиническая геронтология. 2019. № 1–2.

Новоселова Е.Н. Здоровье как ценность и практика: общество, семья, личность. М., 2021.

Осипова Н.Г. Социальная дилемма продолжительности жизни: “дожитие” или полноценная жизнь? // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: Сборник тезисов. III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, 1 декабря 2020 г., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет / Под общ. ред. А.И. Антонова. М., 2020.

Рогозин Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93.

Синельников А.Б. Влияние семейного и демографического статуса на состояние здоровья и его самооценку // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. № 6 (28).

Синявская О.В., Гудкова Т.Б., Ермолина А.А. и др. Старение как социально-экономический феномен // Волонтер. 2018. Т. 27. № 3. С. 7–15.

Смолькин А.А. Медицинский дискурс в конструировании образа старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. № 2. С. 137.

Старшее поколение как ресурс социально-экономической модернизации России / Под науч. ред. Н.М. Римашевской. М., 2014.

Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / Под. ред. А.И. Антонова. М., 2020.

Чирикова А.Е., Шишкин С.В. Взаимодействие врачей и пациентов в современной России: векторы изменений // Мир России. Социология. Этнология. 2014. № 2.

Чистова Е.В., Тырсин А.Н. Выявление взаимосвязи между здоровьем и занятостью женщин пенсионного возраста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. № 1.

Шмерлина И.А. Особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте // Социологический журнал. 2014. № 1.

Эделева А.Н., Сабгайда Т.П., Стародубов В.И. Неоднородность груза хронической патологии у пожилых // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. № 3 (67).

Юревич А.В. Старение как психологическая проблема // Наука. Культура. Общество. 2018. № 1.

REFERENCES

Antonov A.I., Nazarova I.B., Karpova V.M., Lyalikova S.V. Porog nastupleniya starosti: ob"ektivnye priznaki i sub"ektivnoe vospriyatie [Threshold of old age: objective signs and subjective perception] // Narodonaselenie. 2023. T. 26. N 3. S. 131–143 (in Russian).

Banteva M.N., Prilipko N.S. Vozrastnye aspekty zabolevaemosti vzroslogo naseleniya po obrashchaemosti v ambulatorno-poliklinicheskie uchrezhdeniya [Age-related aspects of morbidity among the adult population in terms of visits to outpatient clinics] // Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya. 2013. N 4 (in Russian).

Barkov S.A., Markeeva A.V., Kolodeznikova I.V. Zhiznennye i trudovye strategii pensionerov v sovremennoj Rossii [Life and labor strategies of pensioners in modern Russia] // Vestnik RUDN. Ser.: Sociologiya. 2022. T. 22. N 4. S. 828–843 (in Russian).

Bashkirova A.S., Bogdanova D.U., Kachan E.U., Shishko A.V., Kulapina M.E. Uroven' fizicheskoy aktivnosti i kachestvo zhizni u lic pozhilogo i starcheskogo vozrasta [Level of physical activity and quality of life in elderly and senile people] // Klinicheskaya gerontologiya. 2018. N 11–12 (in Russian).

Cennosti semejno-detnogo obraza zhizni (SeDOZH–2019): Analiticheskij otchet po rezul'tatam mezhregional'nogo sociologo-demograficheskogo issledovaniya [Values of a family and children's lifestyle (SeDOZH–2019): Analytical report on the results of an interregional socio-demographic study] / A.I. Antonov, V.M. Karpova, S.V. Lyalikova i dr.; Pod. red. A.I. Antonova. M., 2020 (in Russian).

Chirikova A.E., Shishkin S.V. Vzaimodejstvie vrachej i pacientov v sovremennoj Rossii: vektory izmenenij [Interaction between doctors and patients in modern Russia: vectors of change] // Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya. 2014. N 2 (in Russian).

Chistova E.V., Tyrsin A.N. Vyyavlenie vzaimosvyazi mezhdu zdorov'em i zanyatost'yu zhenshchin pensionnogo vozrasta [Identifying the relationship between health and employment] // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2020. N 1 (in Russian).

Corbett A., Williams G., Creese B., Hampshire A. et al. Cognitive decline in older adults in the UK during and after the COVID-19 pandemic: a longitudinal analysis of protect study data // Vol. 4, Issue 11, E591–E599, November 2023.

Edeleva A.N., Sabgajda T.P., Starodubov V.I. Neodnorodnost' gruzha hronicheskoy patologii u pozhilyh [Heterogeneity of the burden of chronic pathology in the elderly] // Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya. 2019. N 3 (67) (in Russian).

Ermolaeva M. Prakticheskaya psihologiya starosti [Practical psychology of old age] M., 2002 (in Russian).

Fortin M., Bravo G., Hudon C., Vanasse A., Lapointe L. Prevalence of multimorbidity among adults seen in family practice // Annals of Family Medicine. 2005. Vol. 3. N 3. P. 223–228.

Galkin K.A. Aktivnost' i strategii zaboty o zdorov'e pozhiylyh lyudej: gorodskoj i sel'skij kontekst [Activity and strategies for caring for the health of older people: urban and rural context] // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2023. N 1 (in Russian).

Gluzman A.V., Porotnikova E.I. Smyslozhiznennye orientacii lyudej pozhilogo vozrasta kak psihologo-pedagogicheskaya problema [Life-meaning orientations of elderly people as a psychological and pedagogical problem] // Gumanitarnye nauki. 2023. N 1 (61) (in Russian).

Goroshko N.V., Emel'yanova E.K., Pacala S.V. Ozhidaemaya prodolzhitel'nost' zdorovoj zhizni v Rossii v kontekste global'noj problemy stareniya naseleniya [Healthy life expectancy in Russia in the context of the global problem of population aging] // Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki. 2021. N 4 (in Russian).

Karceva M.A., Kuznecova P.O. Zdorov'e, dohody, vozrast: empiricheskij analiz neravenstva v zdorov'e naseleniya Rossii [Health, income, age: empirical analysis of inequality in the health of the population of Russia] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2023. N 2. S. 160–185 (in Russian).

Kiseleva E.S. Prodolzhitel'nost' zhizni i zdorov'e naseleniya starshego vozrasta v Rossii [Life expectancy and health of the older population in Russia] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika. 2011. N 2. C. 93–100 (in Russian).

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Osobennosti povedeniya pozhiylyh lyudej v usloviyah rasprostraneniya pandemii COVID-19 [Peculiarities of behavior of older people in the context of the spread of the COVID-19 pandemic] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2022. N 2 (847) (in Russian).

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Vek zhivi — vek trudi's: social'noe samochuvstvie rabotayushchih pensionerov [Live forever, work forever: social well-being of working pensioners] // Vestnik Instituta sociologii. 2023. N 3 (in Russian).

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Dinamika samooценok zdorov'ya rossiyan: aktual'nye trendy postsovet'skogo perioda [Dynamics of self-assessments of the health of Russians: current trends in the post-Soviet period] // Sociologicheskie issledovaniya. 2020. N 4 (in Russian).

Korolenko A.V., Barsukov V.N. Sostoyanie zdorov'ya kak faktor trudovoj aktivnosti naseleniya pensionnogo vozrasta [Health status as a factor of labor activity of the population of retirement age] // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya. 2017. Vyp. 4. S. 643–657 (in Russian).

Kushtanina V.A. Krizis posle vyhoda na pensiyu: mif i real'nost' (Rossiya-Franciya) [Crisis after retirement: myth and reality (Russia-France)] // Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya. 2009. N 1 (in Russian).

Maleva T. Chelovek v solidarnoj pensionnoj sisteme [Man in the solidarity pension system] // Ekonomicheskaya politika. 2014. N 2. S. 55–84 (in Russian).

Mihaleva A.V. Vliyanie medikalizacii na zdorov'e pozhiylyh lyudej [The influence of medicalization on the health of older people] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Sociologiya. 2009. N 2–1 (in Russian).

Molchanova E.V., Burkin M.M. Obshchestvennoe zdorov'e v Rossii i stranah Severnoj Evropy [Public health in Russia and Northern European countries] // Narodonaselenie. 2018 (in Russian).

Nemova O.A., Kutepova L.I., Retivina V.V. Zdorov'e kak cennost': mehta i real'nost' [Health as a value: dream and reality] // Health and education in the 21st century] // Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke. 2016. N 11 (in Russian).

Notestein F.W. Some demographic aspects of ageing // *Proceedings of the American Philosophical Society.* 1954. N 98(1). P. 38–45.

Novoselov V.M., Konev U.V. O starosti [About old age] // *Klinicheskaya gerontologiya.* 2019. N 1–2 (in Russian).

Novoselova E.N. Zdorov'e kak cennost' i praktika: obshchestvo, sem'ya, lichnost' [Health as a value and practice: society, family, individual]. M., 2021 (in Russian).

Osipova N.G. Social'naya dilemma prodolzhitel'nosti zhizni: "dozhitie" ili polnocennaya zhizn'? [The social dilemma of life expectancy: "survival" or a full life?] // *Social'naya dinamika naseleniya i ustojchivoe razvitie: Sbornik tezisev: III Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem, 1 dekabrya 2020 g., Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, sociologicheskij fakul'tet / Pod obshch. red. A.I. Antonova.* M., 2020 (in Russian).

Rogozin D.M. Liberalizaciya stareniya, ili trud, znaniya i zdorov'e v starshem vozraste [Liberalization of aging, or work, knowledge and health in older age] // *Sociologicheskij zhurnal.* 2012. N 4. S. 62–93 (in Russian).

Shmerlina I.A. Osobennosti vozrastnoi samoidentifikacii v starshem vozraste [Peculiarities of age self-identification in older age] // *Sociologicheskij zhurnal.* 2014. N 1 (in Russian).

Sinel'nikov A.B. Vliyanie semejnogo i demograficheskogo statusa na sostoyanie zdorov'ya i ego samoocenku [The influence of family and demographic status on health and self-esteem] // *Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya.* 2012. N 6. (28) (in Russian).

Sinyavskaya O.V., Gudkova T.B., Ermolina A.A. i dr. Starenie kak social'no-ekonomicheskij fenomen [Aging as a socio-economic phenomenon] // *Volontyor.* 2018. T. 27. N 3. C. 7–15 (in Russian).

Smolkin A.A. Medicinskij diskurs v konstruirovanii obraza starosti [Medical discourse in constructing the image of old age] // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii.* 2007. N 2. C. 137 (in Russian).

Starshee pokolenie kak resurs social'no-ekonomicheskoy modernizacii Rossii [The older generation as a resource for socio-economic modernization of Russia] / *Pod nauch. red. chl.-korr. RAN N.M. Rimashevskoj.* M., 2014 (in Russian).

Voronin G.L., Zaharov V.Y., Kozyreva P.M. Odinokie pozhilye: dozhivayut ili aktivno zhivut? [Lonely elderly: surviving or actively living?] // *Sociologicheskij zhurnal.* 2018. T. 24. N 3. C. 32–55 (in Russian).

Yurevich A.V. Starenie kak psihologicheskaya problema [Aging as a psychological problem] // *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo.* 2018. N 1 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-53-71

МЕДИАТИЗАЦИЯ СФЕРЫ ЗДОРОВЬЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ НОВЫХ МЕДИА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА*

А.В. Лядова, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье представлен обзор основных направлений социологического дискурса о медиатизации здоровья под влиянием новых медиа. Отмечая, что вопросы воздействия традиционных средств массовой коммуникации на установки и поведение в отношении здоровья достаточно разработаны в отечественном исследовательском поле, автор акцентирует внимание на значимости обращения к проблемам социального конструирования здоровья молодежи в эпоху цифровых медиа. Это вызвано активной “хабитулизацией” цифровых технологий, вследствие чего они выступают для молодежи как основные источники и генераторы социального знания о здоровье, рисках ему и практиках здоровьесбережения. По результатам обзора релевантных публикаций выделены особенности социологического дискурса и обозначены исследовательские перспективы в разработке данной темы. Также в работе обоснована необходимость поиска адекватных подходов для анализа происходящих изменений и их изучения. По мнению автора, перспективной теоретико-методологической рамкой является концепция медиатизации немецких социологов Ф. Кротца и А. Хепфа. На ее основе в работе представлены определение медиатизации сферы здоровья и ключевые аспекты ее изучения.

Ключевые слова: медиатизация, медиатизация здоровья, новые медиа, социальное конструирование здоровья, цифровизация.

* Лядова Анна Васильевна, e-mail: annaslm@mail.ru

** Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

MEDIATIZATION OF YOUTH HEALTH IN THE AGE OF NEW MEDIA: THE MAIN TRENDS IN SOCIOLOGICAL DISCOURSE

Liadova Anna V., PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: annaslm@mail.ru

The article deals with digital mediatization of health in the sociological discourse and its main directions. Noting that the issues of the impact of traditional media on health attitudes and behavior have been sufficiently developed in the domestic research field, the author focuses on the importance of the elaboration of the problems of social construction of youth health in the era of digital media. This is caused by the active "habitualization" of digital technologies, as a result of which they act for young people as the main sources and generators of social knowledge about health, its risks and health-saving practices. Based on the results of a review of relevant publications, the features of sociological discourse are highlighted and research prospects in the development of this topic are defined. The author also puts attention to the necessity of using adequate approaches to analyze ongoing changes and study them. According to the author, a perspective theoretical and methodological framework is the concept of mediatization by German sociologists F. Krotz and A. Hepp. Based on this, the work presents a definition of mediatization of the health sector and key aspects of its study.

Key words: health, mediatization of health, new media, blogs, blogging, blogosphere, health discourse in the blogosphere.

В условиях все возрастающей экспансии цифровых технологий в жизнь современного общества социальная система вследствие их влияния претерпевает глубокие трансформации, связанные с изменением ее организации, структуры, появлением новых акторов, форм социальных отношений, способов конструирования социальной реальности. Согласно прогнозу британского социолога Дж. Урри, "к середине текущего столетия виртуальная среда будет эффективно симулировать как общение лицом к лицу, так и физическое пребывание в других местах... физически неосязаемая цифровая информация оказывается все более связанной с физическим миром"¹.

Особую роль в этом воздействии, по мнению исследователей², играют новые медиа. Несмотря на некоторую дискуссионность в

¹ Урри Дж. Как выглядит будущее? / Под науч. ред. С. Шукиной. М., 2018. С. 217–218.

² См.: Ермолаева О.Я. Социальное конструирование в цифровой медиасреде. По материалам секции на IX Грушинской социологической конференции // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 387–399. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.20.

определении данного понятия, в общем смысле его используют для описания средств передачи информации и способов коммуникации на основе интернет-технологий, на платформах Web 2.0. К отличительным характеристикам новых медиа относят интерактивность, широту, мгновенный доступ к информации и персонализацию в ее предоставлении, конвергентность, гиперсвязанность, диффузность, диверсификацию, полиформатность, множественность, глобальность³.

Однако, анализируя воздействие новых медиа, важно рассматривать их не только в аспекте технологических отличий, но и учитывать те изменения, которые они порождают в социальных отношениях⁴. По мнению отечественных исследователей И.М. Дзялошинского и М.А. Дзялошинской, принимая во внимание, что главной отличительной чертой новых медиа выступает их интерактивность, вследствие этого конструирование, артикуляция и потребление информации демократизируются, что позволяет каждому человеку ее создавать и получать⁵. Значимым признаком цифровых медиа является и их полифункциональность: они выступают и как способ коммуникации, и как средство генерации данных⁶, порождая феномен датафикации жизни, а также дуализм статуса пользователей в медиaprостранстве, которые могут одновременно быть и действующими субъектами, создающими и потребляющими контент, и объектами управления и манипуляции.

Чаще всего к новым медиа относят социальные сети, форумы, блоги, электронные сервисы почтовых сообщений и средства массовой информации, а также мобильные устройства⁷. Цифровые медиа плотно вплетены в нашу повседневность, что дает основание рассматривать их как коммуникативный мейнстрим. Вследствие этого жизненный мир современного человека все больше становится медийно опосредованным, и интерсубъективность, как его ключевая характеристика, трансформируется под влиянием формируемого

³ См.: Михайленок О.М., Малышева Г.А. Политические эффекты социальных сетей в России // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 78–87. DOI: 10.31857/S013216250004012-6; 23; Crosbie V. What is new media? // International Journal of New Media Studies. 2015. Vol. 1. N 1. P. 1–6.

⁴ Manovich L. The language of new media. Cambridge, 2001. P. 6.

⁵ Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Медиатизация социальной сферы // PR и СМИ в Казахстане: Сб. науч. трудов. Алматы, 2015. С. 38.

⁶ Hepp A. Agency, social relations, and order: media sociology's shift into the digital // Communications. 2022. Vol. 47. N 3. P. 470–493. DOI: 10.1515/commun-2020-0079. P. 485.

⁷ Ним Е.Г. “Вы есть ваши данные”: селф-трекинг как феномен глубокой медиатизации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2020. № 5. С. 29–53. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2020.2953.

новыми медиа так называемого феномена “мы медиа”⁸, что ведет к превращению социальной реальности в медиатизированную — медиареальность⁹.

Для анализа медийно опосредованных феноменов социальной жизни в научный оборот введено понятие “медиатизация”. Следует отметить, что данный концепт не является новым для современного научного дискурса¹⁰. В общем смысле им обозначают процесс изменений в обществе, происходящих под влиянием медиа¹¹.

Тем не менее в современных дискуссиях в осмыслении понятия медиатизации в большей степени преобладает его понимание через акцентирование преобразующей функции новых медиа¹². По мнению немецкого социолога А. Хеппа, сегодня мы живем в ситуации “медиации всего”¹³, вследствие этого нынешнее общество характеризуется как медиатизированное, а современный человек — как “человек медийный” (*homo mediatized*)¹⁴. Поэтому, как указывают отечественные исследователи Ю.Д. Артамонова и С.В. Володенков, “когда мы говорим о медиатизации, речь идет не только о влиянии медиа на восприятие предмета, но и гораздо более глубокой трансформации: форматируется и восприятие, и сам предмет”¹⁵. Все это вызывает необходимость рассматривать медиатизацию в более широкой перспективе¹⁶.

В этой связи термин “медиатизация” все больше используется как ключевой компонент новой научно-исследовательской про-

⁸ См.: *Gillmor D. We the media: grassroots journalism by the people, for the people*. Sebastopol, 2006.

⁹ Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Указ. соч. С. 34.

¹⁰ См.: *Примаков В.Л.* Медиатизация как теоретический концепт // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 3 (836). С. 221–238; *Артамонова Ю.Д., Володенков С.В.* Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 2. С. 9–27. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-9-27; *Thompson J.B.* The media and modernity: a social theory of the media. Stanford, 1995; *Hjarvard S.* Three forms of mediatized religion. Changing the public face of religion // *Mediatization and religion: Nordic perspectives*. Gothenburg, 2012. P. 21–45.

¹¹ *Hjarvard S.* Op. cit. P. 24.

¹² См.: *Артамонова Ю.Д., Володенков С.В.* Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 2. С. 9–27. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-9-27; *Hepp A.* Deep Mediatization. L., 2020.

¹³ *Hepp A.* Op. cit. P. 99.

¹⁴ *Вартанова Е.Л.* К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды // Меди@льманах. 2022. № 2 (109). С. 8–14. DOI: 10.30547/medialmanah.2.2022.814.

¹⁵ *Артамонова Ю.Д., Володенков С.В.* Указ. соч. С. 24.

¹⁶ *Hepp A.* Op. cit. P. 110.

граммы для изучения трансформации современного социума под влиянием новых медиа, в рамках которой получают разработку как вопросы общетеоретического характера, так и относящиеся к изучению особенностей организации и функционирования разных сфер жизнедеятельности медиатизированного общества¹⁷. Так, в научном дискурсе широко представлены исследования о влиянии новых медиа на политическую систему, культуру, религию¹⁸.

Тем не менее медиатизация, характеризующаяся на современном этапе как глубокая¹⁹, представляет всеобъемлющий и комплексный процесс, охватывающий все структуры социальной системы, включая и сферу здоровья.

Анализ научного дискурса о цифровой медиатизации сферы здоровья свидетельствует, что исследования по указанной проблематике в отечественном научном поле представляют актуальное, но пока новое направление для изучения. Следует отметить, что проблематика о конструирующей роли традиционных медиа в отношении здоровьесберегающего поведения достаточно широко разработана в отечественной социологии²⁰, в то время, как вопросы о цифровом медиадискурсе о здоровье и его влиянии на сферу здоровья получили актуализацию лишь в последнее время²¹.

На наш взгляд, рост исследовательского интереса к данной теме обусловлен двумя аспектами. Во-первых, существует необходимость осмысления социального опыта преодоления ситуации пандемии новой коронавирусной инфекции, в частности, изучения процесса конструирования в современном информационном поле образа са-

¹⁷ Ним Е.Г. Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 8–25. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5361.

¹⁸ Гуреева А.Н., Кузнецова В.С. Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 191–205. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(1).191-205; Островская Е.А., Бадмацыренов Т.Б., Васильева С.В. Медиатизированное православие: миссия в Китае // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 66–79. DOI: 10.31857/S013216250022669-8.

¹⁹ Couldry N., Hepp A. The mediated construction of reality. Cambridge, 2017.

²⁰ См.: Савельева Ж.В. Конструирование социальной проблемы здоровья и болезни СМК: концептуальная модель и процедуры исследования // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 9. С. 316–321.

²¹ См.: Кульпин С.В., Савчук Г.А., Якимова О.А. Зачем молодежь создает контент о здоровом образе жизни: факторный анализ тематических блогов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 168–190. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.656; Осипова Н.Г. Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 3. С. 7–27. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-3-7-27>.

мой болезни, ее рисков и его воздействие на поведение в отношении профилактических мероприятий²². Во-вторых, состояние здоровья россиян, особенно молодежи, по-прежнему вызывает тревогу у экспертов из-за высокого уровня распространенности заболеваний, детерминированных деструктивными практиками в отношении здоровья²³. Учитывая, что молодое поколение как носитель человеческого потенциала является ценным стратегическим ресурсом для развития Российского государства и общества, изучение вопросов конструирования здоровья молодежи в условиях цифровой медиатизации выступает как социально значимое направление исследований.

В этой связи по результатам анализа и систематизации данных, представленных в работах отечественных и зарубежных исследователей, были выделены несколько ключевых векторов исследовательского дискурса о цифровой медиатизации сферы здоровья.

Первое направление включает работы, в которых рассматриваются процесс медиатизации на институциональном уровне и особенности трансформации социального института медицины вследствие этого. Следует отметить, что внимание исследователей прежде всего обращено на выявление происходящих под влиянием цифровых форм коммуникации изменений в существующей модели взаимоотношений между врачом и пациентом и особенностей конструирования новой²⁴. В этой связи ключевым трендом становится переход от институционального к индивидуальному взаимодействию посредством социальных сетей²⁵. Так, по данным исследования аккаунтов врачей-блогеров и медицинских организа-

²² См.: *Лехциер В.Л., Готлиб А.С.* Пациентские нарративы из ковидных отделений в социальных сетях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 384–404. DOI: 10.21638/spbu12.2022.405; *Дудина В.И., Сайфулина В.О.* “Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось”: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 279–298. DOI:10.14515/monitoring.2023.1.2344.

²³ См.: *Журавлева И.В., Иванова Л.Ю., Ивахненко Г.А., Лакомова Н.В., Резникова Т.П.* Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет. М., 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-356-0.2021; *Савина А.А., Фейгинова С.И.* Распространенность ожирения среди населения Российской Федерации: период до пандемии COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68 (5). № 4. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-5-4.

²⁴ См.: *Бацина Е.А., Попсуйко А.Н., Артамонова Г.В.* Цифровизация здравоохранения РФ: миф или реальность? // Врач и информационные технологии. 2020. № 3. С. 73–80; *Shutova M.V., Rocheva Y.S.* Digital mediatization in medicine: new models of clinic-to-doctor-to-patient interaction // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 4. С. 722–729. doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-4-722-729.

²⁵ *Shutova M.V., Rocheva Y.S.* Op. cit.

ций выявлено, что информация на интернет-страницах лечебных учреждений носит формальный характер, выполняя скорее роль рекламы, в то время как взаимодействие с врачами через их личные блоги отличается персонализированностью и, вследствие этого, является более привлекательным для пациентов, так как учитывается значимый для аудитории эмоциональный аспект²⁶.

Цифровое общение между врачом и пациентом характеризуется конвергенцией традиционных и новых форм взаимодействия²⁷. С одной стороны, модель коммуникации “вопрос–ответ” выступает как традиционный формат медицинской консультации. С другой — виртуальное взаимодействие отличается особенностями идентификации участников: если для пациентов характерна анонимность, то представители медицинского сообщества должны указывать свои данные, в том числе, о своем профессиональном статусе, что, кстати, сегодня уже является требованием ряда цифровых платформ при размещении на них медицинского контента²⁸.

Наряду с этим онлайн-коммуникация дополняется новыми функциями, которые детерминированы мотивацией участников: если для пациентов основная цель — решить проблемы со здоровьем, получить профессиональное заключение о своем состоянии, то “врачи помимо онлайн-консультирования стремятся привлечь новых клиентов”, используя тем самым онлайн-пространство для повышения своего статуса и конструирования имиджа²⁹. Вследствие этого новые медиа также рассматриваются как инструмент личного брендинга врача.

Действительно, значимым фактором, оказывающим влияние на социальные отношения в публичном пространстве, является имидж их участников. Однако воздействие медиа на восприятие и отношение населения к социальному институту медицины имеет амбивалентный характер, что проявляется через эффекты как “героизации”, так и “демонизации” медицинской профессии и ее представителей в СМИ³⁰. В последнем случае такой негативный контент

²⁶ Shutova M.V., Rocheva Y.S. Op. cit. P. 725.

²⁷ Искандерова Л.В. Дискурсивные практики онлайн-взаимодействия врачей и пациентов (на примере медицинского интернет-форума “Health.mail.ru”) // ДИС-КУРС. 2020. Т. 6. № 5. С. 73–86. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-73-86.

²⁸ Требования к контенту. Справка. URL: <https://dzen.ru/help/requirements/rules.html#clickbait> (дата обращения: 14.11.2023).

²⁹ Искандерова Л.В. Указ. соч. С. 79.

³⁰ Богдан И.В., Дренева А.А., Чистякова Д.П. Образ медицинского специалиста в социальных медиа глазами москвичей: управленческие и методические аспекты // Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 3. С. 57–67. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-3-57-67.

приводит к снижению доверия, конфликтности, профессиональному выгоранию, некомплаентности пациентов. Поэтому медицинский брендинг может служить эффективным механизмом не только для повышения престижа и репутации конкретного врача, но и для успешного функционирования системы здравоохранения, включая улучшение сферы управления общественным здоровьем, повышение уровня санитарной грамотности населения, а также подбор и обучение профессиональных кадров³¹.

В процессе анализа проблематики влияния цифровой медиатизации на трансформацию социального института медицины, актуальным аспектом представляется и изучение дискурса о здоровье, создаваемого в цифровых медиа неинституциональными агентами. Действительно, в условиях расширения доступа к информации в интернете появляются новые контентмейкеры и трансляторы медицинского знания (блогеры, инфлюенсеры), которые благодаря интерактивности медиа и предоставляемому посредством них расширенному доступу к глобальной аудитории также играют существенную роль в конструировании социальных представлений и практик заботы о здоровье, что ведет к размыванию статуса экспертного медицинского знания, вследствие чего наблюдается снижение степени его влияния на комплаентность больного. Так, своего рода альтернативой формальным агентам в современном коммуникативном пространстве можно рассматривать так называемый любительский медицинский дискурс, который формируется пациентскими нарративами в социальных медиа³².

Следствием данных трансформаций под влиянием цифровой медиатизации сферы здоровья влияние профессионального врачебного сообщества как институциональных агентов социального контроля на управление в сфере здоровьесбережения редуцируется, что оказывает негативное воздействие на функционирование всей системы, усиливая ситуацию хронического недоверия к ней³³. Яр-

³¹ *Farsi D.* Social media and health care. Part I: Literature review of social media use by health care providers // *Journal of Medical Internet Research*. 2021. Vol. 23 (4). e23205. URL: <https://www.jmir.org/2021/4/e23205> DOI: 10.2196/23205; 45; *Sultan M., Brown E., Thomas R.* Clinicians embracing social media: potential and pitfalls // *Epilepsy & Behavior*. 2021. Vol. 115. DOI: 10.1016/j.yebeh.2019.106462; *Le L.H., Hoang P.A., Pham H.C.* Sharing health information across online platforms: a systematic review // *Health Communication*. 2023. Vol. 38(8). P. 1550–1562. DOI: 10.1080/10410236.2021.2019920.

³² *Лехциер В.Л., Готлиб А.С.* Указ. соч.

³³ *Богомягкова Е.С.* “Доверяй, но проверяй”: практики заботы о здоровье в условиях цифровизации здравоохранения // *Журнал исследований социальной политики*. 2022. Т. 20. № 2. С. 263–278. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-2-263-278; *Фадеева Е.В.* Практики лечения в восприятии граждан: по материалам всероссий-

ким подтверждением тому может служить недавний социальный опыт преодоления пандемии новой коронавирусной инфекции. Восприятие рисков болезни, степень приверженности населения защитным мерам во многом определялись как субъективным опытом переживания данной ситуации, так и репрезентацией самой болезни в медиа³⁴.

В целом, обобщение исследовательских позиций по первому направлению позволяет сделать вывод, что под влиянием цифровых технологий наблюдается парадигмальный поворот в организации и функционировании социального института медицины, связанный с трансформацией агентности и деинституционализацией отношений в системе врач–пациент, что порождает новые формы и правила взаимодействия между основными акторами.

Наряду с институциональным аспектом к значимому направлению социологического дискурса о медиатизации здоровья относится изучение вопросов о воздействии новых медиа на конструирование социальных представлений и практик заботы о здоровье. Социальные медиа выступают не только как информационные и коммуникативные средства. Вследствие появления феномена сетевого инфлюенсинга, они становятся трансляторами определенных ценностей и моделей поведения, участвуя в формировании ценностных ориентаций и представлений о здоровье и рисках ему. В этой связи внимание исследователей обращено на выявление особенностей медиапотребления по вопросам здоровья, а также репрезентации образа здоровья и дискурса о нем в новых медиа³⁵. Принимая во внимание, что языковые практики представляют собой один из аспектов социальности, трансформация которых ведет к изменению социокультурной картины мира, изучение онлайн-дискурса о проблемах здоровья и способах их преодоления дает возможность установить особенности восприятия артикулируемых проблем, уровень наличного знания о них у контентмейкеров и их последователей и на

ских исследований // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 138–145. DOI: 10.31857/S013216250020180-1. С. 141.

³⁴ Дудина В.И., Сайфулина В.О. Указ. соч.; Lupton D. COVID societies. Theorising the Coronavirus Crisis. L., 2022. P. 140.

³⁵ См.: Богомякова Е.С., Дупак А.А. Цифровой селф-трекинг здоровья в дискурсе социальных наук // Социология науки и технологий. 2021. № 2. С. 155–174. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-155-174; Дудина В.И., Сайфулина В.О. Указ. соч.; Кульпин С.В., Савчук Г.А., Якимова О.А. Указ. соч.; Ним Е.Г. Указ. соч.; Enjolras B., Thorbjørnsrud K. Health on social media: mediatization of subjective experience? // Health & New Media Research. 2021. N 5. P. 220–250. 10.22720/hnmr.2020.5.2.220; Rich E., Lewis S., Lupton D., Miah A., Piwek L. Digital health generation? Young people's use of 'healthy lifestyle' technologies. Bath, 2020.

основании этого выявить существующие и транслируемые паттерны здоровьесбережения, а также особенности их трансформации в современном обществе. Особенно данная проблематика актуальна для молодежной аудитории, что обусловлено высокой степенью вовлеченности молодого поколения в медиасреду.

Обзор релевантных публикаций демонстрирует поляризацию исследовательских точек зрения по данному направлению. С одной стороны, отмечаются позитивные аспекты цифрового медиапотребления по вопросам здоровья³⁶. В частности, установлено, что наряду с поиском информации о различных заболеваниях и способах их лечения новые медиа выступают и как каналы развития социальных связей между пользователями со схожими проблемами здоровья, что оказывает терапевтический эффект на их состояние, особенно в контексте исследования онлайн-групп поддержки молодых людей с онкологией и психическими особенностями³⁷. Также социальные медиа используются для повышения санитарной грамотности³⁸, информирования молодежи о пользе здоровых привычек и формирования приверженности здоровому образу жизни³⁹.

Вместе с тем прослеживается и критический дискурс о медиапотреблении по вопросам здоровья. Так, репрезентация здоровья в виртуальной среде формирует у молодых людей его ограниченное восприятие, так как здоровье отождествляется в первую очередь с внешностью и физической формой на основе транслируемых стандартов телесности⁴⁰. В этой связи в научном дискурсе используется особый термин, описывающий популярные тренды в новых медиа — “инста-нормы”, которые посредством их популяризации молодежными трендсеттерами получают закрепление, формируя новые модели поведения⁴¹. Однако следование им не всегда имеет оздоравливающий эффект. Так, несоответствие собственного теле-

³⁶ См.: Rich E., Lewis S., Lupton D., Miah A., Piwek L. Op. cit.

³⁷ Hu Y. Helping is healing: examining relationships between social support, intended audiences, and perceived benefits of mental health blogging // *Journal of Communication in Healthcare*. 2019. Vol. 12. N 2. P. 112–120, DOI: 10.1080/17538068.2019.1588491; Mikal J., Beckstrand M., et al. Online support seeking and breast cancer patients: changes in support seeking behavior following diagnosis and transition off cancer therapy // *Health Communication*. 2020. Vol. 6 (6). P. 731–740. DOI: 10.1080/10410236.2020.1712519.

³⁸ Quenmerstedt M. Social media as a health resource: a salutogenic perspective // *Young People, Social Media and Health* / Ed. by V. Goodyear. L., 2019. P. 101–116.

³⁹ Кульпин С.В., Савчук Г.А., Якимов О.А. Указ. соч.

⁴⁰ Chung A., Vieira D., Donley T., et al. Adolescent peer influence on eating behaviors via social media: scoping review // *Journal of Medical Internet Research*. 2021. Vol. 23. N 6. DOI: 10.2196/19697.

⁴¹ Papathomas A., White H., Plateau C. Young people, social media, and disordered eating // *Young People, Social Media and Health*. P. 101–116. P. 107.

сного формата транслируемому оказывает прямое влияние на снижение самооценки у подростков, вызывает депрессии, провоцирует в целях достижения нужного эффекта распространение среди молодежи нездорового пищевого поведения, вредных экспериментов со своей внешностью⁴².

Хотя посредством новых медиа расширяются возможности для социальных взаимодействий, тем не менее виртуальная среда содержит достаточно “цифрового флуда” — “поток избыточной информации, симулякров, мемов и фейков, призванных парализовать независимое и концептуальное мышление, идущее вразрез с навязываемым образом реальности”⁴³. Попадая в такое информационное “изобилие”, молодые люди, хотя и относящиеся к так называемым “цифровым аборигенам”, в силу особенностей их психологического развития, обусловленного возрастным статусом, и не обладающие достаточным уровнем медиа- и санитарной грамотности, становятся объектами для манипулирования. Более того, большинство неинституционализированных (т.е. не относящихся к экспертному сообществу) контентмейкеров цифровой медиасреды имеют прагматическую ориентацию на самопрезентацию и заработок⁴⁴. Это ставит под сомнение истинность их намерений: продвигать социально значимый и полезный контент, или в погоне за “хайпом” и прибылью, используя цифровые технологии манипулирования, создавать привлекательные для аудитории симулякры здорового образа жизни, скрывая возможные негативные последствия следования им.

Амбивалентность в мнениях исследователей выявлена и при анализе конструируемых посредством новых медиа практик заботы о здоровье. Так, селф-трекинг рассматривается, с одной стороны, как “инструмент самопознания и саморазвития, способствующий... оздоровлению и благополучию”, а с другой — “как технология биополитики и психовласти”⁴⁵, так как в основе функционирования гаджетов цифрового мониторинга здоровья лежат процессы алгоритмизации и датафикации⁴⁶.

В целом, анализ и обобщение исследовательских позиций в контексте второго направления социологического дискурса позволяют выявить ряд особенностей влияния новых медиа на конструирова-

⁴² Papathomas A., White H., Plateau C. Op. cit.

⁴³ Друкер М.М., Яновская Г.В. Социальные медиа: подходы к дефиниции понятия // Медиаскоп. 2021. Вып. 2. DOI: 10.30547/mediascope.2.2021.2.

⁴⁴ Кульпин С.В., Савчук Г.А., Якимова О.А. Указ. соч.

⁴⁵ Ним Е.Г. Указ. соч. 2020. С. 44.

⁴⁶ Kent R. The digital health self. Bristol, 2023.

ние социальных представлений о здоровье и практик заботы о нем, а именно: а) размывание традиционного восприятия здоровья и здорового образа жизни (формирование метрической модели здоровьесбережения и квантификации телесности в условиях развития цифрового селф-трекинга); б) плюрализм репрезентаций образа здоровья в цифровом медиапространстве; в) кастомизация практик здоровья; г) трансформация агентности, когда наряду с институциональными акторами-носителями экспертного знания значимую роль в конструировании здоровьесбережения играют и субъекты любительского медицинского дискурса.

Наряду с рассмотренными аспектами в исследованиях о цифровой медиатизации сферы здоровья также значимым выступает и вопрос о теоретико-методологической основе изучения данной проблематики, что обусловлено как обращением к новым типам данных, так и особенностями анализируемого коммуникативного пространства. Также важно принимать во внимание и тот факт, что здоровье является многоуровневым социально обусловленным феноменом, вследствие этого исследование медиатизации сферы здоровья должно включать изучение особенностей протекания данного процесса и его последствий с учетом многообразия социального континуума, на уровне межличностном, в ближайшем окружении, институциональном и социетальном, при этом важным является именно поиск их взаимосвязей и взаимообусловленности.

Принимая во внимание данные особенности, для изучения цифровой медиатизации сферы здоровья представляется перспективным использовать в качестве теоретико-методологической основы концепцию “медиатизированных миров” немецких социологов Ф. Кротца и А. Хеппа⁴⁷, которая объединяет институциональный, социально-конструктивистский и материалистический подходы, предлагая оригинальную исследовательскую методологию для анализа дискурса в цифровых медиа⁴⁸.

Данная теория уже достаточно известна в отечественном научном дискурсе, тем не менее выделим ряд положений, значимых для нашего исследования. Понимание медиатизированного мира подразумевает его интерпретацию как малого жизненного мира, структура и наполнение которого “зависит от артикуляции посредством медиакommunikation”⁴⁹. А. Хепп выделяет такие характеристики

⁴⁷ Hepp A., Krotz F. Mediatized worlds — understanding everyday mediatization. Mediatized worlds // Culture and Society in a Media Age / Ed. by A. Hepp, F. Krotz. Basingstoke, 2014. P. 1–14.

⁴⁸ Hepp A. Deep mediatization. L., 2020. P. 11–12.

⁴⁹ Ibid. P. 110–111.

медиатизированных миров, как “набор обязательных интерсубъективных знаний, определенные социальные практики и культурные уплотнения (cultural thickenings)”⁵⁰. Хотя медиатизированные миры различаются по масштабу, между ними сложно провести четкие границы, так как они переплетены между собой и образуют сети взаимодействий, для изучения которых исследователи также вводят понятие “коммуникативных фигураций”⁵¹. Данная категория описывает модель коммуникативной сети, которая включает определенные позиции в ней акторов по отношению друг к другу⁵². При этом “каждая коммуникативная фигурация имеет тематический фрейм, направляющий совместные действия ее акторов”, средства и формы коммуникации⁵³.

Конструирование медиатизированных миров в условиях цифровизации характеризуется как процесс глубокой медиатизации, под которой подразумевается всестороннее участие современных медиатехнологий в производстве социального. А. Хепп выделяет пять основных проявлений глубокой медиатизации современного социума: а) дифференциация огромного числа цифровых медиа; б) их растущая связность, что ведет к трансформации агентности; в) вездесущность; г) ускоренный темп развития инноваций; 5) датафикация социальной жизни⁵⁴.

При использовании данного подхода цифровая медиатизация сферы здоровья может быть рассмотрена как комплексный процесс трансформации существующей и конструирования новой институциональной структуры, социальных представлений, установок и паттернов в сфере здоровья под влиянием цифровых медиа, что предполагает изучение следующих аспектов:

- особенностей репрезентации здоровья и здорового образа жизни в дискурсах новых медиа (“тематическое фреймирование”⁵⁵);
- коммуникативных фигураций разных медиатизированных миров (формальных и неформальных);
- взаимосвязи между социальными агентами и транслируемыми моделями здоровьесбережения;
- выявление так называемой “повестки дня” в сфере здоровья (наиболее обсуждаемые вопросы) и ее ключевых контентмейкеров;

⁵⁰ Hepp A. Deep mediatization. P. 110–111.

⁵¹ Ibid. P. 113.

⁵² Ibid. P. 115.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Hepp A., Breiter A., Hasebrink U. Communicative figurations: transforming communications in times of deep mediatization. L., 2018. P. 19–20.

⁵⁵ Ibid. P. 113.

– влияния транслируемых образов на социальные представления о здоровье, рисках ему и поведении в отношении здоровья среди молодежи;

– типологизация моделей здоровьесберегающего поведения на основе восприятия феномена здоровья, практик здорового образа жизни среди различных медиапоколений.

Таким образом, эвристический потенциал этой теории в отношении обсуждаемой проблематики, на наш взгляд, заключается в возможности выявить особенности медиатизации здоровья на разных уровнях социальной реальности.

Подводя итоги представленного в работе обзора и систематизации социологического дискурса о медиатизации сферы здоровья под влиянием новых медиа, можно заключить, что изучение рассмотренной проблематики выступает как актуальное и социально значимое для отечественного поля исследовательское направление. Выделенные векторы в его разработке демонстрируют как неоднозначность исследовательских позиций, так и необходимость поиска адекватных подходов для анализа происходящих изменений под влиянием новых медиа трансформаций в сфере здоровья. В этой связи в данной работе предложена его разработка через теоретико-методологическую оптику концепций глубокой медиатизации и медиатизированных миров, которая позволяет выявить особенности медиадискурса о здоровье и формируемых посредством него практик на разных уровнях социальной реальности, которые в то же время выступают как компоненты единого целого, порождая сложные коммуникативные сети.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонова Ю.Д., Володенков С.В. Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 2. С. 9–27. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-9-27

Бацина Е.А., Попсуйко А.Н., Артамонова Г.В. Цифровизация здравоохранения РФ: миф или реальность? // Врач и информационные технологии. 2020. № 3. С. 73–80.

Богдан И.В., Дренева А.А., Чистякова Д.П. Образ медицинского специалиста в социальных медиа глазами москвичей: управленческие и методические аспекты // Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 3. С. 57–67. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-3-57-67

Богомяжкова Е.С. “Доверяй, но проверяй”: практики заботы о здоровье в условиях цифровизации здравоохранения // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 2. С. 263–278. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-2-263-278

Богомяжкова Е.С., Дупак А.А. Цифровой селф-трекинг здоровья в дискурсе социальных наук // Социология науки и технологий. 2021. № 2. С. 155–174. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-155-174

Вартанова Е.Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды // Меди@льманах. 2022. № 2 (109). С. 8–14. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2022.814

Гуреева А.Н., Кузнецова В.С. Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 191–205. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(1).191-205

Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Медиатизация социальной сферы // PR и СМИ в Казахстане: Сб. науч. трудов. Алматы, 2015. С. 31–40.

Друкер М.М., Яновская Г.В. Социальные медиа: подходы к дефиниции понятия // Медиаскоп. 2021. Вып. 2. DOI: 10.30547/mediascope.2.2021.2

Дудина В.И., Сайфулина В.О. “Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось”: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 279–298. DOI:10.14515/monitoring.2023.1.2344

Ермолаева О.Я. Социальное конструирование в цифровой медиасреде. По материалам секции на IX Грушинской социологической конференции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 387–399. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.20

Журавлева И.В., Иванова Л.Ю., Ивахненко Г.А., Лакомова Н.В., Резникова Т.П. Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет. М., 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-356-0.2021

Искандерова Л.В. Дискурсивные практики онлайн-взаимодействия врачей и пациентов (на примере медицинского интернет-форума “Health.mail.ru”) // ДИСКУРС. 2020. Т. 6. № 5. С. 73–86. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-73-86

Кульпин С.В., Савчук Г.А., Якимова О.А. Зачем молодежь создает контент о здоровом образе жизни: факторный анализ тематических блогов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 168–190. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.656

Лехциер В.Л., Готтлиб А.С. Пациентские нарративы из ковидных отделений в социальных сетях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 384–404. DOI: 10.21638/spbu12.2022.405.

Михайленок О.М., Малышева Г.А. Политические эффекты социальных сетей в России // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 78–87. DOI: 10.31857/S013216250004012-6; 23

Ним Е.Г. “Вы есть ваши данные”: селф-трекинг как феномен глубокой медиатизации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2020. № 5. С. 29–53. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2020.2953

Осипова Н.Г. Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 3. С. 7–27. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-3-7-27>

Островская Е.А., Бадмацыренов Т.Б., Васильева С.В. Медиатизированное православие: миссия в Китае // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 66–79. DOI: 10.31857/S013216250022669-8

Примаков В.Л. Медиатизация как теоретический концепт // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 3 (836). С. 221–238.

Савельева Ж.В. Конструирование социальной проблемы здоровья и болезни СМК: концептуальная модель и процедуры исследования // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 9. С. 316–321.

Савина А.А., Фейгинова С.И. Распространенность ожирения среди населения Российской Федерации: период до пандемии COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68 (5). № 4. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-5-4

Урри Дж. Как выглядит будущее? / Под науч. ред. С. Шукиной. М., 2018.

Фадеева Е.В. Практики лечения в восприятии граждан: по материалам всероссийских исследований // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 138–145. DOI: 10.31857/S013216250020180-1

Shutova M.V., Rocheva Y.S. Digital mediatization in medicine: new models of clinic-to-doctor-to-patient interaction // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 4. С. 722–729. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-4-722-729

REFERENCES

Artamonova Y., Volodenkov S. Mediatizaciya kak issledovatel'skij koncept: osnovnye predposylki, formirovanie i vozmozhnosti dal'nejshego razvitiya [Mediatization as a research concept: Main prerequisites of the formation and Possibilities for further development] // Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki. 2021. N 2. S. 9–27. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-9-27 (in Russian).

Bacina E.A., Popsujko A.N., Artamonova G.V. Cifrovizaciya zdravooxraneniya RF: mif ili real'nost'? [Digitalization of the Russian Healthcare system: myth or reality?] // Vrach i informacionnye tekhnologii. 2020. N 3. S. 73–80 (in Russian).

Bogdan I.V., Dreneva A.A., Chistyakova D.P. Obraz medicinskogo specialista v social'nyh media glazami moskvichej: upravlencheskie i metodicheskie aspekty [Medical professional image in the social media by Muscovites: managerial and methodological aspects] // Cifrovaya sociologiya. 2022. T. 5. N 3. S. 57–67. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-3-57-67 (in Russian).

Bogomjagkova E.S. “Doverjaj, no proverjaj”: praktiki zaboty o zdorov'e v uslovijah cifrovizacii zdravooxraneniya [“Trust but verify”: practices of health care in the context of digitalization of healthcare] // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2022. T. 20. N 2. S. 263–278. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-2-263-278 (in Russian).

Bogomjagkova E., Dupak A. Cifrovoj self-treking zdorov'ya v diskurse social'nyh nauk [Digital Self-Tracking for Health in the Discourse of Social Sciences] // Sociologiya nauki i tekhnologii. 2021. T. 12. N 2. S. 57–67 (in Russian).

Chung A., Vieira D., Donley T. et al. Adolescent peer influence on eating behaviors via social media: scoping review // Journal of Medical Internet Research. 2021. Vol. 23. N 6. DOI: 10.2196/19697.

Couldry N., Hepp A. The mediated construction of reality. Cambridge, 2017.

Crosbie V. What is new media? // International Journal of New Media Studies. 2015. Vol. 1. N 1. P. 1–6.

Druker M.M., Yanovskaya G.V. Social'nye media: podhody k definicii ponyatiya [Social media: approaches to the definition of the concept] // *Mediaskop*. 2021. Vyp. 2. DOI: 10.30547/mediascope.2.2021.2 (in Russian).

Dudina V.I., Sajfulina V.O. "Pochitala, eshhe men'she vakcinirovat'sja zahotelos": onlajn-diskurs vakcinnoj nereshitel'nosti ["Read It, I Wanted To Get Vaccinated Even Less": An Online Discourse Of Vaccine Hesitancy] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2023. N 1. S. 279–298. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2344 (in Russian).

Dzyaloshinskii I.M., Dzyaloshinskaya M.I. Mediatizaciya social'noj sfery [Mediatization of the social sphere] // *Pattern Recognition*. 2015. S. 31–40 (in Russian).

Enjolras B., Thorbjørnsrud K. Health on social media: mediatization of subjective experience? // *Health & New Media Research*. 2021. N 5. P. 220–250. 10.22720/hnmr.2020.5.2.220.

Ermolaeva O.Y. Social'noe konstruirovanie v cifrovoy mediasrede. Po materialam sekcii na IH Grushinskoj sociologicheskoy konferencii [Social construction in the digital media environment. Based on the materials of the section at the IX Grushin Sociological Conference] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2019. N 4. S. 387–399. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.20 (in Russian).

Fadeeva E.V. Praktiki lecheniya v vospriyatii grazhdan: po materialam vserosijskikh issledovanij [Treatment Practices in Public Perception: Based on Russian Nationwide Surveying] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2022. N 10. S. 138–145. DOI: 10.31857/S013216250020180-1 (in Russian).

Farsi D. Social media and health care. Part I: Literature review of social media use by health care providers // *Journal of Medical Internet Research*. 2021. Vol. 23. N 4. URL: <https://www.jmir.org/2021/4/e23205>.

Gillmor D. We the media: Grassroots journalism by the people, for the people. Gravenstein, 2006.

Gureeva A.N., Kuznecova V.S. Konceptualizaciya fenomena mediatizacii politiki: osnovnye teoreticheskie podhody [Conceptualization of the phenomenon of mediatization of politics: basic theoretical approaches] // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2021. T. 10. N 1. S. 191–205. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(1).191-205 (in Russian).

Hepp A. Agency, social relations, and order: media sociology's shift into the digital // *Communications*. 2022. Vol. 47. N 3. P. 470–493. DOI: 10.1515/com-mun-2020-0079.

Hepp A. Deep mediatization. L., 2020.

Hepp A., Breiter A., Hasebrink U. Communicative figurations: transforming communications in times of deep mediatization // *Springer Nature*. 2018. N 3.

Hepp A., Krotz F. Mediatized worlds — understanding everyday mediatization. *Mediatized Worlds* // *Culture and Society in a Media Age* / Ed. by A. Hepp, F. Krotz. Basingstoke, 2014. P. 1–14.

Hjarvard S. Three forms of mediatized religion. Changing the public face of religion // *Mediatization and religion: Nordic perspectives*. Gothenburg, 2012. P. 21–45.

Hu Y. Helping is healing: examining relationships between social support, intended audiences, and perceived benefits of mental health blogging // *Journal of Communication in Healthcare*. 2019. Vol. 12. N 2. P. 112–120. DOI: 10.1080/17538068.2019.1588491.

Iskanderova L.V. Diskursivnye praktiki onlajn-vzaimodejstviya vrachej i pacien-tov (na primere medicinskogo internet-foruma "Health.mail.ru") [Discursive Prac-tices of Doctor-Patient Online-Communication (the Case of "Health.mail.ru")] // DISKURS. 2020. T. 6. N 5. S. 73–86. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-73-86 (in Russian).

Kent R. The digital health self. Bristol, 2023.

Kul'pin S.V., Savchuk G.A., Yakimova O.A. Zachem molodezh' sozdaet kontent o zdorovom obraze zhizni: faktornyj analiz tematicheskikh blogov [Why young people create content about healthy lifestyles: factor analysis of thematic blogs] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2020. N 2. S. 168–190. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.656 (in Russian).

Le L.H., Hoang P.A., Pham H.C. Sharing health information across online plat-forms: a systematic review // Health Communication. 2023. Vol. 38. N 8. P. 1550–1562. DOI: 10.1080/10410236.2021.2019920.

Lekhciev V.L., Gotlib A.S. Patientskie narrativy iz kovidnyh otdelenij v social'nyh setyah [Patient narratives from COVID-19 wards in social media] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya. 2022. T. 15. N 4. S. 384–404. DOI: 10.21638/spbu12.2022.405 (in Russian).

Lupton D. COVID Societies. Theorising the Coronavirus Crisis. L., 2022.

Manovich L. The language of new media. Cambridge, 2001.

Mihajlenok O.M., Malysheva G.A. Politicheskie efekty social'nyh setej v Rossii [Political Effects of Social Networks in Russia] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. N 2. S. 78–87. DOI: 10.31857/S013216250004012-6; 23 (in Russian).

Mikal J., Beckstrand M. et al. Online support seeking and breast cancer pa-tients: changes in support seeking behavior following diagnosis and transition off cancer therapy // Health Communication. 2020. Vol. 6. N 6. P. 731–740. DOI: 10.1080/10410236.2020.1712519.

Nim E.G. "Vy est' vashi dannye": self-treking kak fenomen glubokoj mediatizacii ["You are Your Data": Self-Tracking as a Phenomenon of Deep Mediatization] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2020. N 5. S. 29–53. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2020.2953 (in Russian).

Osipova N.G. Cifrovye manipuljaccii psihicheskim zdorov'em sovremennoj molodezhi [Digital manipulation of the mental health of modern youth] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2023. T. 29. N 3. S. 7–27. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-3-7-27> (in Russian).

Ostrovskaya E.A., Badmacyrenov T.B., Vasil'eva S.V. Mediatizirovanoe pravo-slavie: missiya v Kitae [Mediated Orthodoxy: Mission in China] // Sociologicheskie issledovaniya. 2023. N 3. S. 66–79. DOI: 10.31857/S013216250022669-8 (in Russian).

Papathomas A., White H., Plateau C. Young people, social media, and disor-dered eating // Young People, Social Media and Health / Ed. by V. Goodyear. L., 2019. P. 101–116.

Primakov V.L. Mediatizaciya kak teoreticheskij concept [Mediatization as a theoretical concept] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2019. N 3 (836). S. 221–238 (in Russian).

Quennerstedt M. Social media as a health resource: a salutogenic perspective // Young People, Social Media and Health / Ed. by V. Goodyear. L., 2019. P. 101–116.

Rich E., Lewis S., Lupton D., Miah A., Piwek L. Digital health generation? Young people's use of 'healthy lifestyle' technologies. Bath, 2020.

Saveleva Zh. V. Konstruirovaniye social'noy problemy zdorov'ya i bolezni SMK: konceptual'naya model' i procedury issledovaniya [Constructing a social problem of health and disease in Mass Media: a conceptual model and research procedures] // Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta. 2011. N 9. S. 316–321 (in Russian).

Savina A.A., Fejginova S.I. Rasprostranennost' ozhireniya sredi naseleniya Rossijskoj Federacii: period do pandemii COVID-19 [Obesity prevalence in population of the Russian Federation: before the covid-19 pandemic] // Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya. 2022. T. 68 (5). N 4. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-5-4 (in Russian).

Shutova M.V., Rocheva Y.S. Digital mediatization in medicine: New models of clinic-to-doctor-to-patient interaction // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2021. T. 26. N 4. C. 722–729. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-4-722-729.

Sultan M., Brown E., Thomas R. Clinicians embracing social media: potential and pitfalls // Epilepsy & Behavior. 2021. Vol. 115. DOI: 10.1016/j.yebeh.2019.106462.

Thompson J.B. The media and modernity: A social theory of the media. Stanford, 1995.

Urry J. Kak vyglyadit budushchee? [What is Future?] / Pod nauch. red. S. Shchukinoy. M., 2018 (in Russian).

Vartanova E. K voprosu o posledstviyah cifrovoj transformacii mediasredy [On the Consequences of Digital Transformation of Media System] // Medi@l'manah. 2022. N 2. S. 8–14. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2022.814 (in Russian).

Zhuravleva I.V., Ivanova L.Yu., Ivahnenko G.A., Lakomova N.V., Reznikova T.P. Zdorov'e podrostkov i okruzhayushchaya sreda: izmeneniya za 20 let. [Health of adolescents and the environment: changes over 20 years: Monograph] / Otv. red. I.V. Zhuravleva. M., 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-356-0.2021 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-72-85

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОНЯТИЙ “ТРЕЗВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ” И “ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ” В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

В.А. Зотова, соискатель кафедры теории и истории социологии ФГБОУ ВО “Российский государственный гуманитарный университет” (РГГУ), Миусская площадь, д. 6, г. Москва, Российская Федерация, 125047*

Центральными понятиями рассматриваемой нами предметной области выступают две категории — “здоровый образ жизни” и “трезвый образ жизни”. Проведена дефиниция ключевых терминов в рассматриваемой предметной области. Проанализирован компонентный состав концепции “здоровый образ жизни”. Сделан вывод о том, что здоровый образ жизни представляет собой понятие гораздо более широкое, и термин “трезвый образ жизни” входит в его семантический спектр. Обнаружена причинно-следственная связь между понятиями на теоретическом уровне: трезвый образ жизни является первым шагом к здоровому образу жизни. Обнаружено при этом противоречие в соотношении понятий “здоровый образ жизни” и “трезвый образ жизни” в обиходном массовом сознании: полный отказ от алкоголя воспринимается общественностью как аномальный паттерн, не вписывающийся в представления об условном социальном стандарте. Абсолютная трезвость до сих пор в массе рассматривается как девиация, а поддержание здорового образа жизни не исключает нарушений трезвого режима жизнедеятельности. Сделано предположение о том, что категории “трезвый образ жизни” и “здоровый образ жизни” лежат в разных плоскостях мировоззрения человека — в ментально-волевой и функциональной (деятельностной) соответственно. В завершение статьи приводятся возможные подходы к изучению взаимоотношений понятий здоровый и трезвый образ жизни.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, трезвый образ жизни, трезвенничество, трезвость, аддикция, здоровье, ЗОЖ.

* Зотова Варвара Алексеевна, e-mail: zotova1987@gmail.com

DIFFERENTIATION OF THE CONCEPTS OF SOBER LIFESTYLE AND HEALTHY LIFESTYLE IN SOCIAL SCIENCES

Zotova Varvara A., Applicant for the Department of Theory and History of Sociology, Russian State Humanitarian University (RGGU), Miuskaya Square, 6, Moscow, Russian Federation, 125047, e-mail: zotova1987@gmail.com

The central concepts of the subject area we are considering are two categories — healthy lifestyle and sober lifestyle. Definitions of key terms in the subject area under consideration are considered. The component composition of the concept of healthy lifestyle is analyzed. It is concluded that a healthy lifestyle is a much broader concept, and the term “sober lifestyle” is included in its semantic spectrum. A cause-and-effect relationship between the concepts has been discovered; there is an obvious one: a sober lifestyle is the first step to a healthy lifestyle. At the same time, a contradiction was discovered in the relationship between the concepts of healthy lifestyle and sober lifestyle in everyday mass consciousness: complete abstinence from alcohol is perceived by the public as an anomalous pattern that does not fit into the idea of a conventional social standard. Absolute sobriety is still considered a deviation, and maintaining a healthy lifestyle does not exclude violations of a sober lifestyle. An assumption has been made that the categories “sober lifestyle” and “healthy lifestyle” are located in different dimensions of a person’s worldview — in the mental-volitional and functional (activity) ones, respectively. The article concludes with possible approaches to studying the relationship between the concepts of a healthy and sober lifestyle.

Key words: healthy lifestyle, sober lifestyle, teetotalism, sobriety, addiction behavior, health.

Анализ текущей социальной, эпидемиологической и демографической ситуации в нашей стране и в мире показывает острую потребность в изменении образа жизни современных людей. По мнению большинства врачей, наибольший ущерб здоровью людей наносят болезни, обусловленные систематическими нарушениями образа жизни¹. В то же время многие авторы констатируют рост популярности здорового образа жизни, любительского спорта и фитнеса, активного отдыха и отказа от вредных привычек. Благодаря глобализационной динамике и сетевизации общества рядовые граждане стали ближе к мировым научным, культурным, техническим достижениям, что позволяет им получать сведения о важности и роли здорового питания, правильного сна, о возможностях избавления от аддикций и в целом — о базисных понятиях здоровьесбережения. Так, М.И. Хасанова говорит о том, что только 20%

¹ Шаповалова В.А. Компоненты здорового образа жизни // Наука-2020. 2020. № 4 (40). С. 67–71.

нарушений в состоянии здоровья человека обусловлены его генетическими предрасположенностями, 20% — условиями окружающей среды, 10% — качеством медицины в стране. В 50% случаях состояние здоровья является продуктом жизнедеятельности самого человека, результатом образа жизни, которому он следовал большую часть жизненного пути². В исследовании ценностных установок россиян, проведенном группой ЦИРКОН в 2019 г., здоровье заняло первое место в рейтинге ценностей. Однако при этом исследование выявило, что «только 4,5% принявших участие в исследовании россиян придерживаются формальных критериев ЗОЖ — не пьют, не курят, регулярно занимаются спортом, и только 7% оценивают свой уровень здоровья как “очень хороший”»³.

Чтобы в дальнейшем сконструировать инструментарий для изучения подобного парадокса, представляется важным рассмотреть, как соотносятся друг с другом понятия “здоровый образ жизни” и “трезвый образ жизни” в социальных науках.

Теоретические основы изучения здорового образа жизни как социологической категории можно обнаружить в работе К. Райт Миллса “Социологическое воображение”, в которой он подчеркивал важность понимания взаимосвязи между индивидуальным опытом и опытом общества в целом. И хотя его работа не сосредоточена непосредственно на здоровом образе жизни, она обеспечивает основу для понимания того, как социальные факторы, такие как социально-экономический статус, влияют на индивидуальное поведение и результаты в отношении здоровья⁴.

Важно отметить, что Т. Парсонс в своей работе “Социальная система” также косвенно касается здорового образа жизни, подчеркивая социальные нормы и ожидания в отношении здоровья. В этой работе он вводит понятие “больной роли”, концепт которой важен и для понимания отношения общества к здоровью и болезни, как к явлениям⁵. Концепция Парсонса помогает объяснить ожидания общества в отношении людей, когда они болеют, и подчеркивает общественную обязанность стремления к хорошему здоровью.

В рамках проведения дефиниции между здоровым и трезвым образом жизни необходимо уделить внимание работе И. Гоффмана

² Хасанова М.И. Здоровый образ жизни // Экономика и социум. 2020. № 1 (68). С. 870–872.

³ Ценностная солидаризация и общественное доверие в России, ЦИРКОН, 2019. URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/> (дата обращения: 21.10.2023).

⁴ Wright Mills C. The sociological imagination. Oxford, 1959.

⁵ Parsons T. The social system. Glencoe, 1969.

“Стигма: заметки о борьбе с испорченной идентичностью”⁶. В этой работе, посвященной теории стигматизации, Гоффман дает представление о социальных процессах, которые могут удерживать людей от ведения здорового образа жизни. Он подчеркивает влияние общественного восприятия и стигмы на людей с определенными заболеваниями, что может повлиять на их способность вести здоровый образ жизни.

Центральными понятиями рассматриваемой нами предметной области выступают две категории — “здоровый образ жизни” и “трезвый образ жизни”. В некоторых исследованиях эти два понятия могут отождествляться, а в других публикациях их, напротив, намеренно разграничивают. При этом, как уже было сказано выше, существует явная взаимосвязь между двумя понятиями, но характер этой взаимосвязи понятен не до конца. В данной связи нам представляется весьма актуальным привести основные подходы к определению двух терминов, рассмотреть потенциальную возможность их отождествления и проанализировать концептуальные различия между ними.

Следует представить несколько предположений относительно рассматриваемого нами вопроса.

Во-первых, по нашему мнению, здоровый образ жизни представляет собой понятие гораздо более широкое, и термин “трезвый образ жизни” входит в его семантический спектр.

Во-вторых, между понятиями существует явная причинно-следственная связь: трезвый образ жизни является первым шагом к здоровому образу жизни. При выполнении всех условий, позволяющих определить тот или иной образ жизни как здоровый, за исключением условия трезвости образ жизни априори перестает считаться здоровым.

В-третьих, категории “трезвый образ жизни” и “здоровый образ жизни” лежат в разных плоскостях мировоззрения человека — в ментально-волевой и функциональной (деятельностной) соответственно.

Следует провести анализ современной отечественной научной литературы (социальные науки) и попытаться подтвердить или опровергнуть представленные выше гипотезы. Прежде всего, следует определиться с тем, что именно следует понимать под выражением “образ жизни”.

⁶ Goffman E. Stigma: notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs, 1963.

Ю.А. Помещикова и А.А. Коновалова предлагают определять образ жизни достаточно нейтрально: "...набор привычек, действий, жизнедеятельность человека, его трудовая деятельность, жизненный уклад, правила индивидуального и общественного поведения"⁷. Авторы выделяют различные аспекты, в которых может проявляться определенный образ жизни: экономический (образ жизни = уровень жизни), социальный и социологический (образ жизни = качество жизни), социально-психологический (образ жизни = стиль жизни), социально-экономический (образ жизни = уклад жизни)⁸. В.А. Шаповалова и Е.И. Коробейникова, в свою очередь, определяют образ жизни следующим образом: "...система взаимоотношений человека с самим собой и факторами внешней среды <...> которая зависит от пола, возраста, состояния здоровья, климата, питания, работы, отдыха, наличия полезных привычек и отсутствия вредных"⁹. Как видно из представленного выше определения, сам по себе термин "образ жизни" увязывается с понятиями здоровья и трезвости, сближаясь, таким образом, с категорией "здоровый образ жизни" и категорией "трезвый образ жизни". В обиходном сознании здоровый образ жизни приравнивается к занятиям спортом и отказу от алкоголя. Е.И. Гулевская говорит о том, что подобная массовая стереотипная установка является ошибочной и игнорирует многие иные составляющие здорового образа жизни — к примеру, правильное питание¹⁰.

В.А. Шаповалова и Е.И. Коробейникова предлагают следующую дефиницию: здоровый образ жизни представляет собой такой способ осуществления жизнедеятельности, который отвечает "генетическим особенностям человека, условиям его жизни и направлен на формирование, сохранение и укрепление здоровья с целью полноценного выполнения его социально-биологических функций"¹¹.

М.И. Хасанова пишет, что здоровый образ жизни можно понимать как совокупность способов, которыми человек должен сознательно поддерживать свое здоровье и избегать вредных факторов, разрушающих его¹².

⁷ Помещикова Ю.А. Сущность здорового образа жизни. Факторы формирования здорового образа жизни // Вестник науки. 2018. № 9 (9). С. 55–56.

⁸ Там же.

⁹ Шаповалова В.А. Указ. соч. С. 67–71.

¹⁰ Гулевская Е.И. Основа здорового образа жизни // Скиф. 2019. № 12–1 (40). С. 129–134.

¹¹ Шаповалова В.А. Указ. соч. С. 67–71.

¹² Хасанова М.И. Указ. соч. С. 870–872.

А.Р. Рукавишникова говорит о двойственности категории “здоровый образ жизни”: с одной стороны, это образ жизни отдельного человека, направленный на укрепление здоровья и профилактику заболеваний, а с другой — это институционализированная и развернутая социальная научная концепция о путях и способах жизнедеятельности человека, направленной на улучшение и сохранение здоровья¹³.

Еще одну научную дефиницию предлагает Ю.А. Шумакова: здоровый образ жизни, по ее мнению, является собой практическую имплементацию “комплекса единой научно обоснованной медико-биологической и социально-психологической системы профилактических мероприятий, в которой важное значение имеет правильное физическое воспитание, должное сочетание труда и отдыха, развитие устойчивости к психо-эмоциональным перегрузкам, преодоление трудностей, связанных со сложными экологическими условиями обитания, и устранение гипокинезии”¹⁴.

Получить представление о месте трезвости в системе здорового образа жизни можно путем рассмотрения компонентов здорового жизни, которые выделяют авторы научных публикаций. В частности В.А. Шаповалова и Е.И. Коробейникова указывают, что тремя структурными частями здорового образа жизни являются мероприятия по поддержанию физического здоровья, мероприятия, направленные на поддержание психического здоровья, и мероприятия, сохраняющие и укрепляющие нравственность¹⁵. Нравственность и психическое здоровье в свою очередь невозможно поддерживать без поддержания трезвости¹⁶, что может косвенно подтвердить наше предположение о том, что трезвость есть залог и компонент здорового образа жизни. А.Р. Рукавишникова указывает на то, что основными компонентами здорового образа жизни можно считать питание, физическую подготовку, моральный настрой и отказ от вредных привычек¹⁷.

Обобщив научную литературу по вопросам структуры и системы здорового образа жизни, можно сказать, что большинство авторов предлагает следующий список компонентов: рациональное

¹³ Рукавишникова А.Р. Здоровый образ жизни // Мировая наука. 2019. № 2 (23). С. 202–204.

¹⁴ Шумакова Ю.А. Здоровый образ жизни // Система ценностей современного общества. 2010. № 11. С. 297–301.

¹⁵ Шаповалова В.А. Указ. соч. С. 67–71.

¹⁶ Бачинин И.В. Обоснование антропологического содержания понятия “трезвость” // Вестник ПСТГУ. IV. Педагогика. Психология. 2014. № 3 (34). С. 56–57.

¹⁷ Рукавишникова А.Р. Указ. соч. С. 202–204.

питание, физическая культура, соблюдение личной гигиены, здоровый сон, отказ от вредных привычек. Таким образом, трезвый образ жизни (понимаемый как отказ от вредных привычек) является и компонентом, и предпосылкой, и базисом здорового образа жизни.

Несмотря на то что категория “здоровый образ жизни” шире и объемнее, чем категория “трезвый образ жизни”, ее изучение и популяризация произошли гораздо позднее. Многие страны, в том числе и Россия, имеют богатый исторический опыт борьбы за трезвый образ жизни. Известно, к примеру, что до революции в авангарде борьбы с пьянством в России выступала церковь, будучи основным носителем и транслятором духовно-нравственных ценностей¹⁸.

Существенный вклад в отечественную “науку” о трезвости, сабриентологию, внес известный ученый и медик В.М. Бехтерев. Он в частности выступил с резкой критикой относительно годовой нормы потребления алкоголя (1/2 ведра водки на душу населения) и настаивал на реализации общегосударственной антиалкогольной политики. Степень распространенности алкоголизма в стране определяет в конечном итоге степень “дегенерации населения”. Абсолютная трезвость — полный отказ от алкоголя, по В.М. Бехтереву, представляет собой единственно возможный способ поддержания здоровья и рассудка. Ученый категорически отрицал понятие “малые дозы” и опровергал стереотипы о пользе приема небольших порций алкоголя¹⁹.

В некоторой степени в советский период понятие трезвости сузилось до отказа от алкоголя. Проблема наркотической зависимости — медикаментозной, химической и прочей — не имела такого размаха, как алкоголизм. Антиалкогольная политика проводилась на уровне законодательства (постановление ЦК КПСС от 7 мая 1985 г. “О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма” и др.), посредством учреждения специальных институций (Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость и др.), реализовывалась средствами пропаганды²⁰. Безусловно, предпринимались и меры по популяризации здорового образа в жизни в целом. Сегодня

¹⁸ Белянин Д.Н. Основные мероприятия русской православной церкви в борьбе за трезвый образ жизни в сибирской деревне в начале XX века (по материалам епархиальных ведомостей) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 5–14.

¹⁹ Разводовский Ю.Е. Роль В.М. Бехтерева в организации антиалкогольного движения в России в начале 20-го века // Журнал ГрГМУ. 2004. № 4 (8). С. 93–95.

²⁰ Галкина А.В. Пропаганда здорового образа жизни как основа деятельности общественных организаций: история регионального отделения общества трезвости и здоровья // Система ценностей современного общества. 2012. № 23. С. 300–303.

пропаганда сменилась социальной рекламой и иными способами массовой информационной работы²¹.

Сравнивая степень изученности двух рассматриваемых нами понятий, можно заметить, что в вопросах поддержания здорового образа жизни социальные науки накопили достаточно мощный и емкий научно-методологический базис, тогда как многие вопросы трезвости остаются малоизученными. В большей степени проблемы трезвости исследуются медиками, а представители наук гуманитарного, социального цикла в большей степени фокусируются на понятии здорового образа жизни.

В предыдущих работах мы говорили о том, что многие публикации о трезвом образе жизни носят пропагандистский характер и не соответствуют ключевым критериям академического гуманитарного научного знания²². Именно поэтому обоснование социологической семантики категорий “трезвость” и “трезвый образ жизни” и введение их в дискурс социальных наук представляется фундаментальной и значимой задачей современных исследований²³. Большую работу в этом направлении проделала Ю.Ю. Белова, описав в своей работе возможные социологические подходы к изучению отказа от алкоголя²⁴.

Анализ современной научной литературы, социальной рекламы, официальных документов и медийных материалов позволяет нам прийти к выводу о наличии парадоксального противоречия в соотношении понятий “здоровый образ жизни” и “трезвый образ жизни”. Несмотря на то что трезвость, на первый взгляд, является априорным условием здорового образа жизни, а поддержание здоровья невозможно без сохранения трезвости, в массовом сознании допускается практика систематического употребления алкоголя людьми-представителями ЗОЖ-культуры. Более того, полный отказ от алкоголя воспринимается общественностью как аномальный паттерн, не вписывающийся в представления об условном социальном стандарте.

С.А. Горчакова говорит о том, что трезвенничество сегодня является девиацией (хоть и позитивной). Исследователь предлагает определять трезвенничество (трезвый образ жизни) как “экологи-

²¹ Николаева М.А. Сабриентология в социальной рекламе // Образование и наука. 2012. № 3. С. 89–99.

²² Ключникова Е.А. Проблемы формирования трезвого образа жизни молодёжи в современной информационной среде // Ученые записки университета Лесгафта. 2022. № 2 (204). С. 211–216.

²³ Там же.

²⁴ Белова Ю.Ю. Отказ от потребления алкоголя в предметном поле социологических исследований в России и за рубежом // Огарёв-Online. 2019. № 14.

чески адекватное, биологически релевантное состояние человека, ставшее социально девиантным в нашем (в частности) обществе в свете теории отклоняющегося поведения”²⁵. Можно также сказать, что в российском обществе существует социальная стигма как в отношении тех, кто чрезмерно злоупотребляет алкоголем (а также стимулирующими, наркотическими веществами), так и тех, кто декларирует полный отказ от них.

С.А. Фирсин и А.В. Бахметов пишут о том, что в нашей стране люди, которые, по их мнению, придерживаются здорового образа жизни (питаются полезными продуктами, посещают спортивные тренировки), зачастую отличаются “табачно-алкогольной запрограммированностью” и могут регулярно употреблять алкоголь, табак и другие интоксиканты при наличии определенных поводов. Следовательно, в общественном сознании категория “трезвость” не всегда интегрирована в понятие “здоровый образ жизни”²⁶. Все еще имеют место массовые, так называемые “программы самоотравления” (“ряд взаимосвязанных информационных блоков, записанный в мозгу человека на уровне разума (сознания) и подсознания”²⁷).

Несмотря на это, все же в сознании общественности постепенно происходят позитивные изменения. В 1990–2000-х гг. широкая прослойка молодежи не имела целостной системы духовных и нравственных ценностей, что приводило к замещению аксиологии личности на примитивные потребности — употребление психоактивных веществ, алкоголя, что в конечном итоге порождало массовые практики асоциального агрессивного поведения, либо напротив — социальную и индивидуальную пассивность. Сегодня здоровый и трезвый образ жизни обретает значимость: поддержание здоровья становится показателем высокого социального и финансового статуса, а наличие аддикций и слабое здоровье, напротив, выступают индикаторами сниженного социального статуса или даже маргинальности. Кроме того, постепенно трезвость входит в спектр проявлений социальной нормы и начинает восприниматься как неотъемлемый компонент здорового образа жизни.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о наличии важного различия между концепциями трезвенничества

²⁵ Горчакова С.А. Трезвенничество как социальное явление: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 1992.

²⁶ Фирсин С.А. Формирование трезвого здорового образа жизни и целостного развития личности студентов // Ученые записки университета Лесгафта. 2019. № 2 (168). С. 377–381.

²⁷ Ключникова Е.А. Указ. соч.

и здорового образа жизни. Здоровый образ жизни является собой функциональную, деятельностную концепцию, воплотить которую в реальной практике можно исключительно посредством действий, усилий, мер. Понятие “трезвый образ жизни” в свою очередь лежит в плоскости умственной и волевой, ведь отказ от внешних стимуляций и аддикций есть в первую очередь мысленное усилие, и только потом — принятие определенных мер.

Трезвость в большей степени встроена в характер, мировоззрение человека и соотносится с его ценностными установками, а здоровый образ жизни — это регулярные и осознанные шаги, паттерны. Это различие можно отметить даже на уровне дефиниций двух понятий. Так, к примеру, Ю.А. Шумакова определяет здоровый образ жизни как “поведение, базирующееся на научно обоснованных санитарно-гигиенических нормативах, направленных на сохранение и укрепление здоровья”²⁸. Трезвость, по нашему мнению, может быть интерпретирована в качестве детерминанты субъектности. Личность принимает решение об отказе от любой из форм самоповреждающего поведения, проявляя таким образом волю. Трезвость предстает критерием осознания себя как личности с определенными характеристиками. В подобном контексте трезвенничество следует считать оппозицией к экзистенциальному эскапизму²⁹, а в некоторых случаях — смыслом жизни (для зависимых в прошлом людей). Схожие тезисы мы опять же находим в работах Ю.А. Шумаковой: “...образ жизни — здоровый, культурный, цивилизованный — реализуется в конкретной предметной деятельности”³⁰, в отличие от трезвости, которая реализуется, напротив, в виде *недеяния*. В то же время адекватный и целостный *mindset* развитой личности в любом случае приведет ее не только к трезвенничеству, но и к здоровому образу жизни в целом. Все это доказывают наши предположения о различиях между двумя категориями и тесной взаимосвязи, существующей между ними.

В дальнейшем представляется интересным рассмотреть специфику взаимосвязи понятий здорового и трезвого образа жизни. Полагаем, что это возможно в рамках нескольких подходов: биомедицинском, холистическом, поведенческом и социально-экологическом. Приведем их краткое описание.

Биомедицинский подход. Теоретический подход, который в первую очередь фокусируется на физических аспектах здоровья. Он

²⁸ Шумакова Ю.А. Указ. соч. С. 297–301.

²⁹ Литинская Д.Г. Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. С. 308–311.

³⁰ Шумакова Ю.А. Указ. соч.

определяет “здоровый образ жизни” как образ жизни, свободный от болезней, инвалидности или каких-либо физиологических отклонений. Регулярные физические упражнения, сбалансированное питание и регулярные медицинские осмотры считаются ключевыми компонентами здорового образа жизни. Американская кардиологическая ассоциация, например, следует этой модели, предоставляя рекомендации по физической активности и диетическим привычкам для предотвращения сердечно-сосудистых заболеваний. Однако биомедицинский подход допускает, что здоровый образ жизни не тождественен трезвому образу жизни, поскольку допускает употребление алкоголя индивидом в разумных пределах, не вредящих физическому здоровью человека.

Холистический подход. Этот подход к “здоровому образу жизни” является более всеобъемлющим и учитывает не только физическое здоровье, но также психологическое, социальное и духовное благополучие. Он предполагает, что поддержание баланса во всех этих областях приводит к оптимальному здоровью.

Поведенческий подход. Еще одним теоретическим подходом к определению “здорового образа жизни” является поведенческий подход. Этот подход подчеркивает роль индивидуального поведения и выбора в поддержании здоровья. В рамках этого подхода предполагается, что принятие здоровых привычек, таких как сбалансированное питание, регулярные физические упражнения и отказ от вредного поведения, такого как курение или чрезмерное употребление алкоголя, способствуют здоровому образу жизни.

Социально-экологический подход. Этот теоретический подход учитывает влияние социальных, экологических и экономических факторов на здоровье. Он предполагает, что “здоровый образ жизни” касается не только личных привычек, но и окружающей среды, в которой человек живет, и общества, частью которого он является. Американский центр по контролю и профилактике заболеваний (CDC) использует эту модель для разработки политики общественного здравоохранения, направленной на устранение неравенств в отношении здоровья и содействие справедливости в отношении здоровья. В рамках этого подхода ключевую роль играет значимость внешних факторов и влияние среды на индивида.

С нашей точки зрения, наиболее релевантными подходами к прикладному изучению взаимосвязи трезвого и здорового образа жизни являются поведенческий и социально-экологический. И если первый подход предполагает фокусировку исследователя

на траекториях здорового и трезвого образа жизни индивида³¹, то второй предлагает исследователю рассмотреть то, как различные институты взаимодействуют между собой и как они влияют на индивида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бачинин И.В. Обоснование антропологического содержания понятия “трезвость” // Вестник ПСТГУ. IV. Педагогика. Психология. 2014. № 3 (34). С. 56–67.

Белова Ю.Ю. Отказ от потребления алкоголя в предметном поле социологических исследований в России и за рубежом // Огарёв-Online. 2019. № 14.

Белова Ю.Ю. Время больших возможностей или как миллениалы преодолевают зависимость от алкоголя: автобиографическое исследование // Вопросы наркологии. 2022. Т. 210. № 4–5–6. С. 116–130.

Белянин Д.Н. Основные мероприятия русской православной церкви в борьбе за трезвый образ жизни в сибирской деревне в начале XX века (по материалам епархиальных ведомостей) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 5–14.

Галкина А.В. Пропаганда здорового образа жизни как основа деятельности общественных организаций: история регионального отделения общества трезвости и здоровья // Система ценностей современного общества. 2012. № 23. С. 300–303.

Горчакова С.А. Трезвенничество как социальное явление: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 1992.

Гулевская Е.И. Основа здорового образа жизни // Скиф. 2019. № 12–1 (40). С. 129–134.

Клюшников Е.А. Проблемы формирования трезвого образа жизни молодежи в современной информационной среде // Ученые записки университета Лесгафта. 2022. № 2 (204). С. 211–216.

Литинская Д.Г. Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. С. 308–311.

Николаева М.А. Сабриентология в социальной рекламе // Образование и наука. 2012. № 3. С. 89–99.

Помещикова Ю.А. Сущность здорового образа жизни. Факторы формирования здорового образа жизни // Вестник науки. 2018. № 9 (9). С. 55–56.

Разводовский Ю.Е. Роль В.М. Бехтерева в организации антиалкогольного движения в России в начале 20-го века // Журнал ГрГМУ. 2004. № 4 (8). С. 93–95.

Рукавишников А.Р. Здоровый образ жизни // Мировая наука. 2019. № 2 (23). С. 202–204.

Фирсин С.А. Формирование трезвого здорового образа жизни и целостного развития личности студентов // Ученые записки университета Лесгафта. 2019. № 2 (168). С. 377–381.

Хасанова М.И. Здоровый образ жизни // Экономика и социум. 2020. № 1 (68). С. 870–872.

³¹ Белова Ю.Ю. Время больших возможностей или как миллениалы преодолевают зависимость от алкоголя: автобиографическое исследование // Вопросы наркологии. 2022. Т. 210. № 4–5–6. С. 116–130.

Ценностная солидаризация и общественное доверие в России, ЦИРКОН, 2019. URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/> (дата обращения: 21.10.2023).

Шаповалова В.А. Компоненты здорового образа жизни // Наука-2020. 2020. № 4 (40). С. 67–71.

Шумакова Ю.А. Здоровый образ жизни // Система ценностей современного общества. 2010. № 11. С. 297–301.

REFERENCES

Bachinin I.V. Obosnovanie antropologicheskogo soderzhaniya ponjatija “trez-vost” [Justification of the anthropological content of the concept of “sobriety”] // Vestnik PSTGU. IV. Pedagogika. Psihologija. 2014. N 3 (34). S. 56–67 (in Russian).

Beljanin D.N. Osnovnye meroprijatija russkoj pravoslavnoj cerkvi v bor’be za trezvyj obraz zhizni v sibirskoj derevne v nachale XX veka (po materialam eparhial’nyh vedomostej) [The main events of the Russian Orthodox Church in the struggle for a sober lifestyle in a Siberian village at the beginning of the twentieth century (based on materials from diocesan statements)] // Vestn. Tom. gos. un-ta. Istorija. 2022. N 75. S. 5–14 (in Russian).

Belova Yu.Yu. Otkaz ot potreblenija alkoholja v predmetnom pole socio-logicheskikh issledovanij v Rossii i za rubezhom [Refusal of alcohol consumption in the subject field of sociological research in Russia and abroad] // Ogarjov-Online. 2019. N 14 (in Russian).

Belova Yu.Yu. Vremja bol’shih vozmozhnostej ili kak millenialy preodolevajut zavisimost’ ot alkoholja: avtobiograficheskoe issledovanie [Time of great opportunities or how millennials overcome alcohol addiction: an autobiographical study] // Voprosy narkologii. 2022. T. 210. N 4–5–6. S. 116–130 (in Russian).

Cennostnaja solidarizacija i obshhestvennoe doverie v Rossii [Value Solidariza-tion And Public Trust In Russia], CIRKON, 2019. URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/> (accessed: 21.10.2023) (in Russian).

Firsin S.A. Formirovanie trezvogo zdravogo obraza zhizni i celostnogo raz-vitija lichnosti studentov [Formation of a sober healthy lifestyle and holistic develop-ment of the personality of students] // Uchenye zapiski universiteta Lesgafta. 2019. N 2 (168). S. 377–381 (in Russian).

Galkina A.V. Propaganda zdravogo obraza zhizni kak osnova dejatel’nosti ob-shhestvennyh organizacij: istorija regional’nogo otdelenija obshhestva trezvosti i zdorov’ja [Promotion of a healthy lifestyle as the basis of the activities of public orga-nizations: the history of the regional branch of the society of sobriety and health] // Sistema cennostej sovremennoego obshhestva. 2012. N 23. S. 300–303 (in Russian).

Goffman E. Stigma: notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs; Prentice-Hall, 1963.

Gorchakova S.A. Trezvennichestvo kak social’noe javlenie: Avtoref. diss. ... kand. sociol. Nauk [Temperance as a social phenomenon: Author’s abstract. dis. ...cand. sociol. Sciences]. M., 1992 (in Russian).

Gulevskaja E.I. Osnova zdravogo obraza zhizni [The basis of a healthy life-style] // Skif. 2019. N 12–1 (40). S. 129–134 (in Russian).

Hasanova M.I. Zdorovyj obraz zhizni [Healthy lifestyle] // Jekonomika i socityum. 2020. N 1 (68). S. 870–872 (in Russian).

Kljushnikova E.A. Problemy formirovanija trezvogo obraza zhizni molodjozhi v sovremennoj informacionnoj srede [Problems of forming a sober lifestyle of young

people in the modern information environment] // *Uchenye zapiski universiteta Lesgafta*. 2022. N 2 (204). S. 211–216 (in Russian).

Litinskaja D.G. Tipy sovremennogo jeskapizma i fenomen jekzistencial'nogo jeskapizma [Types of modern escapism and the phenomenon of existential escapism] // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2012. N 1. S. 308–311 (in Russian).

Nikolaeva M.A. Sabrientologija v social'noj reklame [Sabrientology in social advertising] // *Obrazovanie i nauka*. 2012. N 3. S. 89–99 (in Russian).

Parsons T. The social system. Glencoe, 1969.

Pomeshhikova Ju.A. Sushhnost' zdorovogo obraza zhizni. Faktory formirovanija zdorovogo obraza zhizni [The essence of a healthy lifestyle. Factors in the formation of a healthy lifestyle] // *Vestnik nauki*. 2018. N 9 (9). S. 55–56 (in Russian).

Razvodovskij Ju.E. Rol' V.M. Behtereva v organizacii antialkogol'nogo dvizhenija v Rossii v nachale 20-go veka [The role of V. M. Bekhterev in the organization of the anti-alcohol movement in Russia at the beginning of the 20th century] // *Zhurnal GrGMU*. 2004. N 4 (8). S. 93–95 (in Russian).

Rukavishnikova A.R. Zdorovyj obraz zhizni [Healthy lifestyle] // *Mirovaja nauka*. 2019. N 2 (23). S. 202–204 (in Russian).

Shapovalova V.A. Komponenty zdorovogo obraza zhizni [Components of a healthy lifestyle] // *Nauka-2020*. 2020. N 4 (40). S. 67–71 (in Russian).

Sharafutdinova R.I. K zdorovomu obrazu zhizni [Towards a healthy lifestyle] // *Evrazijskij Sojuz Uchenyh*. 2016. N 29–2. S. 72–73 (in Russian).

Shumakova Ju.A. Zdorovyj obraz zhizni [Healthy lifestyle] // *Sistema cennostej sovremennoho obshhestva*. 2010. N 11. S. 297–301 (in Russian).

Wright Mills C. The sociological imagination. Oxford, 1959.

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-86-94

СОЦИАЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ

В.И. Белозеров, асп. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Настоящая статья посвящена изучению социальных феноменов физической культуры и спорта, которые являются актуальными, значимыми и перспективными для современных социологических исследований. Автор статьи на базе осмысления содержания понятий “физическая культура” и “спорт”, а также соотношению их между собой в российском законодательстве, обращает внимание на важность исследований представлений о социальных феноменах физической культуры и спорта, сложившихся у различных групп населения, в частности, у молодежи. Для выявления этих представлений у молодежи, и прежде всего, у самой ее активной части, студенчества, с 4 по 8 сентября 2023 г. им было проведено авторское пилотное эмпирическое исследование “Социальные феномены физической культуры и спорта” среди студентов 1–3 курсов бакалавриата социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по двум направлениям подготовки — “Социология” и “Публичная политика и социальные науки”.

В рамках данного исследования студентам было предложено ответить на блоки вопросов, направленных на выявление мотивации и вовлеченности студенческой молодежи в занятия физической культурой и спортом. Проведенный автором анализ результатов исследования показал, что между занятием физической культурой и спортом студенты социологического факультета МГУ не усматривают особой разницы, фактически отождествляя их, а более половины студентов фактически приравнивают занятия физкультурой к учебной дисциплине “физическая культура”, преподаваемой им в вузе. В то же время, процесс общения в виртуальном пространстве (в сетях, чатах, блогах и т.д.), общение с друзьями, а также прогулки на свежем воздухе, для студентов социологического факультета МГУ являются более приоритетными, чем непосредственно занятия физической культурой и спортом, что, безусловно, немало вредит их здоровью.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, молодежь, студенческая молодежь, досуговые практики, виртуальное общение.

* Белозеров Виталий Иванович, e-mail: vibelozerovv@gmail.com

SOCIAL PHENOMENA OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS THROUGH THE EYES OF YOUNG PEOPLE

Belozerov Vitaliy I., Postgraduate Student of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, bld. 33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vibelozerovv@gmail.com

This article is devoted to the study of social phenomena of physical culture and sports, as one of the significant and promising areas of modern sociological research. Starting with a reference to the understanding in Russian legislation of the content of the concepts of “physical culture” and “sport”, as well as their relationship with each other, the author of the article draws attention to the importance of studies of ideas about social phenomena of physical culture and sports that have developed among various groups of the population, in particular, among young people. To identify these ideas in youth, and above all, in its most active part — student youth from September 4 to 8, 2023, he conducted an author’s pilot empirical study “Social phenomena of physical culture and sports” among bachelor students of the sociological faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov 1–3 courses in two areas of training — “Sociology”, as well as “Public policy and social sciences”.

As part of this study, students were asked to answer blocks of questions aimed at identifying the motivation and involvement of student youth in physical education and sports. The author’s analysis of the results of the study showed that between physical education and sports, students of the sociological faculty of Moscow State University do not see much difference, actually identifying them, and more than half of students actually identify physical education with the discipline taught by him at the university. At the same time, the process of communication in virtual space (in networks, chats, blogs, etc.), communication with friends, as well as walks in the fresh air, for students of the sociological faculty of Moscow State University are more priority than the activities of physical education and sports themselves.

Key words: physical education, sports, youth, student youth, leisure practices, virtual communication.

Изучение социальных феноменов физической культуры и спорта в настоящее время является одним из важных направлений современных социологических исследований. При этом в рамках данного направления весьма актуальными, на наш взгляд, являются вопросы, связанные с осмыслением спорта как особой сферы социокультурной деятельности индивидов, роли физической культуры в совершенствовании двигательной активности и формировании здорового образа жизни человека, а также постижением функциональных различий и противоречий социального потенциала физической культуры и спорта.

В соответствии с действующим российским законодательством, под физической культурой понимается “часть культуры,

представляющая собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых и используемых обществом в целях физического и интеллектуального развития способностей человека, совершенствования его двигательной активности и формирования здорового образа жизни, социальной адаптации путем физического воспитания, физической подготовки и физического развития”¹. Исходя из данного определения, можно заключить, что физическая культура представляет собой “органическую часть общечеловеческой культуры, ее особую самостоятельную область”², базирующуюся на духовных и материальных ценностях, началах. Она же одновременно являет собой “специфический процесс и результат человеческой деятельности, средство и способ физического совершенствования личности. Физическая культура воздействует на жизненно важные стороны индивида, полученные в виде задатков, которые передаются генетически и развиваются в процессе жизни под влиянием воспитания, деятельности и окружающей среды. Она удовлетворяет социальные потребности в общении, игре, развлечении, в некоторых формах самовыражения личности через социально активную полезную деятельность”³.

В свою очередь спорт в российском законодательстве определяется как “сфера социально-культурной деятельности как совокупность видов спорта, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним”⁴. Иными словами, спорт является составной частью физической культуры, в рамках которой “человек стремится расширить границы своих возможностей, это огромный мир эмоций, порождаемых успехами и неудачами, популярнейшее зрелище, действенное средство воспитания и самовоспитания человека, в нем присутствует сложнейший процесс межчеловеческих отношений. Спорт — это, собственно, соревновательная деятельность и специальная подготовка к ней. Он живет по определенным правилам и нормам поведения. В нем ярко проявляется стремление к победе, достижению высоких результатов, требующих мобилизации физических, психических и нравственных

¹ См.: О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации. № 329 от 4 декабря 2007 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6243.

² См.: Алексеев С.В. Спортивное право России. Правовые основы физической культуры и спорта. М., 2012. С. 68.

³ Там же.

⁴ См.: О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации. № 329 от 4 декабря 2007 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6243.

качеств человека. Поэтому часто говорят о спортивном характере людей, успешно проявляющих себя в состязаниях. Удовлетворяя многие потребности человека, занятия спортом становятся физической и духовной необходимостью»⁵.

При этом необходимо подчеркнуть, что от занятий физической культурой «спорт отличается тем, что в нем имеется обязательная соревновательная компонента. И физкультурник, и спортсмен могут использовать в своих занятиях и тренировках одни и те же физические упражнения (например, бег), но при этом спортсмен всегда сравнивает свои достижения в физическом совершенствовании с успехами других спортсменов в очных соревнованиях. Занятия же физкультурника направлены лишь на личное совершенствование безотносительно к достижениям в этой области других занимающихся»⁶.

Следует особо отметить, что при изучении обозначенной тематики, особый интерес для исследователей имеют также представления, сложившиеся о данной проблематике и в целом о социальных феноменах физической культуры и спорта у различных групп населения, в частности, у молодежи. Ведь молодежь представляет собой самую активную часть общества, возрастные границы которой четко очерчены Федеральным Законом Российской Федерации «О молодежной политике в Российской Федерации» в диапазоне от 14 до 35 лет⁷.

Для выявления этих представлений у молодежи, и прежде всего, у самой ее активной части, студенчества, с 4 по 8 сентября 2023 г. было проведено пилотное эмпирическое исследование «Социальные феномены физической культуры и спорта» среди студентов 1–3 курсов бакалавриата социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по двум направлениям подготовки — «Социология», а также «Публичная политика и социальные науки».

Всего было опрошено 256 студентов, из которых 20% опрошенных составили лица мужского пола, 80% — женского, что в целом соответствует общему гендерному составу студентов социологического факультета МГУ. 37% опрошенных студентов составили студенты в возрасте 18 лет, 23 — в возрасте 20 лет, 18 — студенты в возрасте 17 лет, 17 — студенты в возрасте 17 лет, 4 респондентов — в возрасте 21 года, 1% — студенты в другом возрасте.

⁵ Алексеев С.В. Указ. соч. С. 82.

⁶ Там же. С. 82–83.

⁷ См.: О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 25 декабря 2020 г. // Российская газета. 2021. 11 янв. № 1 (8352). Ст. 2.

Из общего числа опрошенных 10% респондентов имеют постоянную работу, 33 — работают время от времени, 57% — не работают.

19% студентов располагали в 2022 г. определенным ежемесячным доходом — от 5000 до 15 000 рублей, 17% респондентов имели доход от 15000 до 30000 рублей, 16 — от 0 до 5000 рублей, 10 — свыше 45 000 рублей, 6% — от 30000 до 45 000 рублей. 32% студентов не имели постоянного среднемесячного дохода в 2022 г.

55% опрошенных составили студенты 1-го года обучения по двум направлениям подготовки, 11 — студенты 2-го года обучения, 34% — студенты 3-го года обучения.

В рамках проведенного исследования студентам социологического факультета был задан вопрос о том, как часто они практикуют занятия физической культурой и спортом, а также другого рода занятия и времяпрепровождение (общение с друзьями, посещение культурных мероприятий, например, кинотеатров, выставок, театральных представлений), общение в виртуальном пространстве, компьютерные игры, а также прогулки на свежем воздухе. На данный вопрос были получены следующие ответы.

Чуть более половины опрошенных (в общей сложности 58%) ответили, что они часто практикуют занятия физической культурой (39% студентов — часто, 19% — очень часто). 23% респондентов ответили, что они редко занимаются физической культурой, 16 — очень редко, 3% — никогда, т.е. вообще не практикуют занятия физической культурой.

Примерно в той же пропорции распределились ответы на вопрос о практике занятия студентами спортом. 33% опрошенных заявили, что они часто занимаются спортом, 22 — очень часто, что в сумме составило 55%. 22% студентов заявили, что они редко практикуют занятия спортом, 19 — что занимаются им очень редко, 11% — вообще не занимаются спортом.

Таким образом, можно констатировать, что между занятием физической культурой и спортом, студенты социологического факультета не усматривают особой разницы, фактически отождествляя их.

Гораздо более популярным времяпрепровождением для студентов социологического факультета является общение в виртуальном пространстве (62% респондентов очень часто общаются в виртуальном пространстве, 28 — часто, редко общаются — только 5% опрошенных, очень редко — 2, никогда не общаются — 3% студентов), общение с друзьями (60% опрошенных заявили, что они очень часто общаются с друзьями, 29 — часто, 8 — редко, 2 — очень

редко, 1% — никогда не общаются с ними). Не менее популярны у них прогулки на свежем воздухе (48% студентов “занимаются этим очень часто”, 39 — часто, 9 — редко, 3 — очень редко, 1% — “не занимается этим вовсе”).

Иными словами, занятиям физической культурой и спортом студенты предпочитают процесс общения в виртуальном пространстве (в сетях, чатах, блогах и т.д.), общение с друзьями, а также прогулки на свежем воздухе.

Примерно в одной пропорции по частоте с занятиями физкультурой и спортом у них находится посещение культурных мероприятий (кино, выставок, театральных представлений). 13% студентов очень часто посещают такие мероприятия, 47 — часто, 29 — редко, 9% — очень редко. И только 2% опрошенных заявили, что никогда не посещают культурные мероприятия.

Менее всего у студентов социологического факультета популярны компьютерные игры. Очень часто в них играют 9% учащихся, часто — 8% студентов, редко — 13, очень редко — 21%. Почти половина студентов (49%) заявили, что они никогда не играют в компьютерные игры.

В то же время следует отметить, что 61% студентов считают, что спорт и физическая культура, “скорее да, чем нет”, являются популярным видом занятий среди молодежи. “Однозначно, да” — ответили 23% опрошенных. “Скорее нет, чем да”, считают 16% респондентов.

При этом на вопрос анкеты “Занимаетесь ли Вы физической культурой?” в общей сложности 75% студентов отметили, что они в настоящее время занимаются физической культурой, а 25% — не занимаются.

15% студентов занимаются физкультурой каждый день, 47 — несколько раз в неделю, 11 — раз в две недели, 5 — раз в месяц, 5% — реже одного раза в месяц. 17% заявили, что они вообще не занимаются физической культурой.

47% опрошенных занимаются физкультурой в специализированном фитнес-клубе, 22 — на улице, 18 — во дворе, 13% — в парке. 53% студентов предпочитают заниматься физкультурой самостоятельно, 22% — с использованием программ блогеров и просматривая видеоуроки. 15% занимаются физкультурой с тренером.

При этом 68% опрошенных воспринимают занятия физической культурой как деятельность по сохранению и улучшению здоровья, 21 — как один из вариантов досуга; 7% студентов просто нравится заниматься физкультурой, 4% — дали другие ответы.

Более половины студентов отождествляют занятия физкультурой с посещением занятий в рамках учебной дисциплины, преподаваемой им в вузе. 62% студентов отметили, что они занимаются физкультурой в вузе, 8 — что не занимаются ею, так как ходят в спортивную секцию вуза, 4% — освобождены от нее по состоянию здоровья. 26% опрошенных дали иные ответы, содержание которых примерно поровну сводится к тому, что занятия физкультурой у них уже закончились или же еще не начались.

Половина опрошенных (50%) считает занятия физической культурой в вузе эффективными для сбережения своего здоровья, 29% — скорее да, 13% — скорее нет, чем да. И только 8% студентов так не считают.

63% студентов считают, что целью их занятий физической культурой является поддержание здоровья, 1 — воспринимают их как способ снятия стресса, 12 — как способ обретения подтянутой фигуры, 3 — как хобби, развлечение, 7% опрошенных дали иные ответы.

63% опрошенных заявили, что в настоящее время они активно занимаются спортом (10% — ежедневно и постоянно, 45 — несколько раз в неделю, 14 — раз в две недели, 9 — один раз в неделю, 12% — раз в месяц). 37% студентов заявили, что они в настоящее время спортом не занимаются.

24% опрошенных занимаются спортом в специальной бесплатной секции, 26 — ходят в платный спортивный клуб, 29 — занимаются спортом на специально оборудованной площадке (в парке или у дома), 21% — в специализированном фитнес-клубе.

45% студентов занимаются спортом несколько раз в неделю, 14 — раз в две недели, 10 — ежедневно и постоянно, 9 — один раз в неделю, 12 — раз в месяц, 10% заявили, что они вообще не занимаются спортом.

При этом к препятствиям на пути к регулярным занятиям спортом 72% опрошенных отнесли нехватку времени, лень (39%), по 11% — отсутствие поблизости интересных спортивных объектов, а также компании друзей для совместных занятий спортом. 5% опрошенных не видят необходимости в занятиях спортом, 4 — не могут позволить себе купить специальную форму для регулярного занятия спортом, 15% респондентов дали иные ответы.

Среди ресурсов, необходимых для занятий спортом, студенты, прежде всего, отметили внутренние ресурсы, т.е. желание заниматься спортом (87%). Затем — материальные ресурсы (52%), инфраструктуру (45%), наличие определенных способностей и качеств (18%). И только 2% опрошенных дали иные ответы.

Изменение графика работы или учебы по мнению 68% студентов способствовало бы их большему вовлечению в занятия спортом. На взгляд 27% респондентов снижение стоимости занятий напрямую бы привело к более интенсивному занятию ими спортом. Появление новых возможностей для занятий отметили 23% опрошенных. 18% студентов считают, что и так много занимаются и чаще заниматься нет необходимости. 5% респондентов дали другие ответы.

При подведении итогов исследования, можно отметить их определенную противоречивость. С одной стороны, полученные данные свидетельствуют о том, что значимая часть студентов социологического факультета МГУ, хотя и в разной степени интенсивности, вольно или невольно (в силу наличия в учебном плане соответствующей учебной дисциплины — физической культуры), но все же вовлечена в процесс занятия физической культурой и спортом, однако в своих представлениях фактически отождествляет их. С другой стороны, настораживает тот факт, что процесс общения в виртуальном пространстве (в сетях, чатах, блогах и т.д.), общение с друзьями, а также прогулки на свежем воздухе являются для студентов более приоритетными, чем сами занятия физической культурой и спортом. Противоречивость полученных результатов пилотного исследования еще более актуализирует данную проблематику и требует не только повышенного внимания к ней, но и проведения дополнительных, более масштабных, уточняющих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев С.В. Спортивное право России. Правовые основы физической культуры и спорта. М., 2005.

Лубышева Л. И. Социология физической культуры и спорта: Учеб. пособие. М., 2001.

О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 25 декабря 2020 г. // Российская газета. 2021. 11 янв. № 1 (8352).

О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации. № 329 от 4 декабря 2007 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6243.

REFERENCES

Alekseev S.V. Sportivnoe pravo Rossii. Pravovye osnovy fizicheskoy kul'tury i sporta [Sports law of Russia. Legal foundations of physical culture and sports]. M., 2005 (in Russian).

Lubysheva L.I. Sotsiologiya fizicheskoy kul'tury i sporta: Ucheb. Posobie [Sociology of physical culture and sports: Textbook. allowance]. M., 2001 (in Russian).

O molodyozhnoj politike v Rossijskoj Federatsii: Federal'nyj zakon RF ot 25 dekabrya 2020 g. [On youth policy in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of December 25, 2020] // Rossijskaya gazeta. 11 yanvarya 2021 g. N 1 (8352) (in Russian).

O fizicheskoy kul'ture i sporte v Rossijskoj Federatsii: Federal'nyj Zakon Rossijskoj Federatsii. N 329 ot 4 dekabrya 2007 g. [On physical culture and sports in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation. N 329 of December 4, 2007] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii. 2007. N 50. St. 6243 (in Russian).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-95-129

ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ “БОЛЬШОЙ ИГРЫ”
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ АНГЛОСАКСОНСКИХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ШКОЛ

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Настоящая статья посвящена осмыслению сущности “Большой Игры” (The Great Game), т.е. политики сдерживания развития России англосаксонскими элитами и державами (насчитывающей уже более двух столетий), представителями англосаксонской геополитической мысли. Воспринимая Россию как основное препятствие для достижения своей глобальной геополитической гегемонии, англосаксонские элиты и державы активно вели против России масштабные дипломатические, экономические, информационные войны и баталии, военные действия, проводили операции по организации государственных переворотов и “революций”, стремясь уничтожить Россию как действиями извне, так и подрывая ее изнутри. Естественно, что для оправдания такого рода политики требовалось определенное ее идейное обоснование и информационное сопровождение, которые и осуществляли, в частности, английские и американские геополитики.

Автор подчеркивает, что идеологическое обоснование “Большой Игры” англосаксонскими геополитиками началось еще в классический период развития геополитики, характерной чертой которого являлось безграничное господство идей географического детерминизма, трактующего весь ход развития человеческой цивилизации как фундаментальный геополитический дуализм, — противостояние двух разных могущественных типов человеческих цивилизаций и государств, — держав Моря (морских, колониальных держав) и Суши (континентальных, сухопутных держав). Автор рассматривает геополитические концепции основоположников американкой и английской национальных школ геополитики — А.Т. Мэхэна, Дж.Х. Маккиндера, Н. Спайкмена, сформулировавших основные идеи атлантизма — геополитической теории и практики коллективного Запада, стран-участниц НАТО, отводящих ведущую роль в мировой истории морским государствам и цивилизациям.

* Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

В рамках современного периода развития англосаксонской политической мысли (для которого характерно развитие геоэкономических концепций и цивилизационного подхода) автор статьи анализирует воззрения американских геополитиков-глобалистов — Дж. Кеннана, Г. Киссинджера, Ф. Фукуямы, Зб. Бжезинского, С. Хантингтона, а также одного из основоположников цивилизационного подхода — английского историка А. Тойнби, а также концепцию “смерти Запада” П. Бьюкенена.

Ключевые слова: “Большая Игра”, Морская сила, талассократия, теллурократия, атлантизм, Хартленд, Римленд, глобализм, “мировая закулиса”, геостратегия, цивилизационный подход.

UNDERSTANDING THE ESSENCE OF THE “GREAT GAME” BY REPRESENTATIVES OF ANGLO-SAXON GEOPOLITICAL SCHOOLS

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

This article is devoted to understanding the essence of “The Great Game”, that is, the policy of containing the development of Russia by Anglo-Saxon elites and powers (dating back more than two centuries), representatives of Anglo-Saxon geopolitical thought. Perceiving Russia as the main obstacle to achieving its global geopolitical hegemony, Anglo-Saxon elites and powers actively waged large-scale diplomatic, economic, information wars and battles against Russia, military operations, conducted operations to organize coups d'état and “revolutions”, trying to destroy Russia both by actions from outside and undermining it from within. Naturally, to justify this kind of policy, a certain ideological justification and information support was required, which were carried out in particular by English and American geopolitics.

The author emphasizes that the ideological justification of the “Great Game” by Anglo-Saxon geopolitics began in the classical period of the development of geopolitics, a characteristic feature of which was the unlimited dominance of the ideas of geographical determinism, which interprets the entire course of the development of human civilization as fundamental geopolitical dualism — the confrontation between two different powerful types of human civilizations and states — the powers of the Sea (sea, colonial powers) and Land (continental, land powers). The author considers the geopolitical concepts of the founders of the American and English national schools of geopolitics — A.T. Mahan, J.H. McKinder, N. Spikeman, formulated the main ideas of Atlantism — the geopolitical theory and practice of the collective West, NATO member countries that assign a leading role in world history to maritime states and civilizations.

Within the framework of the modern period of the development of Anglo-Saxon political thought (which is characterized by the development of geoeconomic concepts and a civilizational approach), the author of the article analyzes the views of American globalist geopolitics — J. Kennan, G. Kissinger, F. Fukuyama, Zb. Brzezinski, S. Hunting-

ton, as well as one of the founders of the civilizational approach — the English historian A. Toynbee, as well as the concept of the “death of the West” P. Buchanan.

Key words: *“Great Game”, Sea power, thalassocracy, tellurocratism, Atlanticism, Heartland, Rimland, globalism, “world backstage”, geostrategy, civilizational approach.*

При изучении сущности, истории и тенденций развития “Большой Игры” (The Great Game) — глобального геополитического противостояния Англосаксонского и Русского мира, стартовавшего с начала XIX в. и продолжающегося до настоящего времени, — особое значение приобретает осмысление его идейного оправдания и обоснования представителями англосаксонских (английской и американской) геополитических школ. Ведь именно это по своей сути идеологическое обоснование легло в основу не только последующей крайне агрессивной политики сдерживания России в различных сферах ее жизнедеятельности со стороны англосаксонских элит и держав, но и восприятия России с их стороны как основного препятствия для достижения англосаксонскими державами своей глобальной геополитической гегемонии.

Стремление же к обретению данной гегемонии закономерно привело представителей англосаксонских элит на практике к началу против России масштабных дипломатических, экономических, информационных войн и сражений, военных действий, операций по организации государственных переворотов и “революций” с целью уничтожить Россию как действиями извне, так и посредством дестабилизации обстановки внутри нашей страны.

При этом следует отметить, что идеологическое обоснование “Большой Игры” англосаксонскими геополитиками началось в классический период развития геополитики (начавшийся с конца XIX — начала XX в., и продолжающийся ориентировочно до завершения Второй мировой войны), когда происходило становление самой геополитики как отдельной отрасли научного знания, осуществлялась разработка основных понятий и категорий геополитики, а также возникли основные геополитические теории и оформлялись ведущие национальные школы геополитики.

Основной характеристикой классического периода развития геополитики является безграничное господство идеи географического детерминизма, в соответствии с которыми географическое (пространственное) положение государства являлось решающим фактором, влияющим на расстановку и действия тех или иных государств или сил на международной арене. При этом весь ход развития человеческой цивилизации начал трактоваться как фундаментальный геополитический дуализм — противостояние двух разных

могущественных типов человеческих цивилизаций и государств, талассократии¹ и теллурукратии², держав Моря (морских, колониальных держав) и Суши (континентальных, сухопутных держав).

Историческими примерами противостояния различных типов таких государств и цивилизаций являлись противостояния Афин и Спарты, Карфагена и Рима, Великобритании и Российской империи, США и блока НАТО с СССР и странами Варшавского договора. Теоретическим обоснованием “правильности” позиций той или иной стороны в этом противостоянии являлись такие теоретические подходы, как **атлантизм** и **континентализм**.

Под термином “атлантизм” (часто употребляемый как синоним термина “талассократия”) современные исследователи понимают геополитическую теорию и практику Запада, стран-участниц НАТО, отводящую ведущую роль в мировой истории морским государствам, цивилизациям, от которых внутрь континентов идут культурные импульсы. Под “континентализмом” — геополитические теории и школы, отводящие, в противоположность “атлантизму”, ведущую роль в мировой истории континентальным державам.

Вполне естественно, что поскольку Англия и США являются морскими державами, представители англосаксонских (английской и американской) геополитических школ в своих работах всячески превозносили и идеализировали морской тип держав и цивилизаций, присущий им образ жизни, политические системы и ценности, соответственно критикуя сухопутные державы и цивилизации и характерные для них образ жизни, политические системы и ценности. При этом англосаксонские геополитики активно разрабатывали, консультировали и способствовали внедрению в практику осуществления внешнеполитического курса и экономической, дипломатической и военно-разведывательной деятельности своих держав, особой стратегии и тактики в отношении “континентальных” держав-оппонентов, для достижения над ними победы (прежде всего, над Россией) и обретения мировой геополитической гегемонии.

Например, основоположник американской школы геополитики адмирал, военный стратег и историк **Альфред Тайер Мэхэн** в своих работах “Влияние морской силы на историю (1660–1783)”, “Влияние морской силы на Французскую революцию и империю (1793–1812)”,

¹ **Талассократия** (от др.-греч. θάλασσα, “море” + κράτος, “правление”) – морское могущество государств, обладающих мощным военно-морским и торговым флотом.

² **Теллурукратия** (от лат. tellus, telluris, “суша” + др.-греч. κράτος, “правление”) – континентальное могущество государств, обусловленное их удаленностью от открытых морей.

“Заинтересованность Америки в морской силе в настоящем и в будущем”, “Морская Сила и ее отношение к войне” разработал концепцию “Морской Силы” (“Sea Power”), как фактора обеспечивающего геополитическую гегемонию государства в мире.

Рассматривая влияние морской силы на ход истории и процветание государств, он отмечал следующее: “История морской силы в значительной степени, хотя и не исключительно, есть повествование о конфликтах между странами, взаимном соперничестве, насилии, часто переходящем в войны. Глубокое влияние морской торговли на богатство и силу стран ясно осознавалось задолго до того, как были обнаружены подлинные законы их возрастания. Для того чтобы собственный народ получил непропорциональную долю таких преимуществ, предпринималось все возможное с целью лишения обладания этими преимуществами других народов — либо относительно мирными законодательными мерами на основе монопольного права, либо, когда они не достигали цели, посредством прямого насилия. Столкновение интересов, озлобление, вызываемое попытками соперников добиться таким образом большей (если не всей) доли преимуществ в торговле, в том числе в отдаленных неосвоенных регионах, вели к войнам. С другой стороны, войны, возникавшие по другим причинам, значительно меняли свой ход и содержание в зависимости от преобладания на море”³.

На взгляд А.Т. Мэхэна, основными условиями, влияющими на морскую силу государства, являются: “1) географическое положение; 2) природные условия (включая тесно связанные с ними полезные ископаемые и климат); 3) протяженность территории; 4) численность населения; 5) национальный характер; 6) образ правления (в том числе государственные учреждения)”⁴.

Понятие “Морская сила”, на взгляд А.Т. Мэхэна, “включает в себя не только военную мощь флота, который господствует на море или на его части силой оружия. Она включает также торговлю и торговый флот, из которых естественным и здоровым образом рождается военный флот и которые являются его прочной опорой”⁵.

Поскольку А.Т. Мэхэн отождествлял морские державы и цивилизации с торговыми цивилизациями, то история и политика подобных государств, часто определялась, на его взгляд, тремя факторами: 1) “производством с необходимым обменом изделий”; 2) “торговым мореплаванием, посредством которого производился

³ Мэхэн А.Т. Роль морских сил в мировой истории. М., 2008. С. 11.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ Там же.

обмен”; 3) “колониями, которые облегчают и расширяют морскую торговлю, а также имеют тенденцию защитить ее посредством умножения опорных пунктов безопасности”⁶.

Наличие широкой сети морских баз, развитого торгового и мощного военного флотов и обеспечивает геополитическую гегемонию той или иной державы. Победа же морских держав в противостоянии с державами сухопутными, по мнению Т.А. Мэхэна, эффективно достигается посредством применения “стратегии Анаконды”, состоящей в удушении, блокировании и отторжении у противника береговых зон и стратегических объектов. Примером успешного применения данной стратегии на практике явились успешные действия “северян” против “южан” во время Гражданской войны в США 1861–1865 гг., когда “северяне” поэтапно блокировали все морские коммуникации, пути подвоза/вывоза стратегически важных ресурсов и боеприпасов у “южан”, затем взяли под контроль все порты и побережье, последовательно шаг за шагом отбирая у “южан” подконтрольную им территорию и стратегические объекты (сужая “кольцо Анаконды”) и, делая невозможным эффективное продолжение “южанами” дальнейших военных действий.

При этом А.Т. Мэхэн считал, что в скором времени США, отказавшись в своей внешней политике от “доктрины Монро”⁷, сперва в союзе с Великобританией, а вскоре перехватив у нее пальму первенства, станут ведущей мировой державой, активно противодействуя амбициозным устремлениям континентальных держав — России, Германии, Китая и других стран. Воззрения А.Т. Мэхэна легли в основу всей внешнеполитической стратегии США и атлантизма. Стратегия Анаконды активно применялась странами Антанты в XX в. против России во время Гражданской войны в России, осуществлялась Западом во время холодной войны против стран Варшавского договора, блоком НАТО — против Российской Федерации (то самое “расширение НАТО на Восток”, череда спецопераций англосаксонских спецслужб по осуществлению “цветных” революций на постсоветском пространстве).

Идеи А.Т. Мэхэна и атлантизма в своих работах активно развивал и основоположник британской школы геополитики, видный

⁶ См.: Мэхэн А.Т. Указ. соч. С. 41.

⁷ **Доктрина Монро** — декларация принципов внешней политики США, провозглашенная в послании президента США Джеймса Монро Конгрессу 2 декабря 1823 г. Подразумевает принцип разделения мира на европейскую и американскую системы; невмешательства США во внутренние дела европейских стран и соответственно невмешательства последних во внутренние дела стран Американского континента.

ученый и государственный деятель **Хэлфорд Джон Маккиндер**. В своем знаменитом докладе “Географическая ось истории”, прочитанном в 1904 г. в Королевском географическом обществе, а также работах “Демократические идеалы и реальность” (1919) и “Земной шар и обретение мира” (1943), Х. Маккиндер выстроил глобальную модель геополитического устройства мира, обусловленную, на его взгляд, вечным противостоянием друг другу морских, океанических и сухопутных, континентальных держав и цивилизаций. В дополнение к идеям А.Т. Мэхэна геополитическая теория Х. Маккиндера также легла в основу всей внешней политики Великобритании и США в XX–XXI вв. и стала ее идеологическим обоснованием.

Одним из главных понятий геополитической теории Х. Маккиндера стало понятие “Мировой Остров” (World Island), включающий в себя Европейский, Азиатский и Африканский континенты — исторически основные зоны расселения человечества. Стержневым пространством Мирового Острова, который Х. Маккиндер обозначает как “географическую ось истории”, недоступную для проникновения морских держав, является Хартленд (Heartland — “срединная земля”), географически совпадающая с территорией России, Евразии. Береговые пространства Мирового Острова, доступные для вторжения и экспансии морских держав, одновременно защитный пояс Хартленда и зону наиболее интенсивного развития человеческой цивилизации, Х. Маккиндер обозначает как “внутренний или окраинный полумесяц” (inner or marginal crescent). Пространства, лежащие вне пределов Мирового Острова, куда входят “Британия, Южная Африка, Австралия, Соединенные Штаты, Канада и Япония”⁸, Х. Маккиндер именовал “внешним или островным полумесяцем” (outer or insular crescent).

Весь ход развития мировой истории Х. Маккиндер трактует как борьбу за геополитическую гегемонию двух типов держав и цивилизаций — сухопутных и морских держав и цивилизаций. Он делит всю геополитическую историю человечества на три периода: 1) Доколумбову эпоху; 2) Колумбову эпоху; 3) Постколумбову эпоху.

В Доколумбову эпоху народы, проживающие в пространствах “внутреннего полумесяца”, испытывали постоянное давление со стороны народов Хартленда (германцев, гуннов, аланов, парфян, монголов, а впоследствии и русских), находясь под угрозой их реального завоевания, а также переживая набеги со стороны “морских” держав. “Оседлое население Европы оказалось зажатым в ти-

⁸ Маккиндер Х. Географическая ось истории // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб., 2007. С. 151–152.

сках между азиатами-кочевниками с востока и давившими с трех сторон морскими разбойниками. Благодаря своей природе ни одна из этих сторон не могла превозмочь другую, так что обе они оказали стимулирующее воздействие”⁹. “Неоднократно подчинялся завоевателям с севера Китай, а Индия — завоевателям с северо-запада... За триста или четыреста лет до прихода монголов турки-сельджуки, появившиеся из района Малой Азии, растеклись здесь по огромным пространствам, которые условно можно назвать регионом, расположенным между пятью морями — Каспийским, Черным, Средиземным, Красным и Персидским заливом”¹⁰.

В Колумбову эпоху (начавшуюся с Великих географических открытий и продолжавшуюся до начала XX в.) начинается освоение европейцами и русскими неизвестных географических пространств планеты (прежде всего “внешнего полумесяца”).

В XX в., как констатирует Х. Маккиндер, в Постколумбову эпоху, когда уже не осталось неосвоенных земель, в силу ограниченности ресурсов неизбежными становятся процессы передела сфер влияния и перераспределения ресурсов в результате глобальных конфликтов, противостояния морских и сухопутных держав. “В Европе, Северной и Южной Америке, Африке и Австралии едва ли найдется такое место, где можно было бы вбить в землю колышки, предъявив на этот участок право собственности. Такое возможно разве что в ходе войны между цивилизованными и получивилизованными державами... Каждый взрыв общественных сил вместо того, чтобы рассеяться в окружающем неизведанном пространстве и хаосе варварства, отзовется громким эхом с противоположной стороны земного шара, так что в итоге все слабые элементы в политическом и экономическом организме Земли будут разрушены”¹¹.

В предстоящем возможном глобальном военном конфликте симпатии Х. Маккинтера однозначно лежат на стороне морских держав, стран англосаксонского мира, “внешнего полумесяца”, с ведущей ролью Великобритании. Для данного типа держав характерно господство торговой сферы хозяйственной деятельности, либеральные ценности и “демократические” политические системы. В Древней истории такими же свойствами обладали социально-экономические и политические системы Афин и Карфагена.

Основным противником англосаксонского мира в условиях все продолжающейся “Большой игры”, на взгляд Х. Маккинтера,

⁹ Маккиндер Х. Географическая ось истории. С. 143.

¹⁰ Там же. С. 146.

¹¹ Там же. С. 138–139.

являются континентальные державы, прежде всего Россия (которую он, несмотря на протяженность ее морских границ, никогда не относил к морским державам), а также занимающая срединное положение на карте Европы Германия, еще один геополитический конкурент Великобритании. Характерными особенностями континентальных держав и цивилизаций являются господство традиции, иерархичность, авторитарные, “неторговые” и “недемократические” социально-экономические и политические системы. В древнем мире подобный тип государств-цивилизаций был представлен Спартой и Римской империей.

Оценивая перспективы борьбы стран англосаксонского мира со своими геополитическими конкурентами, Х. Маккиндер отмечал стратегически выгодное положение России в этом противостоянии. Ведь Россия, контролируя Восточную Европу, территориально охватывает пространство Хартленда, а тот совпадает с ней. Вот что он пишет в своей работе “Демократические идеалы и реальность”: “Кто правит Восточной Европой, тот владеет Хартлендом. Кто правит Хартлендом, тот владеет Мировым Островом. Кто правит Мировым Островом, тот владеет миром”¹².

Контролируя пространства Хартленда, “Россия заменяет Монгольскую империю. Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменило собой исходившие из одного центра набеги степняков. В этом мире она занимает центральное стратегическое положение, которое в Европе принадлежит Германии. Она может наносить и одновременно получать удары со всех направлений, за исключением севера. Окончательное развитие ее мобильности, связанное с железными дорогами, является лишь вопросом времени”¹³.

Х. Маккиндер высказывал большие опасения относительно того, что Россия в союзе с Германией окончательно похоронит претензии англосаксов на мировое господство.

“Нарушение баланса сил в пользу осевого государства, выражающееся в его экспансии на пограничные территории Евро-Азии, позволяет использовать необозримые континентальные ресурсы для постройки флота. Благодаря этому скоро перед нашим взором явится мировая империя. Это может случиться, если Германия захочет присоединиться к России в качестве союзника. Вот почему угроза подобного союза толкнет Францию в объятия морских держав, и

¹² Маккиндер Х. Демократические идеалы и реальность // Маккиндер Х. Географическая ось истории. С. 211.

¹³ Маккиндер Х. Географическая ось истории. С. 151.

тогда Франция, Италия, Египет, Индия и Корея составят такое сильное объединение, в котором флот будет поддерживать армию, что в конечном итоге заставит союзников оси разворачивать свои сухопутные силы, удерживая их от концентрации всей мощи на морях”¹⁴.

Поэтому в основе внешнеполитического курса Великобритании, взятого впоследствии на вооружение США и блоком НАТО, на взгляд Х. Маккиндера, должно лежать стремление всеми силами не допускать возникновения русско-германского союза, как и усиления позиций России в странах “внутреннего полумесяца”. Как показал последующий ход исторических событий XX–XXI вв., англосаксам в целом удалось воплотить эти рекомендации Х. Маккиндера в жизнь на практике, стравив между собой в двух кровопролитных мировых войнах XX в. Россию и Германию, полностью взять под свой контроль не только немецкое общество и государство, но и фактически все страны Европы. Сам же Х. Маккиндер приложил руку не только к составлению текста Версальского мирного договора, знаменующего собой окончание Первой мировой войны, но и появлению на карте Европы большого количества полностью подконтрольных англосаксам государственных образований — “буферных” государств, возникших в результате распада Российской империи, кайзеровской Германии и Австро-Венгрии, с тем, чтобы не допустить в будущем возникновения русско-германского союза, реализуя на практике “стратегию Анаконды” в отношении конкурентов держав англосаксонского мира. Являясь верховным британским военным комиссаром на Юге России в самый разгар Гражданской войны, Х. Маккиндер фактически приложил руку не только к активизации разжигания пожара Гражданской войны в России, но и к организации в соответствии со стратегией Анаконды иностранной интервенции, а также реализации сепаратистских проектов на окраинах охваченной Гражданской войной территории бывшей Российской империи.

Во время Второй мировой войны в своей работе “Земной шар и обретение мира” Х. Маккиндер высказал мнение, что в случае победы Союзных держав над Германией СССР “должен стать величайшей сухопутной державой на планете”¹⁵, которая вместе с образующими союз “земноводными” атлантическими державами (выходящими на первое место в англосаксонском мире США, Англией и Францией) должны были создать ситуацию, при которой

¹⁴ Маккиндер Х. Географическая ось истории. С. 152.

¹⁵ Маккиндер Х. Земной шар и обретение мира // Маккиндер Х. Географическая ось истории. С. 278.

“немецкий дьявол больше никогда не поднял головы и скончался от бессилия”¹⁶. Иными словами, в послевоенном мире, по мнению Х. Маккиндера, должен был установиться своеобразный баланс сил¹⁷ между СССР (Хартлендом) и блоком атлантических держав (фактически прообразом блока НАТО, в котором США и Англия будут играть основную роль, ведя за собой “содружество свободных наций”¹⁸), — силами противоположными и противостоящими друг другу, с одной стороны, но и находящимися в союзе, с тем, чтобы Германия не смогла возродиться в качестве сильного конкурента державам англосаксонского мира, с другой стороны. Иными словами, борьба за геополитическую гегемонию между державами Моря и Суши продолжилась бы, но уже без Германии в качестве самостоятельной и могучей державы, потенциального союзника России.

Известный американский геополитик **Николас Спайкмен**, взяв на вооружение идеи Х. Маккиндера и А.Т. Мэхэна, в своих работах “Американская стратегия в мировой политике” (1942) и “География мира” (1944) предложил концепцию “интегрированного контроля над территорией” со стороны США, которая должна была применяться во всех частях мира и способствовать победе над геополитическими противниками Америки. В целом, разделяя воззрения Х. Маккиндера о глобальном геополитическом мироустройстве, противостоянии морских и сухопутных держав-цивилизаций, Хартленда-СССР и стран “внешнего полумесяца” (которые Н. Спайкмен именовал «“оффшорными” (запредельными) островами и континентами»¹⁹)) во главе с США и Великобританией, главной геополитической осью мирового устройства Н. Спайкмен в то же время признавал не Хартленд, а страны “внутреннего полумесяца”, которые он именовал Римлендом (Rimland), — «“окраинной землей” — названием, точно определяющим ее характер»²⁰, и выполняющей функцию “обширной буферной зоны конфликта между

¹⁶ Маккиндер Х. Земной шар и обретение мира. С. 279.

¹⁷ **Баланс сил** (от англ. balance of power) — ключевое положение в теории международных отношений, обозначающее ситуацию равновесия между государствами, упорядоченность системы международных отношений, возникшую как в результате действий национальных правительств, так и не зависимо от деятельности политиков. В соответствии с учением Т. Гоббса подразумевает необходимость поддержания государством соизмеримого с соперниками силового потенциала, для отражения угрозы нападения извне.

¹⁸ Маккиндер Х. Земной шар и обретение мира. С. 281.

¹⁹ См.: Спикмэн Н. Политическая карта Евразии // “Новая Атлантида”. Геополитика Запада на суше и на море. М., 2022. С. 81.

²⁰ Там же.

морской и сухопутной силами”²¹. Именно эти страны являлись полем битвы между Хартлендом и морскими державами. Контроль над этим пространством позволял, на его взгляд, добиться перелома в противостоянии ведущих держав, а использование “стратегии Анаконды” позволяло одержать победу над могущественной державой Хартленда.

При этом Н. Спайкмен критически осмыслял некоторые идеи Х. Маккиндера, отмечал чрезмерную догматизацию и несостоятельность ряда положений концепции Х. Маккиндера. В частности, его трактовку исторического и геополитического процесса исключительно как “простого противостояния между сухопутной и морской мощью”²², между Англией и Россией. По мнению Н. Спайкмена, “как и любой добротный геополитический анализ, исследование Маккиндера представляет картину взаимного расположения сил, которое существовало в определенное время и в определенной системе отсчета”²³. Эта картина, на взгляд Н. Спайкмена, была актуальной «до подписания в 1907 г. англо-русского соглашения об Антанте, и на нее существенно повлиял конфликт прошлого века между Россией и Великобританией. Когда в 1919 г. была опубликована книга Маккиндера “Демократические идеалы и реальность”, в ней вновь акцентировалось внимание на концепции неизбежного исторического противостояния между российским сухопутным могуществом и британской морской мощью. Ошибочность такого поверхностного применения теории к истории становится очевидным, когда мы понимаем, что противостояние между этими двумя странами фактически никогда не было неизбежным. На самом деле в трех величайших военных конфликтах в мире в XIX и XX вв. — наполеоновских, Первой мировой и Второй мировой войнах, — Британская и Российская империи выступали вместе против наступления сил Римленда во главе с Наполеоном, Вильгельмом II и Гитлером»²⁴.

Н. Спайкмен подверг критике и главный тезис концепции Х. Маккиндера о значимости контроля над Хартлендом для обретения США мировой геополитической гегемонии. По его мнению, во время Второй мировой войны уже очевидно, что “Хартленд становится менее значимым, чем Римленд”²⁵ и, что формула для обретения мировой геополитической гегемонии наиболее полно может

²¹ Спайкмен Н. Политическая карта Евразии. С. 86.

²² Там же. С. 89.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 91.

найти свое отображение совсем в ином лозунге: “Кто контролирует Римленд, тот правит Евразией; кто правит Евразией, тот управляет судьбами мира”²⁶. Иными словами, именно контроль США над Римлендом и обеспечит им мировую геополитическую гегемонию.

Н. Спайкмен умер в 1943 г. и, естественно, не смог дать прогноз, как будет осуществляться дальнейшее развитие сложившегося в ходе Второй мировой войны “британско-российско-американского сотрудничества континентального и морского могущества”²⁷, однако, сформулированные в его работах идеи были взяты на вооружение в начавшийся после завершения Второй мировой войны современный период развития геополитики, авторами стратегических планов ведения холодной войны против СССР, в том числе разработчиком так называемой теории “политики сдерживания” СССР — американским дипломатом и политологом *Джорджем Фростом Кеннаном*.

В своей знаменитой “длинной телеграмме” в адрес Госсекретаря США в 1946 г. и последующей за ним статье “Истоки советского поведения” в журнале “Foreign Affairs” в 1947 г. за подписью “Х” Д. Кеннан писал о неизбежном начале глобального противостояния СССР с США и его западноевропейскими союзниками. Анализируя основы и особенности мировоззрения советского руководства после завершения Второй мировой войны, а также проецирование этого мировоззрения на реальную внешнюю политику СССР на официальном и неофициальном уровне (в частности, отсутствие стремления СССР интегрироваться в мировую финансовую систему, выступления против создания Всемирного банка и МВФ), Д. Кеннан идеологически обосновывал закономерность и неизбежность такого противостояния, фактически обвиняя в его начале СССР, советское руководство, его общественный строй, мировоззрение и идеологию.

Как отмечал другой известный американский геополитик, Г. Киссинджер, характеризуя воззрения Д. Кеннана, «Советские лидеры видели отношения между Востоком и Западом как соревнование между противоположными концепциями мирового порядка. Они восприняли “традиционное и инстинктивное для России чувство незащищенности” и перенесли его на революционную доктрину глобального масштаба. Любой аспект международных отношений Кремль станет интерпретировать в свете советской доктрины о ведущейся борьбе за превосходство между “двумя центрами миро-

²⁶ Спикмэн Н. Политическая карта Евразии. С. 89.

²⁷ Там же. С. 91.

вого значения”, как их назвал Сталин: между капитализмом и коммунизмом, чье глобальное соперничество неизбежно, и победитель в нем может быть только один. Руководители Советского Союза считали, что сражение неминуемо, и, соответственно, двигались в этом направлении»²⁸.

Таким образом, на взгляд Д. Кеннана, СССР закономерно превратится из союзника в противника: “Основной конфликт возникает, таким образом, в Европе между интересами атлантической морской силы, которые требуют сохранения активной и самостоятельной политической жизни на Европейском полуострове, и интересами ревнивой евразийской сухопутной державы, которая всегда должна стремиться к расширению в западном направлении и для которой никогда не найдется безопасного, с ее точки зрения, рубежа, не считая Атлантического океана, где она может остановиться”. Д. Кеннан предложил недвусмысленный стратегический ответ: “...собрать немедленно в наших руках все карты, которые имеются, и начать их разыгрывать по полной”. В Восточной Европе, заключал Д. Кеннан, будет доминировать Москва: “...этот регион находился ближе к русским центрам силы, чем Вашингтон, и, как это ни печально, русские войска добрались туда первыми. Посему Соединенным Штатам следует укреплять свою сферу влияния в Западной Европе, находящейся под защитой Америки, — с линией раздела, проходящей через Германию, — и наделить эту сферу достаточными силами и сплоченностью для поддержания геополитического баланса”²⁹.

Сама же теория “политики сдерживания” СССР, предложенная Д. Кеннаном, свелась по мнению Г. Киссинджера, “к сколачиванию военных союзов по всей советской периферии на двух континентах. Мировой порядок заключался в противостоянии двух несравнимых сверхдержав — каждая из которых организовывала международный порядок в пределах своей сферы влияния”³⁰.

При этом наращивание геоэкономической и военной мощи США и их союзников, по мнению Д. Кеннана, должно было ограничить и замкнуть в узком геополитическом и геоэкономическом пространстве сферу влияния и возможностей СССР, в будущем закономерно приведя к последующему поражению и краху СССР.

Следует особо отметить, что в современный период развития геополитики, т.е. со второй половины XX в. по настоящее время,

²⁸ Киссинджер Г. Мировой порядок. М., 2023. С. 386.

²⁹ Там же. С. 384–385.

³⁰ Там же. С. 388.

представителями самых разных национальных школ геополитики (в том числе и англосаксонской) были предприняты попытки преодолеть господство идей географического детерминизма, характерных для классического периода развития геополитики, посредством развития геоэкономического и цивилизационного подходов. При этом большое распространение в рамках англосаксонской и в целом западной геополитической мысли получили различные глобалистские (они же мондиалистские) геоэкономические теории и концепции, органично произрастающие из европоцентристских, прогрессистских и формационных концепций развития человечества. С момента своего возникновения это направление пользовалось большой популярностью и поддержкой со стороны финансового капитала разных стран, а также “мировой закулисы”, различных тайных структур и обществ. В данной связи вполне неувидительно и закономерно, что глобализм, как одна из версий и основное направление современного атлантизма, стал представлять собой господствующую на Западе геополитическую идеологию создания Единого мира, одного единого глобального общества, управляемого из единого центра будущим англосаксонским Мировым правительством.

В рамках данного направления происходили идеологическая абсолютизация, продвижение и пропаганда англосаксонской мировой геополитической модели мироустройства, гегемонии, американского, западного либерал-демократического пути развития, образа жизни, прогрессистских, европоцентристских воззрений и различных глобалистских проектов, рассматриваемых как однозначное “благо” и “ценность” для всего человечества. Именно такого рода идеологические установки легли в основу анализа геополитического и внешнеполитического курса политики США и блока НАТО, в том числе в контексте осмысления взаимоотношений США и блока НАТО с СССР, а впоследствии и с Российской Федерацией.

Например, один из видных идеологов глобализма, влиятельный американский государственный деятель и дипломат, на протяжении ряда лет руководитель ряда влиятельных глобалистских структур (в свое время, с целью усыпления бдительности руководства СССР — сторонник теории конвергенции и осуществления политики разрядки международной напряженности в противостоянии стран капиталистического и социалистических блоков), **Генри Киссинджер**, анализируя особенности осуществления США своей внешней политики в XX в., выделил два имеющих место противоположных друг другу подхода к вопросам осуществления внешней

политики США (изоляционистский и миссионерские подходы). “Первый, — на взгляд Г. Киссинджера, — заключается в том, что Америка наилучшим образом утверждает собственные ценности, совершенствуя демократию у себя дома, и потому служит путеводным маяком для остальной части человечества; суть же второго сводится к тому, что сами эти ценности накладывают на Америку обязательство бороться за их утверждение во всемирном масштабе”³¹, способствуя созданию “глобального международного порядка, базирующегося на демократии, свободе торговли и международном праве”³².

В основе идеологии глобализма и англосаксонского миропорядка, по мнению Г. Киссинджера, лежит глубокая вера американцев в то, “что Соединенные Штаты обладают лучшей в мире системой управления и все прочее человечество может достигнуть мира и процветания путем отказа от традиционной дипломатии и принятия свойственного Америке уважительного отношения к международному праву и демократии”³³. И эта вера, как считает Г. Киссинджер, имеет под собой все основания, так как в условиях холодной войны, “в условиях глубокого идеологического конфликта лишь одна страна — Соединенные Штаты — обладала всей совокупностью средств — политических, экономических и военных — для организации обороны некоммунистического мира”³⁴. Другие нации такого рода ресурсными возможностями не обладали. Например, СССР “являлся в военном отношении сверхдержавой, а в экономическом смысле — карликом. Другая страна вполне могла быть экономическим гигантом, а в военном отношении — ничтожно малой величиной, как в случае с Японией”³⁵.

В своих размышлениях о будущем России уже в постсоветский период Г. Киссинджер отмечает особые условия, в которых происходило историческое развитие нашей страны. По его мнению, “находясь на стыке трех различных культурных сфер — европейской, азиатской и мусульманской”³⁶, и “разрываясь между навязчивой идеей незащищенности и миссионерским рвением, между требованиями Европы и искушениями Азии, Российская империя всегда играла определенную роль в европейском равновесии, но в духов-

³¹ Киссинджер Г. Могущество и воля // Антология мировой закулисы. М., 2017. С. 371.

³² См.: Там же. С. 371–372.

³³ Там же. С. 372.

³⁴ Там же. С. 378.

³⁵ Там же. С. 379.

³⁶ Там же. С. 380.

ном плане никогда не была его частью”³⁷. Россия “никогда не являлась национальным государством в европейском смысле”³⁸; она “была империей, несравнимой по масштабам ни с одной из европейских стран”³⁹. Являясь “неотъемлемой составной частью мирового порядка”⁴⁰, Россия, в то же время, как подчеркивал Г. Киссинджер, всегда будет таить угрозу как для него (нового мирового порядка), так и для и окружающих ее стран и стран Запада. Ведь, на его взгляд, “исторически именно внешние действия России представляли собой величайший вызов международной стабильности”⁴¹.

“Со времен Венского конгресса, — писал Г. Киссинджер, — Российская империя вводила свои войска на иностранную территорию гораздо чаще, чем любая из крупных держав. Аналитики часто объясняют русский экспансионизм как производное от ощущения отсутствия безопасности. Однако русские писатели гораздо чаще оправдывали стремление России расширить свои пределы ее мессианским призванием. Двигаясь вперед, Россия редко проявляла чувство меры; наталкиваясь на противодействие, она обычно погружалась в состояние мрачного негодования. На протяжении значительной части своей истории Россия была вещью в себе в поисках самореализации”⁴².

Г. Киссинджер в негативном ключе оценивает традиционную для России имперскую форму государственности, а также национальную идею России, историческую судьбу и миссию России, придерживаясь господствующих на Западе русофобских мифов и установок, и воспринимает Россию как конкурента-препятствие для установления англосаксонской модели глобального мироустройства и геополитической гегемонии.

“Как Россия, так и Соединенные Штаты, — пишет Г. Киссинджер, — исторически приписывали своим обществам особую глобальную миссию. Но в то время как американские идеалы рождались из представлений о свободе, российские происходили из ощущения совместного страдания и всеобщей покорности властям. Американские ценности открыты для всех, российские же сберегаются для русской нации, исключая даже малые народности империи. Американский идеализм заигрывает с изоляционизмом, русский — дает толчок экспансионизму и национализму”⁴³.

³⁷ Киссинджер Г. Могущество и воля. С. 381.

³⁸ Там же. С. 380.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 381.

⁴¹ Киссинджер Г. Отношения с Россией // Антология мировой закулисы. С. 449.

⁴² Киссинджер Г. Могущество и воля. С. 381.

⁴³ Киссинджер Г. Отношения с Россией. С. 450.

В целом позитивно оценивая эпоху президентства Б.Н. Ельцина в Российской Федерации, несмотря на утверждения российских националистов и коммунистов о том, что “вся (сложившаяся при Ельцине) система носила мошеннический характер и была навязана Западом, чтобы ослабить Россию”⁴⁴, Г. Киссинджер выражает крайнее недовольство внешней политикой В.В. Путина, по его мнению, “подобной многовековому курсу царизма, опиравшемуся на веру народа в (особую) русскую миссию и нацеленному на доминирование над теми соседями, которых нельзя покорить”⁴⁵. Он считает, что если политика В.В. Путина и осуществляемые им “реформы создадут укрепившуюся Россию, вновь обращенную к политике гегемонизма, — а именно этого и боится большинство ее соседей — неизбежно вернется и напряженность времен Холодной войны”⁴⁶. Именно в этом контексте Г. Киссинджер говорит о необходимости сохранения блока НАТО как “препятствия возрождению российского империализма”⁴⁷. И в этом же ключе он фактически, пусть и закамуфлированно, поддерживает реализацию стратегии Анаконды в отношении Российской Федерации, посредством ползучего расширения НАТО на Восток, а также осуществления “цветных революций” на постсоветском пространстве.

Другой американский геополитик-глобалист, **Френсис Фукуяма**, после уничтожения СССР и установления однополярного мира⁴⁸ на волне эйфории глобалистов, англосаксонской элиты и Запада от своей победы в холодной войне, в 1992 г. в своей книге “Конец истории и последний человек” сформулировал так называемую концепцию “конца истории”, закономерно наступившую, по его мнению, с крахом СССР.

Суть данной концепции сводится к констатации неизбежной и неоспоримой, по его мнению, победы экономического и политического либерализма в XX в. над своими нежизнеспособными альтернативами: остатками абсолютизма, большевизмом, фашизмом и новейшим марксизмом. На взгляд Ф. Фукуямы, факт уничтожения СССР знаменует собой не только крах теории конвергенции социализма и капитализма, но и триумф Запада и либеральной демократии. “Человечество, — пишет он, — приближается к концу тысяче-

⁴⁴ Киссинджер Г. Отношения с Россией. С. 449.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 451.

⁴⁷ Там же. С. 454.

⁴⁸ **Однополярный мир** — мировой порядок, основанный на доминировании в системе международных отношений США и атлантизма. Установился после поражения СССР в холодной войне.

летия, и кризисы-близнецы авторитаризма и социалистического централизованного планирования оставили на ринге соревнования потенциально универсальных идеологий только одного участника: либеральную демократию, учение о личной свободе и суверенитете народа”⁴⁹.

Оценивая данное событие, он констатирует, что это “не просто конец Холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления”⁵⁰.

Естественно, что подобного рода популистские, декларативные, весьма идеологизированные и одновременно очень наивные утверждения вызвали большую волну обоснованной критики в адрес самого автора и сформулированной им концепции. Однако следует отметить, что в самой России концепция “конца истории” Ф. Фукуямы несмотря на это обрела большую популярность в кругах прозападной антисистемной части российской интеллигенции.

В своих последних работах Ф. Фукуяма все так же пропагандирует мысль о “всемирном характере современной либеральной революции”⁵¹, трактуемой им как универсальный “фундаментальный процесс, диктующий общую эволюционную закономерность для всех человеческих обществ”⁵² и неизбежно ведущий их “в сторону либеральной демократии”⁵³, т.е. по факту все того же “конца истории”. В то же время он указывает на определенные опасности, выражающиеся в “демократической рецессии или даже депрессии”⁵⁴, которые могут замедлить данный процесс. Как подчеркивает Ф. Фукуяма в своей работе “Россия на распутье”, “По данным Freedom House, политические права и гражданские свободы во всем мире сокращаются каждый год в течение последних 16 лет. Упадок либерализма проявляется в растущей силе автократий, таких как Китай и Россия, эрозии либеральных — или номинально либеральных — институтов в таких странах, как Венгрия и Турция, и отступлении либеральных демократий в таких странах, как Индия и Соединенные Штаты”⁵⁵.

⁴⁹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004. С. 84–85.

⁵⁰ Фукуяма Ф. Конец истории? URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php> (дата обращения: 05.01.2017).

⁵¹ См.: Фукуяма Ф. Россия на распутье. М., 2023. С. 54.

⁵² Там же. С. 54.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См.: Там же. С. 8.

⁵⁵ Там же.

Ф. Фукуяма приветствует расширение НАТО на Восток, а также осуществление “цветных революций” на постсоветском пространстве и в мире, рассматривая их движение к тому же пресловутому “концу истории”. Он также негативно оценивает традиционную для России имперскую форму государственности⁵⁶, действия В.В. Путина, направленные на укрепление российской государственности, развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве и защиту национальных интересов России.

В своей статье в газете “Файнэншл Таймс” от 4 марта 2022 г., давая свою оценку началу Специальной военной операции на Украине, он упрекает президента В.В. Путина, а также Российскую Федерацию в стремлении воссоздать СССР. “Нет никаких сомнений в том, — пишет Ф. Фукуяма, — что российское нападение имеет последствия, которые выходят далеко за пределы Украины. Путин ясно дал понять, что он хочет собрать воедино как можно большую часть бывшего Советского Союза, включив Украину в состав России и создав сферу влияния, которая простирается через все восточноевропейские государства, вступившие в НАТО с 1990-х годов и далее”⁵⁷.

На взгляд Ф. Фукуямы, после начала Специальной военной операции “Путинская Россия теперь явно рассматривается не как государство с законными претензиями по поводу расширения НАТО, а как обиженная, реваншистская страна, намеревающаяся перевернуть весь европейский порядок, сложившийся после 1991 года. Или, скорее, это страна с единственным лидером, одержимым тем, что он считает исторической несправедливостью, которую он попытается исправить, чего бы это ни стоило его собственному народу”⁵⁸. Однако и В.В. Путин и Российская Федерация в противостоянии с блоком НАТО, как он обычно декларативно и безапелляционно утверждает, закономерно должны потерпеть поражение⁵⁹.

Гораздо более прагматичными, не идеализированными и цинично-откровенными высказываниями в отношении России отмечился в постсоветский период истории в своей книге “Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы” (1997) еще один американский государственный

⁵⁶ См.: Фукуяма Ф. Россия на распутье. С. 128.

⁵⁷ Фрэнсис Фукуяма: Война Путина с либеральным порядком // Официальный сайт газеты Financial Times. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8a694b10-6562ea79-9b22fe43-74722d776562/https/www.ft.com/content/d0331b51-5d0e-4132-9f97-c3f41c7d75b3 (дата обращения: 26.11.2023).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

и политический деятель, один из руководителей ряда глобалистских структур, “большой друг” России, **Збигнев Бжезинский**.

В “лучших” традициях атлантизма и глобалистских воззрений, соглашаясь с тезисом Х. Маккиндера о важности контроля для обретения мировой геополитической гегемонии над пространствами Евразии как “центром мирового могущества”⁶⁰ и “сосредоточения значительной части мировой политической и экономической мощи”⁶¹, Зб. Бжезинский дает оценку значимости установления после окончания холодной войны однополярного мирового порядка, именуя его своеобразным “тектоническим сдвигом в мировых делах”⁶². Суть данного сдвига, по его мнению, сводится к тому, что “впервые в истории неевразийская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире. Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария — Соединенных Штатов — в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы”⁶³.

Размышляя о гегемонии США в современном мироустройстве, Зб. Бжезинский анализирует последовательный путь Америки к вершине своего могущества и обретению статуса центра современного мирового устройства: “Гегемония так же стара, как мир. Однако американское мировое превосходство отличается стремительностью своего становления, своими глобальными масштабами и способами осуществления. В течение всего лишь одного столетия Америка под влиянием внутренних изменений, а также динамичного развития международных событий из страны, относительно изолированной в Западном полушарии, трансформировалась в державу мирового масштаба по размаху интересов и влияния”⁶⁴.

Для удержания мировой геополитической гегемонии США в последующем должны не только успешно регулировать “сложные отношения между евразийскими державами”⁶⁵, но и “предотвратить появление на международной арене доминирующей и антагонистичной евразийской державы”⁶⁶, “способной господствовать в

⁶⁰ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М., 2010. С. 12.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 15.

⁶⁵ Там же. С. 12.

⁶⁶ Там же. С. 12–13.

Евразии и, следовательно, бросающей вызов Америке”⁶⁷, например, сильной и могучей России.

Зб. Бжезинский образно сравнивал пространства Евразии с “великой шахматной доской”, “простирающейся от Лиссабона до Владивостока”⁶⁸, на которой происходит и продолжается борьба за мировое господство между не двумя, а несколькими игроками, “каждый из которых обладает различной степенью власти. Ведущие игроки находятся в западной, восточной, центральной и южной частях шахматной доски”⁶⁹.

Помимо США Зб. Бжезинский выделяет несколько разномастных фигур на этой “великой шахматной доске”: “...пять ключевых геостратегических действующих лиц и пять геополитических центров”⁷⁰ — Франция, Германия, Россия, Китай и Индия, “в то время как Великобритания, Япония и Индонезия (по общему признанию, очень важные страны) не подпадают под эту квалификацию. Украина, Азербайджан, Южная Корея, Турция и Иран играют роль принципиально важных геополитических центров, хотя и Турция, и Иран являются в какой-то мере — в пределах своих более лимитированных возможностей — также геостратегически активными странами”⁷¹.

Преимущество США по сравнению с другими фигурами на “великой шахматной доске” обеспечивается их доминированием в военной, экономической, технологической и культурной сферах, что “делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова”⁷². В результате, американское мировое превосходство, опутав весь мир системой различных союзов, коалиций и организаций, на взгляд Зб. Бжезинского, “породило новый международный порядок, который не только копирует, но и воспроизводит за рубежом многие черты американской системы”⁷³. К существенным элементам системы этого миропорядка Зб. Бжезинский в частности относил:

– “систему коллективной безопасности, в том числе объединенное командование и вооруженные силы, например НАТО, Американо-японский договор о безопасности и т.д.;

⁶⁷ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. С. 13.

⁶⁸ Там же. С. 50.

⁶⁹ Там же. С. 46.

⁷⁰ Там же. С. 57.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 38.

⁷³ Там же. С. 42–43.

- региональное экономическое сотрудничество, например АРЕС, НАРТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле), и специализированные глобальные организации сотрудничества, например Всемирный банк, МВФ, ВТО (Всемирная организация труда);

- процедуры, которые уделяют особое внимание совместному принятию решений, даже при доминировании Соединенных Штатов;

- предпочтение демократическому членству в ключевых союзах;

- рудиментарную глобальную конституционную и юридическую структуру (от Международного Суда до специального трибунала по рассмотрению военных преступлений в Боснии)⁷⁴.

При анализе результатов холодной войны З. Бжезинский называл Россию (Российскую Федерацию), наряду с Германией и Японией, поверженным противником США, определяя ее как страну “третьего мира”, будущее которой с геостратегической точки зрения достаточно туманно, но должно быть ориентировано на сотрудничество с США и Европой. Опасаясь возрождения России как имперского государства, Зб. Бжезинский говорил о необходимости не допустить воссоединения Российской Федерации с Украиной, как и интеграцию постсоветского пространства. На его взгляд, “Без Украины Россия перестает быть евразийской империей”⁷⁵.

Российская Федерация в его чаяниях и прогнозах должна стать на западно-европейский путь развития и быть “национальным государством”, но ни в коем случае не империей. В своем интервью OMRI от 15 ноября 1996 г. Зб. Бжезинский отметил, что: “Если русские будут настолько глупы, что попробуют восстановить свою империю, они нарвутся на такие конфликты, что Чечня и Афганистан покажутся им пикником”⁷⁶. А в интервью французскому информационному агентству FR З. Бжезинский отметил: “Я не думаю, что Запад должен бояться Путина, хотя он, возможно, и не самый привлекательный человек. Он, по сути, русский автократ эпохи значительных перемен в позиции России на геополитической арене и в национальной самоидентификации. Запад должен четко обозначать собственные интересы и твердо защищать их. Он должен выступать против каких бы то ни было попыток российской имперской рекон-

⁷⁴ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. С. 43.

⁷⁵ Там же. С. 63.

⁷⁶ Бжезинский З. Россия как империя. URL: http://azer.com/aiweb/categories/topics/Quotes/quote_brzezinski.html (дата обращения: 05.01.2016).

струкции, и там, где возможно, должен сотрудничать с россиянами в вопросах обоюдного интереса”⁷⁷.

Среди других сторонников глобализма, осмысляющих особенности российско-американских, российско-западных отношений в постсоветский период, особое место занимает геополитическая концепция “столкновения цивилизаций” *Самуэля Хантингтона*, еще одного видного представителя современного атлантизма.

С. Хантингтон, полемизируя с Ф. Фукуямой о дальнейшем развитии политических процессов после окончания холодной войны, отнюдь не считал, что стратегическая победа США и Запада над СССР и странами социалистического блока привела мир к однозначно трактуемому “концу истории”, связанному с триумфом западноевропейской либеральной демократии.

По мнению С. Хантингтона, изложенному им в статье “Столкновение цивилизаций?” (1993) и книге “Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка” (1996) история будет все так же динамично развиваться. Только “в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов”⁷⁸.

При этом под “цивилизацией” С. Хантингтон понимал “культурную общность наивысшего ранга, <...> самый широкий уровень культурной идентичности людей. <...> Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, — а также субъективной самоидентификацией людей. <...> Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации”⁷⁹.

Таким образом, после завершения холодной войны цивилизационная идентичность, на взгляд С. Хантингтона, становится одним

⁷⁷ Бжезинский З.: Запад не должен бояться Путина, хоть он и не самый привлекательный человек. URL: <http://forum-msk.org/material/fpolitic/397188.html> (дата обращения: 05.01.2016).

⁷⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1. С. 33.

⁷⁹ Там же. С. 34.

из главных факторов мировой политики “и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи–восьми крупных цивилизаций. К ним относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. Самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями”⁸⁰.

Конфликты цивилизаций будут разворачиваться на двух уровнях: на микро- и макроуровне. “На микроуровне группы, обитающие вдоль линий разлома между цивилизациями, ведут борьбу, зачастую кровопролитную, за земли и власть друг над другом. На макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям, соперничают из-за влияния в военной и экономической сфере, борются за контроль над международными организациями и третьими странами, стараясь утвердить собственные политические и религиозные ценности”⁸¹.

Примерами цивилизационных конфликтов, на взгляд С. Хантингтона, являются конфликт между Западом и миром ислама (война в Персидском заливе), конфликт между исламской и индуистской цивилизациями (Индией и Пакистаном и внутри Индии), между западной, православно-славянской и исламской цивилизациями в конфликте на территории бывшей Югославии.

При этом, исследуя различные стадии развития западной цивилизации, С. Хантингтон пришел к выводу, что ожидаемые в скором времени конфликты между цивилизациями являются завершающей стадией развития современного западного мира. Тотальному господству Запада на мировой арене приходит конец, а основным глобальным фактором современной мировой политики станет конфликт между западной и другими цивилизациями.

Если ранее в мировой истории обычными видами конфликтов являлись “конфликты между правителями, нациями-государствами и идеологиями”⁸², “главным образом конфликты западной цивилизации”⁸³, то с окончанием холодной войны ситуация полностью изменилась: утратило смысл характерное для времен холодной войны деление мира на страны “первого”, “второго”, “третьего” мира (капиталистические, социалистические, развивающиеся страны). В настоящем и будущем, как считает С. Хантингтон, будет преобладать другая тенденция: “...народы и правительства незападных

⁸⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? С. 35.

⁸¹ Там же. С. 37.

⁸² Там же. С. 33–34.

⁸³ Там же.

цивилизаций уже не выступают как объекты истории — мишень западной колониальной политики, а наряду с Западом начинают сами двигать и творить историю”⁸⁴.

Несмотря на то что США, стоящие во главе коллективного Запада, в условиях однополярного мира находятся “сейчас на вершине своего могущества”⁸⁵, используя “международные организации, военную мощь и финансовые ресурсы для того, чтобы править миром, утверждая свое превосходство, защищая западные интересы и утверждая западные политические и экономические ценности”⁸⁶, данная ситуация, на взгляд С. Хантингтона, не является долговечной. В скором времени, как он предупреждал, вероятностной станет крайне жесткая “реакция незападных цивилизаций на западную мощь и ценности”⁸⁷. Причины такой реакции определяются не только борьбой за военную, политическую и экономическую власть, но и существенными различиями в культуре, ценностях и религиозных верованиях народов.

«В исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддистской и православной культурах, — отмечал С. Хантингтон, — почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства. Усилия Запада, направленные на пропаганду этих идей, зачастую вызывают враждебную реакцию против “империализма прав человека” и способствуют укреплению исконных ценностей собственной культуры. Об этом, в частности, свидетельствует поддержка религиозного фундаментализма молодежью незападных стран. Да и сам тезис о возможности “универсальной цивилизации” — это западная идея. Она находится в прямом противоречии с партикуляризмом большинства азиатских культур, с их упором на различия, отделяющие одних людей от других. И действительно, как показало сравнительное исследование значимости ста ценностных установок в различных обществах, “ценности, имеющие первостепенную важность на Западе, гораздо менее важны в остальном мире”. В политической сфере эти различия наиболее отчетливо обнаруживаются в попытках Соединенных Штатов и других стран Запада навязать народам других стран западные идеи демократии и прав человека. Современная демократическая форма

⁸⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? С. 34.

⁸⁵ Там же. С. 42.

⁸⁶ Там же. С. 42–43.

⁸⁷ Там же. С. 43.

правления исторически сложилась на Западе. Если она и утвердилось кое-где в незападных странах, то лишь как следствие западного колониализма или нажима»⁸⁸.

С. Хантингтон выделил три возможных пути или сценария взаимоотношений незападных стран с Западом:

«Во-первых, и это самый крайний вариант, незападные страны могут последовать примеру Северной Кореи или Бирмы и взять курс на изоляцию — оградить свои страны от западного проникновения и разложения и в сущности устранившись от участия в жизни мирового сообщества, где доминирует Запад. Но за такую политику приходится платить слишком высокую цену, и лишь немногие страны приняли ее в полном объеме.

Вторая возможность — попробовать примкнуть к Западу и принять его ценности и институты. На языке теории международных отношений это называется “вскочить на подножку поезда”.

Третья возможность — попытаться создать противовес Западу, развивая экономическую и военную мощь и сотрудничая с другими незападными странами против Запада. Одновременно можно сохранять исконные национальные ценности и институты — иными словами, модернизироваться, но не вестернизироваться»⁸⁹.

Как прогнозировал С. Хантингтон, “Те страны, которые по соображениям культуры или власти не хотят или не могут присоединиться к Западу, конкурируют с ним, наращивая собственную экономическую, военную и политическую мощь. Они добиваются этого и за счет внутреннего развития, и за счет сотрудничества с другими незападными странами. Самый известный пример такого сотрудничества — конфуцианско-исламский блок, сложившийся как вызов западным интересам, ценностям и мощи”⁹⁰.

Такой же вариант, по мнению С. Хантингтона, может ожидать Запад во взаимоотношениях с Россией, постольку поскольку, “если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию и начнут вести себя как россияне, а не как западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдаленными и враждебными”⁹¹.

С. Хантингтон дал ряд рекомендаций США и их западноевропейским союзникам как сохранить свою геополитическую гегемонию в мире. На его взгляд, для достижения этого “интересы Запада явно требуют:

⁸⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? С. 43.

⁸⁹ Там же. С. 43–44.

⁹⁰ Там же. С. 45–46.

⁹¹ Там же. С. 45.

- 1) укрепления сотрудничества и единства в рамках собственной цивилизации, прежде всего между Европой и Северной Америкой;
- 2) интеграции в состав Запада стран Восточной Европы и Латинской Америки, чья культура близка к западной;
- 3) поддержания и расширения сотрудничества с Россией и Японией;
- 4) предотвращения разрастания локальных межцивилизационных конфликтов в полномасштабные войны между цивилизациями;
- 5) ограничения роста военной мощи конфуцианских и исламских стран;
- 6) замедления сокращения военной мощи Запада и сохранения его военного превосходства в Восточной и Юго-Западной Азии;
- 7) использования конфликтов и разногласий между конфуцианскими и исламскими странами;
- 8) поддержки представителей других цивилизаций, симпатизирующих западным ценностям и интересам;
- 9) укрепления международных институтов, отражающих и легитимизирующих западные интересы и ценности, и привлечения к участию в этих институтах незападных стран”⁹².

Обзор геополитических концепций англосаксонских мыслителей современного периода развития геополитики, осмысляющих особенности и сущность противостояния Англосаксонского и Русского мира, был бы не совсем полным, если не обратиться к альтернативному глобализму направлению развития англосаксонской геополитической мысли — цивилизационной геополитике, основанной на цивилизационном подходе к типологии государств и процессам общественно-экономического и политического развития. Хотя, сразу же следует отметить, что данное научное направление не только не является господствующим в странах англосаксонского мира, но даже не популярно в нем.

Базовые положения данного направления были сформулированы в работах английского историка *Арнольда Джозефа Тойнби*. А. Тойнби в своем фундаментальном труде “Постижение истории” продолжил разрабатывать основы цивилизационного подхода вслед за своими предшественниками Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым и О. Шпенглером. Как и его предшественники, А. Тойнби продолжил критическое осмысление линейной, насквозь европоцентристской теории общественно-исторического прогресса с ее концепциями “единства истории”, “единства цивилизации” и “непрерывности

⁹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? С. 47–48.

истории”, предложив свою собственную теорию циклического круговорота локальных цивилизаций.

При этом категория “цивилизация” использовалась А. Тойнби в том же значении, что и категория “культурно-исторический тип” у Н.Я. Данилевского, и “культура” у О. Шпенглера. А. Тойнби определял “цивилизацию”, как “общество с более широкой протяженностью как в пространстве, так и во времени, чем национальные государства, города-государства или любые другие политические союзы”⁹³.

А. Тойнби выделил два критерия, позволяющих классифицировать принадлежность общества к той или иной цивилизации. Во-первых, религию и определенный тип религиозных организаций. Во-вторых, территориально-географический фактор. По мнению А. Тойнби, “Вселенская церковь является основным признаком, позволяющим предварительно классифицировать общества одного вида. Другим критерием для классификации обществ является степень удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло”⁹⁴.

Всемирная история, на взгляд А. Тойнби, есть совокупность историй отдельных, своеобразных и неповторимых человеческих цивилизаций, которых он насчитал 21 единицу. Это: 1) египетское, 2) андское, 3) китайское, 4) минойское, 5) шумерское, 6) майяское, 7) сирийское, 8) индское, 9) хеттское, 10) эллинское, 11) западное, 12) иранское, 13) арабское, 14) индуистское, 15) мексиканское, 16) юкатанское, 17) вавилонское, 18) православное христианское (основное), 19) православное христианское (Россия), 20) дальневосточное (Корея и Япония), 21) дальневосточное (основное) общества⁹⁵.

В XX в. из этих цивилизаций в живых в наличии только пять цивилизаций: 1) западная цивилизация, 2) православно-христианская цивилизация, к которой относится и Россия, 3) исламское общество, 4) индуистское общество, 5) дальневосточное общество⁹⁶.

В своих размышлениях о взаимоотношениях западноевропейской и иных цивилизаций А. Тойнби анализирует отношение к русским и России в странах Запада. Россию А. Тойнби определял как “часть общемирового незападного большинства человечества. Хотя русские были христианами, а многие и сейчас ими остаются,

⁹³ Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 40.

⁹⁴ Там же. С. 77.

⁹⁵ См.: Там же. С. 79.

⁹⁶ См.: Там же. С. 33–34.

они никогда не принадлежали к западному христианству. Россия была обращена в христианство не Римом, как, например, Англия, а Константинополем; несмотря на их общие христианские корни, восточноправославное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории”⁹⁷.

Россия на протяжении всей своей истории, по мнению А. Тойнби, была вынуждена постоянно противостоять “любой угрозе попасть под влияние Западного мира”⁹⁸, стать объектом “завоевания и насильственной ассимиляции”⁹⁹ со стороны стран Запада. “В результате татарского ига Русь, — как отмечал А. Тойнби, — потерпела убытки, в конце концов, не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси, для того чтобы отрезать от нее и присоединить к западнокристианскому миру западные русские земли. Только в 1945 году России удалось вернуть себе те огромные территории, которые западные державы отобрали у нее в XIII и XIV веках”¹⁰⁰.

А. Тойнби отмечал необоснованность упреков западноевропейцев в отношении агрессивности русских и России, объясняя русофобские настроения неприятием цивилизационной идентичности России. Как подчеркивал А. Тойнби, «Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации, и вплоть до самой большевистской революции 1917 года этой русской “варварской отметиной” была Византийская цивилизация восточно-православного христианства»¹⁰¹.

В то же время, с российской точки зрения **“все обстоит ровно наоборот. Русские считают себя жертвой непрекращающейся агрессии Запада, и, пожалуй, в длительной исторической перспективе для такого взгляда есть больше оснований, чем нам бы хотелось”**¹⁰².

На взгляд А. Тойнби и представителей различных народов незападной цивилизации, Запад является “архиагрессором современной эпохи и у каждого найдется свой пример западной агрессии. Русские

⁹⁷ Тойнби А. Дж. Цивилизации перед судом истории. М.; СПб., 1993. С. 157.

⁹⁸ Там же. С. 106.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 157.

¹⁰¹ Там же. С. 107.

¹⁰² Там же. С. 106.

напомнят, как их земли были оккупированы западными армиями в 1941, 1915, 1812, 1709 и 1610 годах; народы Африки и Азии вспомнят о том, как начиная с XV века западные миссионеры, торговцы и солдаты осаждали их земли с моря”¹⁰³. И эти цивилизационные различия, противоречия и конфликты сохранили свою актуальность и после окончания Второй мировой войны, даже в условиях распространения секулярных тенденций.

А. Тойнби безусловно являлся идейным противником глобалистских концепций и проектов. И в этом контексте его теория и трактовка взаимоотношений англосаксонских держав и стран Запада с Россией являлась очевидным исключением из правил в рамках развития англосаксонской геополитической мысли.

Такого же рода своеобразным исключением из правил является и геополитическая концепция “смерти Запада” американского консервативного мыслителя и геополитика *Патрика Джозефа Бьюкенена*, воззрения которого не очень соотносятся с позицией авторов, рассмотренных нами ранее. В своей книге “Смерть Запада” П. Бьюкенен констатирует, что: “Запад умирает. Народы Запада перестали воспроизводить себя, население западных стран стремительно сокращается. С самой Черной смерти, выкосившей треть Европы в четырнадцатом столетии, мы не сталкивались с опасностью серьезнее. Нынешний кризис грозит уничтожить западную цивилизацию. Сегодня в семнадцати европейских странах смертность значительно превышает рождаемость, гробы в них требуются гораздо чаще, чем колыбели. Это Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Дания, Испания, Италия, Латвия, Литва, Португалия, Россия, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония. Католики, протестанты, православные — все они участвуют в грандиозной похоронной процессии западной цивилизации”¹⁰⁴.

Очевидно, что Россию П. Бьюкенен также относит к странам и государствам вырождающегося Западного мира. Само же вырождение западноевропейских народов П. Бьюкенен увязывает с “культурной революцией”: отказом американцев и западноевропейцев от своих традиционных христианских устоев и ценностей, традиционного образа жизни, падением морали и нравственности, торжеством гедонизма, массовой культуры и потребительства, культурным разделением общества. Все это закономерно ведет к депопуляции и снижению численности коренного населения Аме-

¹⁰³ Тойнби А. Дж. Цивилизации перед судом истории. С. 156.

¹⁰⁴ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.; СПб., 2003. С. 22.

рики и стран Запада. А высвобождающийся вмещающий ландшафт занимают массовые потоки иммигрантов, чуждых коренной культуре той или иной страны.

При описании влияния на массовое сознание американцев событий 11 сентября 2001 г. П. Бьюкенен констатирует, что: «Ужасные события 11 сентября объединили страну... однако эти события выявили и новый “водораздел”. В нашей стране людей разделяет не уровень доходов, не идеология и не вера, но этническая принадлежность и идентификация»¹⁰⁵. Массовая и “неуправляемая иммиграция грозит уничтожить страну... и превратить Америку в хаотическое скопление народов, не имеющих фактически ничего общего между собой — ни истории, ни фольклора, ни языка, ни культуры, ни веры, ни предков. Своего рода новая балканизация”¹⁰⁶. Без возврата к своим традиционным христианским основам и образу жизни Америку и Запад в целом скоро ждет конец. Коренные народы просто исчезнут в нескончаемых волнах миграции и торжества массовой потребительской культуры.

Однако с Россией и с деятельностью В.В. Путина, направленной на защиту традиционных христианских ценностей и противодействие наступлению глобалистов, П. Бьюкенен увязывает определенные надежды на обратимость данных процессов. Он поддерживает его действия, направленные на обретение Россией всей полноты национального и государственного суверенитета. По его мнению, “Владимир Путин — это кровь и земля, алтарь и трон этнического национализма, видящий в себе защитника России и смотрящий на русских за границей так, как израильтяне смотрят на евреев за рубежом, полагая, что их безопасность — это вполне легитимная забота Израиля. Вспомните тот мир, который со своих выигрышных позиций увидел Путин, когда он пришел к власти после десяти лет правления Бориса Ельцина. Он увидел, как матушку Россию грабят олигархи, подстрекаемые своими друзьями-капиталистами с Запада, в том числе из Америки. Он увидел, как миллионы русских остались за пределами своей страны, оказались в сложном положении от Прибалтики до Казахстана. Он увидел, как соединенные Штаты обманули Россию, пообещав ей не продвигать НАТО в Восточную Европу, если оттуда уйдет Красная Армия, а затем воспользовались уходом России и привели североатлантический альянс прямо к ее порогу”¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. С. 12.

¹⁰⁶ Там же. С. 14.

¹⁰⁷ Бьюкенен П. Дж. Секреты глобального путинизма. М., 2015. С. 9.

П. Бьюкенен позитивно оценивает деятельность В.В. Путина по защите российских национальных интересов и христианских ценностей. И в этом смысле он занимает принципиально иную, исключительную позицию среди известных современных англосаксонских геополитиков.

Таким образом, подводя определенный итог анализа воззрений ведущих англосаксонских геополитиков, можно констатировать, что большая часть их теоретических наработок была взята на вооружение англосаксонской политической и экономической элиты для последующего идейного оправдания и идеологического обоснования крайне агрессивной политики сдерживания развития России в различных сферах ее жизнедеятельности как в имперский, советский, так и в постсоветский периоды ее истории. Как в классический, так и в современный период развития геополитики, англосаксонские мыслители, за редким исключением (например, А.Дж. Тойнби и П. Бьюкенен) воспринимали Россию как основное препятствие и державу-конкурента для достижения англосаксонскими державами мировой глобальной геополитической гегемонии.

Англосаксонские геополитики крайне негативно оценивали традиционную для России имперскую форму государственности, ее традиционные политические, социально-экономические и религиозные системы, традиционные системы ценностей. Фактически они оправдывали использование самых разнообразных средств в противостоянии с Россией, стремясь уничтожить ее как действиями извне, так и изнутри.

Всеми возможными способами возвеличивая и пропагандируя свои политические и экономические системы, характер государственности и системы ценностей, представители англосаксонских геополитических школ мечтали об обретении Англосаксонским миром глобальной мировой геополитической гегемонии, идейно обосновывали неизбежность установления англосаксонского глобального мирового порядка. А для достижения этого обосновывали необходимость уничтожения традиционной российской имперской государственности, расчленения России, допуская ее последующее существование исключительно в качестве колонии-вассала англосаксонских держав и Западного мира. Банальная русофобия, европоцентризм, вера в свою исключительность и масштабные злодеяния прикрывались высокопарными рассуждениями о ценностях демократии, правах и свободах человека. И такого рода ситуация еще не скоро изменится. Россия заново обрела статус великой державы, а значит “Большая Игра” за мировую геополитическую гегемонию продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология мировой закулисы. М., 2017.
- Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М., 2010.
- Бжезинский Зб.* Россия как империя. URL: http://azer.com/aiweb/categories/topics/Quotes/quote_brzezinski.html (дата обращения: 05.01.2016).
- Бжезинский Зб.*: Запад не должен бояться Путина, хоть он и не самый привлекательный человек. URL: <http://forum-msk.org/material/fpolitic/397188.html> (дата обращения: 05.01.2016).
- Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада. М.; СПб., 2003.
- Бьюкенен П.Дж.* Секреты глобального путинизма. М., 2015.
- Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб., 2007.
- Киссинджер Г.* Мировой порядок. М., 2023.
- Маккиндер Х.* Географическая ось истории. М., 2021.
- Мэхэн А.Т.* Роль морских сил в мировой истории. М., 2008.
- Спикмэн Н.* Политическая карта Евразии // “Новая Атлантида”. Геополитика Запада на суше и на море. М., 2022.
- Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М., 1991.
- Тойнби А.Дж.* Цивилизации перед судом истории. М.; СПб., 1993.
- Фукуяма Ф.* Война Путина с либеральным порядком // Официальный сайт газеты Financial Times. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8a694b10-6562ea79-9b22fe43-74722d776562/https/www.ft.com/content/d0331b51-5d0e-4132-9f97-c3f41c7d75b3 (дата обращения: 26.11.2023).
- Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2004.
- Фукуяма Ф.* Конец истории? URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php> (дата обращения: 05.01.2017).
- Фукуяма Ф.* Россия на распутье. М., 2023.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1.

REFERENCES

- Antologiya mirovoj zakulisy [Anthology of the world behind the scenes]. М., 2017 (in Russian).
- B'yukenen P.Dzh.* Smert' Zapada [Death of the West]. М.; SPb., 2003 (in Russian).
- B'yukenen P.Dzh.* Sekrety global'nogo putinizma [Secrets of global Putinism]. М., 2015 (in Russian).
- Bzhezinskij Zb.* Velikaya shahmatnaya doska. Amerikanskoe prevoskhodstvo i ego geostrategicheskie imperativy [Great chessboard. American superiority and its geostrategic imperatives]. М., 2010 (in Russian).
- Bzhezinskij Zb.* Rossiya kak imperiya [Russia as an empire]. URL: http://azer.com/aiweb/categories/topics/Quotes/quote_brzezinski.html (data obrashcheniya: 05.01.2016) (in Russian).
- Bzhezinskij Zb.* Zapad ne dolzhen boyat'sya Putina, hot' on i ne samyj privlekatel'nyj chelovek [The West should not be afraid of Putin, even though he is not the most attractive person]. URL: <http://forum-msk.org/material/fpolitic/397188.html> (data obrashcheniya: 05.01.2016) (in Russian).

Fukuyama F. Vojna Putina s liberal'nym poryadkom [Putin's war on the liberal order] // Oficial'nyj sajt gazety Financial Times. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8a694b10-6562ea79-9b22fe43-74722d776562/https/www.ft.com/content/d0331b51-5d0e-4132-9f97-c3f41c7d75b3 (data obrashcheniya: 26.11.2023) (in Russian).

Fukuyama F. Konec istorii i poslednij chelovek [The end of history and the last man]. M., 2004 (in Russian).

Fukuyama F. Konec istorii? [The end of history?]. URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php> (data obrashcheniya: 05.01.2017) (in Russian).

Fukuyama F. Rossiya na rasput'e [Russia at a crossroads]. M., 2023 (in Russian).

Geopolitika: Hrestomatiya [Geopolitics: Reader] / Sost. B.A. Isaev. SPb., 2007 (in Russian).

Hantington S. Stolknovenie civilizacij? [Clash of Civilizations?] // Politicheskie issledovaniya. 1994. N 1 (in Russian).

Kissindzher G. Mirovoj poryadok [World order]. M., 2023 (in Russian).

Makkinder H. Geograficheskaya os' istorii [Geographical axis of history]. M., 2021 (in Russian).

Mekhen A.T. Rol' morskikh sil v mirovoj istorii [The role of naval forces in world history]. M., 2008 (in Russian).

Spikmen N. Politicheskaya karta Evrazii [Political map of Eurasia] // "Novaya Atlantida". Geopolitika Zapada na sushe i na more. M., 2022 (in Russian).

Tojnbi A.Dzh. Postizhenie istorii [Comprehension of history]. M., 1991 (in Russian).

Tojnbi A.Dzh. Civilizacii pered sudom istorii [Civilizations before the court of history]. M.; SPb., 1993 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-130-146

КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ США: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Современные Соединенные Штаты Америки переживают сегодня один из наиболее острых социально-политических кризисов в своей истории. США находятся в состоянии глубокого общественного, политического и экономического разлома, который сказывается на политической и экономической эффективности, ведет к значительным социальным дисфункциям и делегитимации политической системы. Автор статьи утверждает, что данный кризис отличается от остальных кризисов, с которыми США сталкивались в своей истории, так как наблюдается наложение нескольких кризисных тенденций, которые накапливались с течением времени и в итоге слились в едином потоке. По отношению к нынешнему состоянию Соединенных Штатов автор предлагает использовать понятие поликризиса — относительно редкого явления в социально-политическом развитии любой страны, подразумевающего одновременное нарушение стабильности, разлом сразу в нескольких ключевых для государства и общества сферах. В американском случае поликризис состоит из четырех основных элементов, которые затрагивают политическую и социально-экономическую сферы общества: идеологическая поляризация американского общества, множественные расколы внутри Демократической и Республиканской политических партий, сокращение доходов среднего класса, постоянный рост социально-экономического неравенства. Автор приходит к выводу, что нынешний поликризис неизбежно приведет к трансформации и политической системы, и общества. Вопрос лишь, с каким знаком будет данная трансформация. При благоприятном раскладе возобладают новые эгалитарные силы, которые смогут сгладить острые углы возросшего неравенства, а также вернуть центристскую направленность американской политики. При негативном сценарии США будут скатываться во все больший хаос, который чреват социальными взрывами и подрывом американской демократии.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, социально-политический кризис, поликризис, политическая система, поляризация, неравенство.

* Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

CRISIS TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE AMERICAN SOCIO-POLITICAL SYSTEM: CAUSES AND CONSEQUENCES

Kanevsky Pavel S., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

The United States of America is living through today one of the most acute socio-political crises in its history. The United States is in a state of deep social, political and economic fracture, which affects political and economic efficiency, leads to significant social dysfunctions and delegitimization of the political system. The author argues that current crisis differs from other crises that the United States had faced in its history. There is a layering of several crises that accumulated over time and eventually merged into a single stream. Describing current crisis in the USA, the author proposes to use the concept of a polycrisis — a relatively rare phenomenon in the socio-political development of any country, implying a simultaneous violation of stability, a breakdown in several key areas for the state and the society. In the American case, the polycrisis consists of four main elements that affect the political and socio-economic spheres of the society: ideological polarization of the American society, multiple splits within the Democratic and Republican political parties, declining incomes of the middle class, and the constant increase in socio-economic inequality. The author comes to the conclusion that the current polycrisis will inevitably transform both the political system and the society. The only question is what direction this transformation takes. In a favorable scenario, new egalitarian forces will prevail, smoothing out the sharp edges of increased inequality, as well as restoring the centrist orientation of American politics. In a negative scenario, the United States will slide into ever greater chaos, which is fraught with social explosions and the undermining of American democracy.

Key words: *United States of America, socio-political crisis, polycrisis, political system, polarization, inequality.*

Все государства и общества на различных этапах своего развития проходят через периоды, которые характеризуются обострением противоречий, ростом социальной напряженности, увеличением количества социально-политических конфликтов, ростом недовольства властями и прочими негативными процессами. Нарушение стабильного развития, потеря равновесия внутри социально-политической системы обычно обозначаются широким понятием кризис. Данный термин происходит из греческого языка (κρίσις) и обозначает опасное состояние, перелом, переворот, ведущий к непредсказуемым последствиям. Понятие кризиса первоначально распространяется благодаря укоренению принципов гиппократовской медицины, в рамках которой он обозначал решающий момент в раз-

витии болезни человека, определяющий его дальнейшее состояние. В XVII–XVIII вв. понятие кризиса начинает активно применяться в рассуждениях о политике и войне, а с XIX в. применяется для обозначения опасных моментов в экономическом развитии¹.

Спецификой политических кризисов является то, что они затрагивают политическую сферу общества, поражают базовые политические институты и органы государственной власти. Это ведет к тому, что государство утрачивает способность эффективно регулировать политические, экономические и социальные процессы, в обществе усиливается напряженность, что чревато серьезными социально-политическими потрясениями. Ученые часто обращаются к понятию политического кризиса, чтобы выявить негативные тенденции политического процесса, обозначить переломные моменты в развитии того или иного государства². Однако в ряде случаев понятие политического кризиса редуцирует множество сложных социальных процессов исключительно к сфере политики. При анализе точечных институциональных или межгрупповых кризисов, как, например, в случае парламентских, правительственных кризисов, межэлитных конфликтов, это имеет под собой основание. Однако если мы говорим о кризисах более обширных, которые затрагивают основы политической системы, сводить понятие кризиса исключительно к политике представляется концептуальным сужением. Ведь серьезные политические кризисы часто находятся в тесной причинно-следственной связи с социальными и экономическими потрясениями. И выявить, какой именно процесс является определяющим в развитии кризиса, не всегда просто. В таких случаях целесообразно использовать понятие социально-политического кризиса, подчеркивающего более сложную структуру кризисов и связывающего политические предпосылки в их развитии с социальными, экономическими, культурными, демографическими и прочими факторами.

Современные Соединенные Штаты Америки являются ярким примером государства, переживающего сегодня социально-политический кризис, один из наиболее острых в своей истории. Это признают и сами американские граждане. Согласно опросу Ipsos, проведенному в начале 2022 г., 70% американцев считают, что страна

¹ См.: Шубрт И. Размышления о понятии “Кризис” // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6 (36). С. 71.

² См., например: Пушкарева Г.В. Политические кризисы: содержание, виды и факторы эскалации // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2016. № 1; Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // Полис. Политические исследования. 2014. № 4.

пребывает в состоянии кризиса, 64% — что американская демократия находится в упадке³. Ряд экспертов даже сравнивают нынешнее состояние американской политики и общества с периодом, предшествующим гражданской войне, и проводят параллели с 1850-ми гг., когда в американском обществе назревал открытый внутренний конфликт⁴. Хотя данные прогнозы являются скорее алармистскими, не вызывает сомнений, что США переживают период глубокого общественного, политического и экономического разлома, который сказывается на политической и экономической эффективности, ведет к значительным социальным дисфункциям и делегитимации политической системы. Уровень доверия американского населения ключевым политическим институтам находится на рекордно низких отметках. На сентябрь 2023 г. доля американцев, которые неудовлетворительно оценивают деятельность Демократической и Республиканской партий, составила 28%, что в четыре раза превышает уровень 2002 г. При этом лишь 16% доверяют федеральному правительству — это самый низкий показатель за 70 лет⁵.

Структура нынешнего социально-политического кризиса в США неоднородна, так как наблюдается наслоение нескольких кризисных тенденций, которые накапливались с течением времени и в итоге слились в едином потоке. Поэтому нынешнее состояние американского государства и общества можно описать термином, который в последние годы популяризовал историк и экономист А. Туз — поликризис, т.е. сочетание нескольких кризисов одновременно. Хотя А. Туз в большей степени применяет данное понятие к глобальной нестабильности⁶, его допустимо использовать и для анализа кризисных тенденций в отдельных государствах. Поликризис — это относительно редкое явление в социально-политическом развитии, подразумевающее одновременное нарушение стабильности, разлом сразу в нескольких ключевых для государства и общества сферах. Это своего рода “идеальный шторм”, который пред-

³ Seven in ten Americans say the country is in crisis, at risk of failing // Ipsos. 2022.03.01. URL: <https://www.ipsos.com/en-us/seven-ten-americans-say-country-crisis-risk-failing> (accessed: 13.11.2023).

⁴ См., например интервью профессора Университета Калифорнии Барбары Уолтер: “They are preparing for war”: an expert on civil wars discusses where political extremists are taking this country // The Washington Post. 2022.08.03; Gale W., West D. Is the US headed for another Civil War? // Brookings. 2021.16.09; Simon S., Stevenson J. The threat of civil breakdown is real // Politico. 2023.21.04.

⁵ Poll: Americans’ trust in political system at new lows // Axios. 2023.19.09. URL: <https://www.axios.com/2023/09/19/poll-us-political-system-crisis-trust-unfavorable-pew> (accessed: 13.11.2023).

⁶ Tooze A. Welcome to the world of the polycrisis // Financial Times. 2022.28.10.

ставляет особую опасность для социально-политических систем, грозящую для них мощными потрясениями и, в крайних случаях, ставящую под угрозу само существование данных систем.

В американском случае поликризис состоит из четырех основных элементов, которые затрагивают политическую и социально-экономическую сферы общества: идеологическая поляризация американского общества, множественные расколы внутри Демократической и Республиканской политических партий, сокращение доходов среднего класса, постоянный рост социально-экономического неравенства. Остальные негативные социально-политические аспекты, такие как снижение эффективности государственного управления, кризис легитимности, этнические и расовые конфликты, ухудшение здоровья нации, являются скорее следствием укоренения базовых элементов поликризиса.

США не впервые в своей 235-летней истории сталкиваются с масштабным социально-политическим кризисом. Самым серьезным по своим последствиям был кризис, связанный с обострением разногласий по поводу рабства внутри американской элиты на рубеже 1850–1860-х гг., который в итоге вылился в открытую гражданскую войну 1861–1865 гг. В XX в. США также сталкивались с целым рядом масштабных кризисов. В 1917–1921 гг. в стране наблюдалась невиданная со времен гражданской войны вспышка насилия, спровоцированная разногласиями на этнической, религиозной и классовой почве. В 1930-х гг. Америка находилась в состоянии социально-экономической турбулентности и депрессии, вызванной последствиями биржевого краха 1929 г. В 1960–1970-е гг. на фоне усиления активности социальных движений, войны во Вьетнаме и Уотергейтского скандала наблюдалось снижение легитимности основных политических институтов. В начале 1980-х гг. США переживали период затяжной экономической рецессии. И это не считая множества других, менее масштабных экономических, общественных и политических потрясений, с которыми сталкивались американское государство и общество за последние полтора столетия. Однако ни один из перечисленных периодов нестабильности не подпадает полностью под определение поликризиса. Даже в основе кризиса, приведшего к гражданской войне, был точечный, хотя и крайне болезненный вопрос, связанный со статусом рабов.

По мнению экономиста и политолога Дж. Фридмана, специфика нынешнего кризиса в США связана с тем, что впервые в американской истории он является следствием одновременных циклических изменений в политико-институциональной и социально-экономи-

ческой подсистемах общества⁷. С политико-институциональной точки зрения, перестает работать модель межпартийного равновесия и государственного управления, которая была создана после Второй мировой войны. С социально-экономической точки зрения, переживает период слома модель неоллиберализма, оказавшаяся не в состоянии более поддерживать финансово-экономическую стабильность, сильный средний класс и социальные гарантии менее обеспеченным слоям общества. Совпадение этих двух масштабных векторов делает нынешний поликризис особенно острым для США.

Постараемся рассмотреть, каким образом кризисные тенденции накапливались с течением времени, наслаиваясь друг на друга, к каким последствиям они приводят сегодня и есть ли у Соединенных Штатов предпосылки стабилизации социально-политической системы.

В отличие от стран континентальной Европы, в которых после Второй мировой войны политические предпочтения и политическая конкуренция относительно четко выстраивались исходя из разделения на левых и правых, в Соединенных Штатах идеологические противоречия долгое время не были определяющим фактором в политике. В послевоенное время демократам и республиканцам удалось создать относительно консенсусную политическую систему, в которой не было серьезных ценностных и идейных разночтений ни среди граждан, ни среди политиков. Это было связано еще и с тем, что в США не было сильного классового разделения ни с экономической, ни с ценностно-идеологической точек зрения. Партийные политические программы строились преимущественно вокруг рациональных экономических вопросов, связанных с занятостью населения, распределением ресурсов, развитием бизнеса, государственной поддержкой и прочим. Этническая и классовая поляризация всегда присутствовала фоном, однако партии не стремились переносить данные вопросы в пространство публичной политики, оставляя право их артикуляции социальным движениям и различным группам гражданского общества.

Реальный рост поляризации начался лишь в тот момент, когда демократы и республиканцы начали более четко соотносить партийные программы с идеологическими дискурсами. Л. Мэйсон считает, что начиная с 1970-х гг. демократы стали более явно тяготеть к либеральной прогрессивной идеологии, а республиканцы — к консервативной. Причем отличие либерализма от консерватизма

⁷ См.: *Friedman G. The storm before the calm: America's discord, the coming crisis of the 2020s, and the triumph beyond. Doubleday, 2020.*

заклучалось не в разных взглядах на экономику и роль государства, напротив, республиканские консерваторы с 1970-х гг. отчетливо смещались в сторону крайнего экономического либерализма. Отличие касалось прежде всего культурной и ценностной сторон данных идеологий. Консерваторы делали ставку на традиционные, христианские ценности, подчеркивали ведущую роль семьи, выступали против абортa, с недоверием относились к чрезмерной протестной активности граждан. Либералы же на первое место ставили права человека, вопросы гендерной, этнической и классовой эмансипации, гражданской активности и демократизации политической жизни.

Усиление ценностно-идеологической составляющей в программах партий привело к тому, что избиратели стали четче ассоциировать себя с идеологиями, а через них — с партиями⁸. Так началось формирование новых социальных расколов, включая возникновение республиканского Юга, среднего класса крупных городов, голосующих за демократов, представителей конкретных меньшинств и даже профессий, которые все отчетливее выражали свою преданность определенной партии, даже если это не всегда соответствовало их рациональным интересам. Американские политологи называют этот эффект дроблением (*sorting*) — термином, близким к понятию социального размежевания, введенного в 1960-е гг. С. Рокканом и М.С. Липсетом для обозначения социальных расколов в Западной Европе⁹. В результате идеологические границы между партиями и внутри партий перестали быть условными и привели к очевидному размежеванию как различных электоральных групп, так и партийных фракций.

Этот процесс стал еще более очевидным, когда произошло усиление наиболее консервативных групп внутри Республиканской партии и наиболее либеральных — в Демократической, что окончательно разбалансировало исторический межпартийный консенсус. Последняя попытка сохранить данный консенсус была сделана Р. Рейганом (президент США в 1981–1989 гг.), весьма консервативным политиком с точки зрения ценностей, но во главу угла своей программы поставившим экономическую повестку. Данная повестка состояла из идей низких налогов, децентрализации управления экономикой, поддержки частной инициативы, масштабных бюджетных расходов на инфраструктурные проекты и социальные нужды. При этом Р. Рейган смог сохранить баланс в Республикан-

⁸ Mason L. "I Disrespectfully Agree": the differential effects of partisan sorting on social and issue polarization // American Journal of Political Science. 2015. N 59 (1).

⁹ См.: Lipset S.M., Rokkan S. Party systems and voter alignments. N.Y.; L., 1967.

ской партии, не дав чрезмерно усилиться наиболее консервативным фракциям. Президентство Р. Рейгана было примечательно еще и тем, что оно поставило в идеологический тупик демократов, которые не смогли предложить столь же универсальную программу. Демократическая партия находилась под влиянием прогрессивного крыла, детища бурных 1970-х гг., отстаивающего права меньшинств, борьбу за равенство, критикующего крупный бизнес и военные операции за рубежом. Во времена Р. Рейгана эти идеи оказались не востребовавшими большинством, потому что американская экономика находилась в турбулентном состоянии, преступность достигла огромных масштабов, системы здравоохранения и образования нуждались в коренных изменениях.

Относительный неолиберальный консенсус был еще больше укреплен Б. Клинтон, который стал первым президентом так называемых новых демократов — демократической фракции, которая опиралась на городское население, белых либералов и меньшинства, однако во главу угла своей политической программы также ставила экономическую повестку¹⁰. При этом президентство Б. Клинтона (1993–2001 гг.) во многом стало продолжением экономической и социальной политики Р. Рейгана. Демократы эпохи Б. Клинтона напоминали традиционных демократов, которые заправляли в партии до усиления прогрессивного крыла, для которых главными задачами был экономический рост и стабильный средний класс. Социально-политическая модель Б. Клинтона успешно сочетала в себе рейгановский дух экономического роста, дерегулирование экономики, агрессивную монетарную политику наряду с ростом государственных расходов на медицину и образование.

Президентство Б. Клинтона оказалось одним из наиболее успешных периодов в истории американской экономики. Быстрые темпы экономического роста, развитие технологического сектора, низкий уровень безработицы и увеличение среднего класса способствовали стабилизации всей системы. Вместе с тем неолиберальная политика, проводимая Б. Клинтон, заложила основы будущих кризисных процессов, прежде всего, в социально-экономической плоскости. Гонка за экономическим ростом и дерегулированием привела к увеличению дисбаланса в структуре населения, ускорила рост неравенства, одновременно создав новые группы граждан, оказавшихся в чрезмерной зависимости от государственных субсидий.

¹⁰ См.: *Lind M.* Obama: last of the “New Democrats”? // *Salon*. 2012.30.10. URL: http://www.salon.com/2012/10/30/obama_last_of_the_new_democrats/ (accessed: 15.11.2023).

В конце президентства Б. Клинтона образовались отчетливые электоральные ядра демократов: высший и высший средний класс городов восточного побережья, Новой Англии и среднего Запада, прогрессивные социальные слои Калифорнии, связанные преимущественно с высокотехнологичным сектором и индустрией развлечений, представители финансовых групп, этнические меньшинства, мигранты, либерально настроенные женщины и молодежь.

Устойчивость этой электоральной пирамиды обеспечивалась тем, что демократы смогли привлечь на свою сторону сегмент простых наемных работников — наиболее многочисленной, но и наименее социально защищенной прослойки среднего класса. С одной стороны, они практически не интегрировались в глобальную экономику, потому что им не хватало для этого образования и социального капитала, они не были сторонниками социально-либеральных ценностей и оказывались все в большей зависимости от государственных программ субсидий и социальной поддержки. С другой стороны, многие из них отдавали свои голоса за демократов, потому что они пользовались благами глобальной экономики, увеличения объемов торговли и устойчивого экономического роста. Этот рост привел в том числе к укреплению банковского сектора, который на фоне низких ставок смог массового кредитовать население и таким образом обеспечивать благополучие значительного числа домохозяйств.

Именно поэтому попытки консервативных республиканцев, таких как Н. Гингрич или П. Райан, привлечь на свою сторону белую работающую Америку не увенчались успехом в 1990–2000-е гг. Демократы, а за ними относительно умеренные республиканцы во главе Дж. Бушем-младшим (президент США в 2001–2009 гг.) предложили модель универсального и постоянно увеличивающегося в размерах общества потребления с растущими доходами и огромным спектром возможностей.

Процесс самоидентификации неглобализированной белой Америки начал происходить позже, когда незыблемый, как казалось, неолиберальный консенсус эпохи Р. Рейгана, Б. Клинтона, Дж. Буша-младшего стал давать многочисленные сбои. Первичным детонатором этого сбоя послужил финансово-экономический кризис 2008 г., который обернулся для США самой продолжительной рецессией (получившей название “Великой рецессии”) для нынешнего поколения американцев работоспособного возраста. И хотя политика Б. Обамы (президент США в 2009–2017 гг.), направленная на защиту одновременно наиболее пострадавшей части корпоративного сектора и наименее обеспеченной части населения, а также ряд

системных мер по оздоровлению экономики, принесла позитивные результаты, ряд глубинных негативных тенденций лишь ускорился.

В частности, хотя официальный уровень безработицы в последние годы не превышает 5% (3,9% на октябрь 2023 г.)¹¹, данный показатель не учитывает значительного числа американцев, которые прекратили поиск работы. Поэтому многие американские экономисты используют индекс участия граждан в рабочей силе, который показывает количество работающих людей, либо активно занимающихся поиском работы. Индекс достиг пика в 2000 г. (67,3%), однако затем постепенно снижался, ускорив падение после кризиса и рецессии. Сегодня уровень участия в рабочей силе составляет 62,2% — самый низкий показатель за последние 40 лет¹². Данной тенденции способствовала не только экономическая турбулентность, но и структура самой глобализированной экономики: вынос производства, роботизация, оптимизация персонала и, как следствие, его сокращение привели к тому, что многие американцы с недостаточным уровнем квалификации осознали бесперспективность попыток получить работу. Эти люди, фактически исключенные из столь быстро изменившейся экономики, составили основу нового депрессивного класса, который рано или поздно должен сыграть свою роль в электоральных процессах.

Первой политической силой, которая всколыхнула данный электорат, стало Движение чаепития. Представители данной крайне консервативной фракции Республиканской партии начали открыто выступать против демократического и, что еще важнее, против собственного республиканского истеблишмента, заявляя о глубоком кризисе американской политической и экономической системы. Еще в начале–середине 2000-х гг. подобные настроения были едва заметными, но в пост-кризисной Америке они нашли широкую общественную поддержку. Движение чаепития не только внесло раскол в ряды Республиканской партии, составив мощную оппозицию основному умеренно-либеральному блоку, но и начало процесс консолидации новой электоральной общности — преимущественно белых американцев средних лет, недовольных состоянием американской экономики, критикующих чрезмерную социальную нагрузку на государство, резко противопоставляющих себя социально-экономическому либерализму и прогрессизму администрации Б. Обамы. Парадокс заключается в том, что Движение чаепи-

¹¹ Источник данных: Bureau of Labor Statistics. The Employment Situation — October 2023. URL: <https://www.bls.gov/news.release/pdf/empisit.pdf> (accessed: 15.11.2023).

¹² Ibid.

тия, само того не планируя, во многом проложило дорогу Д. Трампу (президент США в 2017–2021 гг.).

Агрессивная риторика президентской кампании Д. Трампа в 2016 г. очень точно выловила запрос тех американских граждан, которые хотели четких решений своих проблем. Д. Трамп предложил им свое видение, не основанное на какой-то конкретной программе, но четко уловившее общее настроение разочарованности в развитии страны. Летом 2015 г., когда в выдвижение Д. Трампа еще никто не верил, серия фокус-групп показала, что Д. Трамп, в отличие от остальных республиканских кандидатов, вызывает у людей крайне доверительные чувства. По словам одного из журналистов, присутствовавшего на ранней фокус-группе, “было ощущение, что слушаешь больных, которые были недовольны всеми предыдущими врачами, а в Д. Трампе увидели решение всех проблем”¹³.

Однако успех Д. Трампа объясняется не только мобилизацией новых электоральных групп и разобщенностью в Республиканской партии. Не последнюю роль сыграли недальновидность и провалы предвыборной кампании демократов в 2016 г., усугубившие социальные размежевания в американском обществе. Как справедливо отмечал М. Лилла, опасно ставить во главу угла либеральные ценности как таковые, не уделяя достаточно внимания рациональным вопросам экономики и увеличения количества рабочих мест¹⁴. Эту идеологическую ловушку с успехом преодолевали как Б. Клинтон в 1990-е гг., не допустивший чрезмерного влияния левых либералов на идеологическую платформу партии, так и Б. Обама.

Успех Д. Трампа был связан не только с его критикой либеральной политики идентичности, он четко смог выявить группы американцев, которые потеряли веру в “американскую мечту” и в идею, что усердным трудом любой член общества может занять в нем достойное место. Общество оказалось разочаровано некогда успешным неолиберальным проектом, потому что он перестал быть инклюзивным. Поэтому Д. Трамп и в рамках предвыборной кампании, и в годы своего президентства успешно совмещал агрессивную риторику по отношению к крупному бизнесу, глобализации и истеблишменту с успокоительными обещаниями защитить простого, забытого всеми американца.

¹³ Frizell S. Pollster's legs wobble after fawning Donald Trump focus group // The Time. 2015.25.08. URL: <http://time.com/4009413/donald-trump-focus-group-frankluntz/> (accessed: 15.11.2023).

¹⁴ См.: Lilla M. The end of identity liberalism // The New York Times. 2016.18.11. URL: http://www.nytimes.com/2016/11/20/opinion/sunday/the-end-of-identity-liberalism.html?_r=0 (accessed: 15.11.2023).

Однако социально-экономическая дифференциация американского общества сегодня гораздо глубже, чем проблема нового депрессивного класса. Американские правящие элиты по-настоящему не смогли изменить нисходящую траекторию развития всей социально-экономической системы после кризиса 2008 г. Неолиберальная модель является успешной для все меньшего количества американских граждан. Это отчетливо прослеживается на состоянии среднего класса. По данным Pew Research, доля американцев в среднем классе (по показателю доходов) снизилась с 61% в 1970 г. до 50% в 2021 г.¹⁵ При этом данная траектория имеет тенденцию к дальнейшему снижению: только за 2023 г. средний доход американских домохозяйств среднего класса снизился на 33,000 долл.¹⁶, а 72% представителей среднего класса заявляют, что уровень их доходов упал ниже прожиточного минимума¹⁷. Это связано с тем, что американское правительство не способно справиться с самой высокой за три десятилетия инфляцией, а высокие процентные ставки, устанавливаемые Федеральной резервной системой, тормозят рост доходов и доступность банковских кредитов.

При этом данная картина контрастирует с макроэкономическими показателями, согласно которым США переживают период активного экономического роста — только за 3-й квартал 2023 г. американский ВВП вырос на 4,9%¹⁸. Главная проблема американской экономики носит структурный характер, так как главную выгоду от экономического роста извлекает крупный и средний бизнес, в том время как домохозяйства в целом ощущают нехватку средств. 39% американских граждан заявляют, что их долги увечились в 2023 г., 84 — отмечают рост расходов, 70 — экономят на еде и одежде, 60% — отменяют домашний ремонт и путешествия¹⁹. Такой контраст меж-

¹⁵ How the American middle class has changed in the past five decades // Pew Research Center. 2022.20.04. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2022/04/20/how-the-american-middle-class-has-changed-in-the-past-five-decades/> (accessed: 15.11.2023).

¹⁶ Why America's middle class is so stressed out: a week of big take // Bloomberg. 2023.08.07. URL: <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2023-07-08/why-america-s-middle-class-is-so-stressed-out-week-of-big-take> (accessed: 15.11.2023).

¹⁷ Amid inflation, more middle-class Americans struggle to make ends meet // CNBC. 2023.18.01. URL: <https://www.cnbc.com/2023/01/18/amid-inflation-more-middle-class-americans-struggle-to-make-ends-meet.html> (accessed: 15.11.2023).

¹⁸ America's economy is booming. Why aren't its bosses happier? // The Economist. 2023.29.10. URL: <https://www.economist.com/business/2023/10/29/americas-economy-is-booming-why-arent-its-bosses-happier> (accessed: 15.11.2023).

¹⁹ If the economic statistics are good, why do Americans feel so bad? // USA Today. 2023.15.09. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2023/09/15/americans-gloomy-about-economy/70833096007/>

ду показателями роста и снижением качества жизни простых американцев связан с разрывом между растущей производительностью труда (по-прежнему одной из самых высоких в мире) и уровнем оплаты труда. Иными словами, американцы работают много и упорно, добиваясь нужных показателей для работодателей и экономики в целом, однако уровень их зарплаты стагнирует²⁰. Отсюда растущая фрустрация и разочарование в государстве, которое выражается в том числе в снижении доверия политикам и базовым политическим институтам, а также в готовности голосовать за более радикальных, популистских кандидатов.

Растущая экономическая поляризация является частью гораздо более глубокой социально-экономической проблемы. В США наблюдается увеличивающийся разрыв в том, что М. Вебер называл жизненными шансами. Сегодня 78% американских граждан считают, что их дети будут жить хуже, чем они²¹. Это самый высокий показатель за всю историю опросов. При этом 20 лет назад так отвечали только 40%. Глубинная причина увеличивающегося раскола заключается в том, что существующая экономическая модель становится все более выгодной для верхних страт американского общества и все более обременительной для всех остальных. За три десятилетия — с 1989 по 2021 г. — верхние 10% в стратификационной пирамиде увеличили свое совокупное состояние с 60 до 70% от общей доли состояния нации. В этот же период состояние следующих 40% постоянно снижалось, а нижние 50% на сегодняшний день владеют лишь 2,5% от общей доли состояния, будучи при этом наиболее закредитованной и наименее социально защищенной стратой²².

Нобелевский лауреат по экономике А. Дитон считает, что США пожинают плоды тотального дерегулирования рынка и государственного управления последних четырех десятилетий. Он счита-

²⁰ См. доклад главного экономиста Института экономической политики Э. Гулд, подготовленный для слушаний в Конгрессе США в 2019 г.: Decades of rising economic inequality in the U.S. // Economic Policy Institute. 2019.27.03. URL: <https://www.epi.org/publication/decades-of-rising-economic-inequality-in-the-u-s-testimony-before-the-u-s-house-of-representatives-ways-and-means-committee/> (accessed: 15.11.2023).

²¹ Nearly 80% of Americans think their children may end up with worse lives // Business Insider. 2023.24.03. URL: <https://www.businessinsider.com/americans-think-children-end-up-worse-lives-2023-3#:~:text=Nearly%2080%25%20of%20Americans%20think,same%20thing%2020%20years%20ago> (accessed: 15.11.2023).

²² Siripurapu A. The U.S. inequality debate // Council on Foreign Relations. 2022.20.04. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/us-inequality-debate#:~:text=In%202021%2C%20the%20top%2010,percent%20of%20wealth%20in%202021> (accessed: 15.11.2023).

ет идею чикагской экономической школы²³, о том, что социальные проблемы и менее обеспеченные слои населения можно просто “заливать” деньгами, которые производит рыночная экономика. Рынок не способен обеспечить население необходимым уровнем социальных гарантий, так как он, во-первых, нестабилен, во-вторых, работает прежде всего в пользу тех, кто им управляет, т.е. капиталистов. По словам А. Дитона, это ведет к формированию в США отчетливой классовой дифференциации, которая исторически была не свойственна стране, по крайней мере в том виде, в котором она существует во многих странах Европы²⁴.

В совокупности политическая и социально-экономическая поляризация ведут к ослаблению американской политической системы. Итогом президентства Д. Трампа стало укоренение социально-экономического и ценностно-идеологического раскола в американском обществе. Дж. Байден, ставший президентом в 2021 г., унаследовал крайне конфликтную и разобщенную политическую систему. В настоящее время можно выделить шесть основных фракций в составе Демократической партии. В свою очередь эти шесть фракций образуют три макрофракции — левую, центристскую и правую²⁵. При этом крайние прогрессисты, продвигающие в том числе вопросы, связанные с политикой идентичности, становятся все более влиятельными. По мнению Н.В. Травкиной, Белый дом “потерял управляемость различными фракциями Демократической партии в Конгрессе США, в результате чего обострение межфракционной борьбы обернулось полным параличом в прохождении через Конгресс важнейших законодательных инициатив демократов”²⁶.

В то же время Республиканская партия продолжает смещаться вправо, становясь более консервативной даже в сравнении с 10-летней давностью. В составе республиканской партии также выделяется несколько фракций: умеренные консерваторы, крайне правые консерваторы, представители Чайной партии (так называемый “Кокус свободы” в Палате представителей) и сторонники Д. Трампа.

²³ Неоклассическая школа экономической мысли, развившаяся в Университете Чикаго в 1950–1970-е гг., которая отвергала кейнсианство и предлагала перейти к политике монетаризма, дерегулирования, снижения роли государства и стимулирования частной инициативы. Яркими представителями школы являются Милтон Фридман, Джордж Стиглер, Томас Соуэлл.

²⁴ Angus Deaton on inequality: “The war on poverty has become a war on the poor” // The Guardian. 2023.07.10. URL: <https://www.theguardian.com/inequality/2023/oct/07/angus-deaton-interview-book-economics-in-america> (accessed: 15.11.2023).

²⁵ Травкина Н.М. Администрация Дж. Байдена: шипы и розы обретения “нормальности” // США & Канада: экономика — политика — культура. 2022. № 4. С. 16.

²⁶ Там же. С. 5–6.

Республиканцы во многом оказались заложниками президентства Д. Трампа, который до сих пор пользуется колоссальной поддержкой избирателей и обладает множеством союзников внутри партии.

В целом, американская партийная система является сегодня наиболее раздробленной в современной истории США. На Капитолийском холме осталось не более 30 умеренных конгрессменов из обеих партий, в то время как в 1970 г. таких было 160 человек²⁷. Это ведет к постоянным тупикам в процессе принятия решений, так как обе партии стремятся максимально саботировать политику друг друга. Буквально единицы республиканских и демократических конгрессменов готовы совместно обсуждать и решать политические вопросы.

Политико-идеологическая поляризация американских избирателей также бьет исторические рекорды. Республиканский и демократический электорат имеет разные ценности и по-разному выстраивает приоритеты в развитии страны. Кроме того, избиратели обеих партий в корне не доверяют друг другу. С 2016 по 2022 г. значительно увеличилось количество республиканцев и демократов, которые считают друг друга недалекими (69 и 83% соответственно), нечестными (64 и 72%) и аморальными (63 и 72%)²⁸.

Параллельно у граждан растет разочарование в своих представителях, которые, на их взгляд, ничего не делают, чтобы решать насущные проблемы общества. 87% сторонников республиканцев и 85% сторонников демократов согласны с идеей, что политики обеих партий в большей степени сконцентрированы на борьбе друг с другом, чем на решении реальных общественных проблем²⁹.

Политическая раздробленность и дисфункции Конгресса отдалают американские власти от решения наиболее фундаментальных проблем общества, которые лежат преимущественно в социально-экономической плоскости. Очевидно, что истеблишмент не собирается коренным образом менять экономическую модель, полагаясь на идеи экономического роста и не замечая очевидных проблем аме-

²⁷ The polarization in today's Congress has roots that go back decades // Pew Research Center. 2022.10.03. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2022/03/10/the-polarization-in-todays-congress-has-roots-that-go-back-decades/> (accessed: 15.11.2023).

²⁸ As partisan hostility grows, signs of frustration with the two-party system // Pew Research Center. 2022.09.08. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2022/08/09/as-partisan-hostility-grows-signs-of-frustration-with-the-two-party-system/> (accessed: 15.11.2023).

²⁹ Americans' trust in political system at new lows // Axios. 2023.19.09. URL: <https://www.axios.com/2023/09/19/poll-us-political-system-crisis-trust-unfavorable-pew> (accessed: 15.11.2023).

риканских граждан. Если нынешний поликризис социально-политической системы продолжится, он имеет шансы привести к новым вспышкам насилия, социально-экономическим катаклизмам и еще более глубокому кризису политической системы. Нынешний поликризис неизбежно приведет к трансформации и политической системы, и общества. Вопрос лишь, с каким знаком будет данная трансформация. При благоприятном раскладе возобладают новые эгалитарные силы, которые смогут сгладить острые углы возросшего неравенства, а также вернуть центристскую направленность американской политики. При негативном сценарии США будут скатываться во все больший хаос, который чреват социальными взрывами и подрывом американской демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // Полит. Политические исследования. 2014. № 4.

Пушкарева Г.В. Политические кризисы: содержание, виды и факторы эскалации // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2016. № 1.

Травкина Н.М. Администрация Дж. Байдена: шипы и розы обретения “нормальности” // США & Канада: экономика — политика — культура. 2022. № 4. С. 16.

Шубрт И. Размышления о понятии “Кризис” // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6 (36).

REFERENCES

America's economy is booming. Why aren't its bosses happier? // The Economist. 2023.29.10.

Americans' trust in political system at new lows // Axios. 2023.19.09.

Amid inflation, more middle-class Americans struggle to make ends meet // CNBC. 2023.18.01.

Angus Deaton on inequality: “The war on poverty has become a war on the poor” // The Guardian. 2023.07.10.

As partisan hostility grows, signs of frustration with the two-party system // Pew Research Center. 2022.09.08.

Decades of rising economic inequality in the U.S. // Economic Policy Institute. 2019.27.03.

Friedman G. The storm before the calm: America's discord, the coming crisis of the 2020s, and the triumph beyond. Doubleday, 2020.

Frizell S. Pollster's legs wobble after fawning Donald Trump focus group // The Time. 2015.25.08.

Gale W., West D. Is the US headed for another Civil War? // Brookings. 2021.16.09.

How the American middle class has changed in the past five decades // Pew Research Center. 2022.20.04.

If the economic statistics are good, why do Americans feel so bad? // USA Today. 2023.15.09.

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Krizis mnogopartijnosti v Rossii [The crisis of the multi-party system in Russia] // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2014. N 4 (in Russian).

Lilla M. The end of identity liberalism // The New York Times. 2016.18.11.

Lind M. Obama: Last of the “New Democrats”? // Salon. 2012.30.10.

Lipset S.M., Rokkan S. Party systems and voter alignments. N.Y.; L., 1967.

Mason L. “I Disrespectfully Agree”: the differential effects of partisan sorting on social and issue polarization // American Journal of Political Science. 2015. N 59 (1).

Nearly 80% of Americans think their children may end up with worse lives // Business Insider. 2023.24.03.

Pushkareva G.V. Politicheskie krizisy: sodержanie, vidy i faktory eskalacii [Political crises: content, types and factors of escalation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2016. N 1 (in Russian).

Seven in ten Americans say the country is in crisis, at risk of failing // Ipsos. 2022.03.01.

Shubrt I. Razmyshleniya o ponyatii “Krizis” [Reflections on the concept of “Crisis”] // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2014. N 6 (36) (in Russian).

Simon S., Stevenson J. The threat of civil breakdown is real // Politico. 2023.21.04.

Siripurapu A. The U.S. inequality debate // Council on Foreign Relations. 2022.20.04.

The polarization in today's Congress has roots that go back decades // Pew Research Center. 2022.10.03.

“They are preparing for war”: an expert on civil wars discusses where political extremists are taking this country // The Washington Post. 2022.08.03.

Travkina N.M. Administraciya Dzh. Bajdena: shipy i rozy obreteniya “normal'nosti” [Administration of J. Biden: thorns and roses of gaining “normality”] // SSHA & Kanada: ekonomika — politika — kul'tura. 2022. N 4. S. 16 (in Russian).

Tooze A. Welcome to the world of the polycrisis // Financial Times. 2022.28.10.

Why America's middle class is so stressed out: a week of big take // Bloomberg. 2023.08.07.

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-147-164

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ П.Е. КАЗАНСКОГО: НЕОГРАНИЧЕННОСТЬ И САМООГРАНИЧЕННОСТЬ САМОДЕРЖАВИЯ

М.Б. Смолин, канд. истор. наук, проф. кафедры истории и философии Московского государственного института культуры, ул. Библиотечная, д. 7, г. Химки, Московская обл., Российская Федерация, 141406*

Статья посвящена концепции социологии власти профессора Императорского Новороссийского университета Петра Евгеньевича Казанского (1866–1947), изложенной в капитальном исследовании “Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права” (Одесса, 1913).

Исследование это было посвящено верховной власти, которая при любом политическом принципе существует всегда одна в государстве. Речь в исследовании идет о верховной государственной власти, о ее проявлениях в различных областях государственного управления в период думской монархии. Книга посвящена традиции русской государственной власти, выяснению ее исторического места в обществе и государстве и ее властной деятельности. Профессор П.Е. Казанский утверждает, что император обладал не только исполнительной, законодательной или судебной властью, но обладал верховной властью, которая руководила деятельностью всех подчиненных управлений.

Ключевые слова: верховная власть, государство, Российская империя, император, управление, самодержавие, реформирование, государственный строй, верховное управление, закон, социальный слой.

SOCIOLOGY OF POWER P.E. KAZANSKY: UNLIMITED AND SELF-LIMITATION OF AUTOCRASHY

Smolin Michail B., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical Archives of the Moscow State Institute of Culture, st. Library, 7, Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141406, e-mail: fondiv@mail.ru

The article is devoted to the concept of power of the professor of the Imperial Novorossiysk University Pyotr Evgenievich Kazansky (1866–1947), described in the capital study “The Power of the All-Russian Emperor. Essays on the Current Russian Law” (Odessa, 1913).

* **Смолин Михаил Борисович**, e-mail: fondiv@mail.ru

This study was devoted to the supreme power, which, under any political principle, always exists alone in the state. The study deals with the supreme state power, its manifestations in various areas of public administration during the Duma monarchy. The book is devoted to the tradition of Russian state power, the clarification of its historical place in society and the state and its power activities. Professor P.E. Kazansky claims that the emperor possessed not only executive, legislative or judicial power, but also the Supreme Power of the Empire, which directed the activities of all subordinate departments.

Key words: *supreme power, state, Russian empire, emperor, administration, autocracy, reformation, state system, supreme administration, law.*

Неограниченность — неотъемлемая социальная характеристика русского самодержавия. Понятие весьма сложное, фактически существовавшее, даже когда его пытались удалить из терминологии Основных законов. В новых Основных законах 1906 г. эта характеристика оставалась только в 222-й статье: “Царствующий Император, яко неограниченный Самодержец, во всяком противном случае имеет власть отрешать неповинующегося от назначенных в сем законе прав и поступать с ним, яко преслушным воле Монаршей”.

Статья эта находилась в особой части Основных законов, в Учреждении об Императорской фамилии. Эта часть не подверглась изменениям при новой редакции, поэтому характеристика “неограниченный”, в этой статье и осталась.

Но от того, что предикат “неограниченный” был убран, суть и объем верховной власти Российской империи не изменился.

Как утверждал профессор П.Е. Казанский, “верховенство представляет положительное, а неограниченность — отрицательное выражение одного и того же правового установления”¹.

Собственно — неограниченность необходимое свойство любой власти, как демократической, так и аристократической и монархической. Если верховная власть становится юридически ограниченной чем-либо, она перестает быть верховной.

Поэтому свойство верховной власти, ее неограниченность, — предикат принципиально не отменяемый. Даже если юридически понятие неограниченности не употребляется в законодательстве, то фактически оно остается все равно за верховной властью, пока та не перестает реально ею быть.

К тому же надо сказать, что верховной властью становятся не вследствие какого-либо юридического акта, а в результате историче-

¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. Одесса, 1913. С. 627.

ских событий, когда эта власть становится фактически величайшей силой в государстве и в обществе, с которой никто не спорит.

Понятие неограниченности власти — синоним ее свободного волеизъявления, свободы ее действия, в том числе и ее свободного самоограничения. Свобода власти важна не столько для самого монарха, сколько для управления государством. Чем более свободна верховная власть, тем она более эффективно может преодолевать те трудности, которые встают перед государственным управлением.

В Российской империи юридически ограничить власть императора теоретически было возможно, но никто фактически не смог бы поддерживать ее ограничение. Никакой представительный орган не смог бы иметь опору для такого ограничения. Только революция и фактическая революционная сила была способна изменить это положение дел. Но здесь речь шла уже не об ограничении, а о появлении новой верховной власти взамен императорской.

В реалиях же Российской империи царская власть не знала рядом с собой никакой равной или высшей власти. Никакая другая общественная власть не способна была положить пределы, ограничения для исторического самодержавия.

Сам профессор П.Е. Казанский так формулировал разницу в предикатах “верховенство” и “неограниченность”: если “верховенство понимается как власть, стоящая над правом и над подзаконным управлением, то неограниченность есть отрицание всяких возможностей, при которых эта власть могла бы оказаться ниже какой-либо другой или хотя бы на одной плоскости с какой-либо другой, а в результате этого и подправной. Неограниченность есть действительно только отрицательное выражение верховенства”².

Либеральные и левые правоведы часто определяли Российскую империю как не правовое государство, на том теоретическом основании, что императорская власть не была подчинена существующим законам. Утверждение странное, так как любая форма верховной власти сама формирует законодательную базу своей власти. При демократии власть народа не подчинена каким-либо неизменяемым законам, она столь же самодержавна и не ограничена, потому что является верховной властью. Именем народа в республиках творят законы, а не наоборот.

В реальности дела обстояли следующим образом: “Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, издан-

² Казанский П.Е. Указ. соч. С. 640.

ных в установленном порядке”³ и “Обязательные постановления, инструкции и распоряжения, издаваемые Советом Министров, министрами и главноуправляющими отдельными частями, а также другими, на то законом уполномоченными, установлениями, не должны противоречить законам”⁴.

Будучи фактическим могуществом, власть императора была явлением юридическим и социальным, проявляясь в определенных юридических формах, и действуя на основании законов. Точно так же и верховенство императорской власти было закономерно прописано в имперском законодательстве.

Консервативные государствоведы поясняли, что из “неограниченности самодержавной власти русского Государя, — как утверждал профессор А.В. Романович-Славатинский, — не следует, что Его власть — власть деспотическая: самодержавная монархия и деспотия — два различных типа государства. В самодержавной монархии на первом плане цели и потребности народа, достигаемые и удовлетворяемые при помощи самодержавия; в деспотии — цели и потребности правителя, достигаемые и удовлетворяемые при посредстве народа. В последней нет положительного закона выше воли деспота; в монархии самодержавной существуют законы, непреложные и священные для Самодержца. Законы эти — основы народной жизни, интересы русской земли, ее международная честь, гордость и достоинство... Эта правда — благо русского народа и русской земли, служение ее внутренним преуспеяниям, ее внешней чести и неприкосновенности — что всегда составляло знамя наших лучших Самодержцев и что сливается с личными интересами их и династии. В чем же заключается гарантия от произвола лица, облеченного верховной самодержавной властью? Произвол монарха, — ограничивается только Его совестью, тем, что называется страхом Божиим, силой вещей, логикой событий. Гарантия заключается в положении Самодержца, возвышенном над всеми сословиями и партиями, в совершенной общности Его интересов с государственной пользой и благом народным”⁵.

Источником права, регламентирующим различные социальные проявления императорской власти не может быть какая-нибудь высшая власть, так как выше верховной власти императора в Российской империи не было. Так же не было и какой-либо ей рав-

³ Основные законы. Ст. 84. URL: <https://histrf.ru/read/articles/1906-izdaniie-osnovnykh-ghosudarstviennykh-zakonov-rossiiskoi-imperii-event>

⁴ Там же. Ст. 122.

⁵ Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Киев, 1886. С. 78–79.

ной власти и никаких договоров заключенных между ними. Точно так же не существовало и каких-либо договоров власти и народа, или другой группы, ограничивающей власть императора. Поэтому всходя на престол своих отцов, всероссийский император не приносил никакой присяги или какой-либо формулы обещания, даже и в отношении исполнения Основных законов. Основным законам не присягало ни правительство, ни депутаты представительных учреждений, ни сами подданные. Собственно поэтому имперские Основные законы и не были ограничивающей власть монарха конституцией, которую он не мог бы поменять.

Таким образом, источником юридических норм верховной императорской власти в России было ее свободное самоопределение или столь же свободное самоограничение.

Императорская власть ограничивала себя не внешними ограничениями, а внутренним нравственным образом. Законы Российской империи имели лишь нравственное значение для верховной власти, которая соблюдала их, пока была убеждена в их полезности и целесообразности для Российской империи. С потерей же такого убеждения законы менялись, так как императорская власть была сама волевым творцом права, стояла выше его и выше подзаконного управления.

В новых Основных законах 1906 г. императорская власть, по мнению профессора П.Е. Казанского, «получила более полную и стройную регламентацию, а, следовательно, и явилась и более самоопределенной, и более самоограниченной, чем было раньше, но было бы ошибкой думать, что ничего подобного раньше не было... в общем все осталось так, как было и раньше. Поэтому можно только пожалеть, что из Основных Законов вычеркнут исторический предикат власти Русского Императора — “неограниченная”, чем многие были введены в искушение. Надо помнить, что и в наших старых законах он означал только самоограниченная, но никогда не означал деспотическая или произвольная. Выражение “самоограниченная власть” — то же самое, что выражение “неограниченная власть”, и в этом отношении нет никакого различия между старым строем России и строем обновленным. И теперь, как было прежде, нет органов, которые разделяли бы по собственному праву с Государем Императором Его Верховную Власть, нет и власти выше Царской или равной ей, нет и норм для Него внешне обязательных. И при обновленном строе Монарх остается единственным Носителем Верховной Власти, а значит, и неограниченным»⁶.

⁶ Казанский П.Е. Указ. соч. С. 657, 658.

Несомненно, законодательная власть императора в Основных законах 1906 г. себя самоограничила совместным действием с представительными учреждениями, но там же прописана и статья 4, говорящая о том, что власть во всем объеме принадлежит императору. Верховная власть осталась за императором, который самоограничил себя в области законодательства, совместной деятельностью с Государственной Думой и Государственным Советом.

Мог ли император убрать из законодательства свое самоограничение? Вполне мог, так же как он 3 июня 1907 г. поменял избирательное право для представительных учреждений.

При всем при этом императорская власть носила правовой и социальный характер, так как любое его решение выливалось в законных формах, прописанных правом.

Собственно, любое правовое определение верховной власти есть ее самоограничение, разграничивающее формы ее проявления. Но такое разграничение вовсе не стесняет ее верховенства и право изменить существующий порядок согласно своей воли.

В области правообразования, если между императорской властью и представительными учреждениями не достигалось единства во мнениях, то верховная власть осуществляла свою волю через Высочайшие указы с помощью другого пути правообразования. А также имела полное право распустить Государственную Думу.

К тому же существовала статья 87, по которой “Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно”. Иными словами, была возможность принимать законодательные решения без Государственной Думы.

Собственно законодательные права народного представительства сами были основаны на тех законах, которые даровала императорская власть, а не на принципе суверенитета избирателей или самих палат. Основные законы 1906 г. ограничили понятие закона, оставив за представительными учреждениями возможность определять лишь содержание закона, но не законодательствовать.

Иначе говоря, представительные учреждения участвовали лишь в подчиненном законодательстве, в котором они действовали в единении с императором. Это был один из законодательных путей в Российской империи. Император же осуществлял верховное законодательство или учредительное законодательство.

Единение власти и народа как социальная свобода и нравственное самоограничение

Профессор П.Е. Казанский особо подчеркивает, что императорская власть была не только юридическим установлением, но историческим, жизненным фактом социальной жизни русского народа.

Будучи неограниченной юридически, императорская власть была безусловно ограничена физическими возможностями самого императора, а также исторической и социальной обстановкой, накладывающей ограничения даже на самых могущественных монархов.

Но кроме этого профессор П.Е. Казанский находит ограничения императорской власти в области духовно-психологической, “в национальных стремлениях русского народа и в его религиозно-нравственных идеалах”. “Было бы крупной ошибкой, — утверждал маститый государствовед, — если бы мы, увлекаясь юридическими формулами, просмотрели то, что главным основанием и двигателем жизни является не право, а национальное самосознание, религия и нравственность. Само право только постольку имеет значение, поскольку ему дает освящение нравственность. Право играет в жизни великую, но не всеобъемлющую роль, являясь национальным созданием народа. Одно и то же юридическое установление может иметь в действительности самое различное значение в зависимости от того содержания, которое вкладывают в него национальная жизнь и народная нравственность. Религиозные заповеди глубже проникают в психологию народа, чем внешне обязательные правила права”⁷.

По его мнению, в царствование императора Николая II была выдвинута на первый план важная идея — единение царя и народа. В высочайших манифестах и других верховных волеизъявлениях этой эпохи неоднократно об этом говорится: “Господь Вседержитель да ниспошлет благословение на Царственный труд Наш и да поможет Он Нам, при тесном единении всех сынов отечества, исполнить Наши помышления об усовершенствовании государственного порядка установлением прочного строя местной жизни как главного условия преуспеяния Державы Нашей на твердых основах веры, закона и власти”⁸.

⁷ Казанский П.Е. Указ. соч. С. 685, 686.

⁸ Высочайший манифест 26 февраля 1903 года. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1903_02_26_01

“Пусть установится, как было встарь, единение между Царем и всей Русью, между Мной и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам”⁹.

“Государство Российское созидалось и крепло неразрывным единением Царя с народом и народа с Царем. Согласие и единение Царя и народа, великая нравственная сила, созидавшая Россию в течение веков, отстоявшая ее от всяких бед и напастей, и является донныне залогом ее единства, независимости и целостности, материального благосостояния и развития духовного в настоящем и будущем”¹⁰.

Идея единения власти и народа была заложена в самих Основных законах 1906 г. Статья 7 говорила о единении в законодательном деле власти и народных представителей.

Эта старая русская идея, которая под пером различных писателей формулировалась по-разному.

Славянофилы, в лице И.С. Аксаков говорили о “союзе земли и государства”¹¹ предлагая возродить Земские соборы.

Великий писатель Ф.М. Достоевский писал, что ведущей национальной силой, является “живая связь народа с Царем своим”¹².

Эту точку зрения разделяли самые разные люди. Такой либеральный по своей сути юрист, как К.Д. Кавелин, утверждал, что единственной гарантией правильных действий власти является “искренняя любовь Государя к России, знание и правильное понимание Им дела и интересов династии, с целостью и сохранностью которой неразрывно связано правильное развитие государственной и народной жизни”¹³.

Классический консерватор, М.Н. Катков, настаивал, что великая сила, создавшая Россию, есть единодушная преданность престолу и чувство «“абсолютного” единства с Царем»¹⁴. Великий богослов XIX столетия, Святитель Филарет (Дроздов) провозглашал “Святость власти и союз любви между Государем и народом”.

⁹ Речь Государя Императора к депутации земских и городских деятелей 6 июня 1905 года. URL: <https://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html>

¹⁰ Высочайший манифест 6 августа 1905 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3081/>

¹¹ Аксаков И.С. Сочинения. М., 1886. Т. 5. С. 78.

¹² Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1881, январь // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 11. СПб., 1891. С. 504.

¹³ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. II. СПб., 1904. С. 942.

¹⁴ Катков М.Н. О Самодержавии и конституции. М., 1905. С. 47, 37–38.

Единение не мыслилось в ограничении власти Царя, а в религиозно-нравственном единстве ради общего блага государственного развития.

Профессор П.Е. Казанский видел подобное единение в нескольких аспектах: создании национальной правящей династии, установлении фактического общения царя и народа и в религиозном освящении царской власти Православной церковью.

Для монархических династий в России их внутренним личным стержнем была диктатура религиозной совести — идеала монархического властвования, составлявшего реальное самоограничение для юридически неограниченной царской власти.

Пресечение каждой династии в истории России ознаменовывалось величайшими социальными трагедиями, кровавыми смутами и революциями. Из государства русского при отсутствии царской власти как бы изымался главнейший орган нравственной правды и социальной справедливости, и все здание Русского мира рушилось на глазах.

Прекращение династии так же пагубно действует на единение власти и народа. Нация, теряя правящую династию, остается в ситуации смуты, борьбы всех против всех за власть и чувствует свое государственное сиротство.

Вековая связь, переходящая в родственность подчинения и властвования, при династии устанавливается глубже и сильнее. На каждого представителя династии народ распространяет свое отношение, выработанное еще его предками.

Связь между народом и властью в монархическом государстве всегда более глубока и значима, нежели в государстве республиканском. Естественная неподкупность и независимость наследственного монарха ставит его власть выше всех национальных, религиозных и прочих социальных противоречий государства, делая ее одинаково близкой для всех подданных.

Принцип династичности хорошо показывает, что монархическая форма властвования не делает абсолютной ставки на способности личности, как это делает диктатура, а напротив, опирается на силу самого политического идеала. Важнее, чтобы монарх был реальным, характерным представителем народного духа, чем интеллектуалом или гением, что является делом случая.

В монархической системе хорошо заметно психологическое воздействие места на лицо его занимающего. Даже не вполне готовое лицо, в силу ли личных способностей или малого возраста, самой царской “должностью” невольно становится выше самого себя. На-

прягает те стороны своих душевных и интеллектуальных сил, которые требуются для функционирования на этой службе.

Для наследственного монарха прошедшее, настоящее и будущее государства — это неразрывное целое, глубоко связанное с исторической работой его семьи, династическими планами и расчетами его предшественников. Династичность несет, прежде всего, стабильность для общества и способна олицетворять саму национальную историю. Поколения династии связаны с поколениями народа неразрывной исторической деятельностью на благо Отечества.

Даже если династия пресекается, то, как в 1613 г., нация стремится к продолжению монархии как бы через усыновление. При смене династии на другую после Смуты главной заботой людей, восстановивших монархию, было не столько кровное родство Романовых, сколько религиозно-нравственная преемственность новой династии старым Рюриковичам. В этом и есть глубочайший смысл династичности, непрерывности власти, когда новый государь из новой династии является лишь продолжателем и хранителем традиции властвования всех своих предшественников на протяжении многих столетий.

Для наследственной монархии религиозно-нравственная составляющая очень важна. В Российской империи православная вера была “первенствующей и господствующей”¹⁵. Исходя из этого, власть брала на себя некоторые религиозные самоограничения ради единства с русским народом: “Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедывать никакой иной веры, кроме Православной”¹⁶. А также и дополнительные религиозно-общественные обязанности: “Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния”¹⁷. В знак принятия на себя этих религиозно-нравственных обязанностей во время коронования император читал Символ православно-кафолической веры.

Династическая наследственность ставила монарха выше всех социальных и иных многообразий государства, выше партий и веяний времени. Он правил по факту своего рождения как наследник престола. Ему не нужно было превозноситься перед гражданами своими талантами, чтобы завоевать популярность. Монарх — носитель традиции, наследник власти целой династии. Приход его к

¹⁵ Основные законы. Ст. 62.

¹⁶ Там же. Ст. 63.

¹⁷ Там же. Ст. 64.

власти не мог затрагивать ничьего самолюбия, он исторически естественен, в силу легитимного престолонаследия.

Для всех социальных слоев, богатых, знатных, простых или бедных, монарх и его верховное положение не зависят от своекорыстия или пристрастности. Не принадлежа сам ни к какому сословию, монарх видит благо государства в общем социальном благополучии, в силу династического долга и простого династического расчета.

Династичность есть важнейшая часть монархической доктрины, которая устраняет не только элемент поиска законной власти, но и даже просто согласия или желания на власть. Факт рождения становится обязанностью по несению власти.

Династичность развивает не столько веру в способность той или иной личности властвовать, сколько веру в сам монархический идеал. Одновременно она настраивает монарха на продолжение дела своих царственных предков, а также и народ воспитывает в следовании традициям предыдущих поколений.

Не менее важный вопрос единения — каким образом установить фактическое общение между царем и народом. Этот вопрос обсуждался в русской политической литературе весьма основательно.

Как писал Л.А. Тихомиров, «Монархия состоит в единоличном выражении идеи всего национального целого, а чтобы это могло быть фактом, а не вывеской, необходимы известная организация и система учреждений»¹⁸.

Органами общения с национальными силами, должны быть не только представительные учреждения, но и вся государственная организация.

По Основным законам Российской империи единение царя и народа освящается и со стороны Православной церкви. В примечании к статье 58 мы читаем о том, что император после совершения священного обряда коронования и миропомазания, коленопреклоненно молится «да наставит Его, вразумит и управит в великом служении, яко Царя и Судию Царству Всероссийскому, да будет с Ним приседящая Божественному престолу премудрость, и да будет сердце Его в руку Божию, во еже вся устроить к пользе врученных Ему людей и к славе Божией, яко да и в день суда Его непостыдно воздаст Ему слово».

В монархической доктрине эти молитвенные слова почитаются «клятвенным обетом», который налагает на себя император в своем служении общему народному благу.

¹⁸ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Ч. 4. Монархическая политика. М., 1905. С. IV.

Тот же смысл находим и в присяге наследника престола, когда он становится совершеннолетним и молитвенно просит наставить и вразумить его в “великом служении, мне предназначенном”.

«Отсюда истекает, — как утверждал поздний славянофил Д.А. Хомяков, — тот чисто нравственный (а потому “священный”) характер, который имеет в глазах русского народа Самодержавие... Царь, царствуя, почитается совершающим великий подвиг, подвиг самопожертвования для целого народа. Начало принуждения, неизбежное в государственном домостроительстве (хотя, конечно, не в нем одном заключается суть государственного союза), служащее в нем орудием осуществления высшего идеала, то есть сверхгосударственного, начало — неблагое и поэтому претящее непосредственно каждому отдельному человеку, составляющему народ, и особенно русский. Тот, кто берет на себя, на пользу общую подвиг орудования “мечом” и тем избавляет миллионы от необходимости к нему прикасаться, конечно, по идее (не всегда на деле) — подвижник, положивший душу свою за други свои: “больше же любви никто же иметь”. Поэтому Царь представляется народу выразителем начала любви к нему, любви по возможности абсолютной; а это, конечно, функция священная, и сам Царь священен, как проявитель этого священного начала. Власть, понятая как бремя, а не как “привилегия”, — краеугольная плита самодержавия христианского, просветленного и тем отличного от, так сказать, стихийного, восточного самодержавия. Священность власти как института вообще не имеет отношения к вопросу о значении самодержавия как такового. Но самодержавие священо, так сказать, из себя, и эта его священность, как идея, возможна лишь там, где все и каждый видят во всяческой власти лишь бремя, а не вкусили “прелести” ее»¹⁹.

К этому надо присовокупить и присягу верноподданного при восшествии на престол очередного императора. Хотя профессор П.Е. Казанский и возражает против того, что именно в присяге народ признает императора своим правителем, но “тем не менее присяга для лиц верующих содержит в себе религиозное подтверждение гражданской обязанности подданного, для остальных она есть по меньшей мере торжественное обещание, которое должен свято хранить каждый. Религиозного и нравственного значения ее отрицать невозможно”²⁰.

Присяга на верность подданства является не только религиозной клятвой, но и выясняет обязанности верноподданного: верной

¹⁹ Хомяков Д.А. Самодержавие. (Опыт схематического построения этого понятия). М., 1903. С. 40, 41.

²⁰ Казанский П.Е. Указ. соч. С. 716–717.

службы, повиновения, не щадя своей жизни, оберегание прав и преимуществ императора, споспешествование службе и пользе государственной, не допущения ущерба власти императора, охранение государственной тайны и не преступление против своей службы императору и против присяги.

Многими русскими консерваторами присяга считалась либо нравственным причастием власти государя (Л.А. Тихомиров), либо самой конституцией, политическими обязанностями русских граждан (М.Н. Катков).

Союз царя и народа скреплялся клятвенным обетом императора к пользе врученных ему людей, присягой самих верноподданных и священным коронованием и миропомазанием императора. Последний церковный обряд по-особому подчеркивает единение царя со своей землей и со своим народом.

“Основания обряда священного коронования и миропомазания, как толкует наша Православная Церковь, заключаются в следующем: 1) чтобы перед лицом всего народа показать, что Государь — помазанник Божий, что власть его — божественного происхождения, а самая особа его священна и неприкосновенна; 2) что ранг его — единственный в государстве, превыше и превосходнее всех других, что символически явствует из императорских регалий, в которые он облачается, — трона, короны, порфиры, скипетра и державы, и Царских регалий — Мономаховой шапки и барм, — которые лежат перед ним; 3) чтобы Государю призвать как на себя, так и на народ свой милость Божию; 4) чтобы таинством коронования запечатлеть союз Монарха с народом; 5) чтобы укрепиться молитвой в важном и трудном деле управления государством”²¹.

Законодательство Российской империи особо подчеркивало религиозно-нравственный статус императора: “Особа Государя Императора священна и неприкосновенна”²².

Священное значение царской власти хорошо понималось многими консервативными авторами. Так, старший сын знаменитого основателя славянофильства Д.А. Хомяков писал, что верховная власть императора освящается «самим ее призванием — носительницы народной тяготы: “Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов”. Носитель же общей тяготы не сугубо ли исполняет этот закон и этим святится?»²³.

О священном историческом значении власти русских царей в том же духе говорил и известный писатель В.В. Розанов: «Как в

²¹ Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. С. 124.

²² Основные законы. Ст. 5.

²³ Хомяков Д.А. Указ. соч. С. 33–34.

истории народа, бытие которого не ограничивается этнографическим существованием, есть, несомненно, провиденциальный характер — этот провиденциальный характер имеет и власть Монарха, концентрирующая в себе смысл истории. Отсюда взгляд на него как на “помазанника Божия”, представление о власти его как о “милости, от Бога полученной”. И весь народ “помазан” к истории Богом; он — есть, продолжается, совершает деяния, а не остается в грязи неведения, молчания, забвения вовсе не бедными дарами своими, не сцеплением внешних обстоятельств, но Тем, Кто распределяет дары, сцепляет их с обстоятельствами»²⁴.

При таком взгляде на верховную власть для нее обязательны предписания христианской нравственности, которые религиозно ограничивают юридически неограниченное самодержавие. Этический монархизм ставит превыше всего нравственный идеал правды в государственной жизни. И этим идеалом ограничивает проявления своей верховной власти. Царская прерогатива действия по совести ставит правду выше закона и для монархии это неустрашимая форма деятельности. Без нее монархия не существует, как верховная власть, как диктатура совести.

«Императорская Власть, — настаивал профессор П.Е. Казанский, — является главным моральным центром народа. Около нее отлагается целый мир нравственно-политических идей и чувствований: почитания, граничащего с обожествлением (“Бог на небе, Царь на земле”), долга, готового на самопожертвование, на жертву жизнью (“лягу за царя, за Русь”), любви, равной любви к отцу (“Царь-батюшка”). Около него постоянно на страже душа народная с ее лучшими надеждами на будущее, с уверенностью в настоящем. В Царе то духовное начало, которое объединяет весь народ, поддерживает моральное равновесие в нации.

Только единоличная Верховная Власть может иметь подобное нравственное обаяние... Словом, Императорская Власть — одно из величайших установлений русской народной нравственности. Русский народ не знает на земле ничего более высокого и святого, как власть Царя. Она для него воплощение возможной для людей справедливости, неиссякаемый источник добра... В этом мистическая сторона Царской Власти. Царь — последнее прибежище для несчастного, последняя надежда для несправедливо угнетаемого»²⁵.

Столь высокий идеал властвования заточен на задачу вести всех к исполнению долга, следованию общей правде. В своих действи-

²⁴ Розанов В.В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912. С. 48–49.

²⁵ Казанский П.Е. Указ. соч. С. 736.

ях верховная власть сама становится органом этой правды, судьей социальных столкновений и примирителем сторон на основании высшей справедливости.

Монарху нет надобности стремиться к личному богатству, все потребности его и его семьи и так, безусловно, обеспечены. Всероссийский император в то же время является и русским царем. Он может посвятить себя высшему служению Родине, без всякой корысти, преследуя в своей политике интересы своего народа, с которым он связан и религиозно, и национально.

Как выразителю духа нации “Монарху, как человеку, — как утверждал Л.А. Тихомиров, — невозможно быть одновременно православным, католиком, протестантом, магометанином, буддистом, русским, поляком, татариним и т. д., чтобы выражать дух различных своих народов. Чтобы в таком разнородном государстве возможна была монархия, необходимо преобладание какой-либо одной нации, способной давать тон общей государственной жизни и дух которой мог бы выражаться в Верховной Власти.

Само по себе существование племенных особенностей не только не вредит единству государства, а даже служит полезным источником разнообразия национального и государственного творчества. Но необходимо, чтобы при этом была некоторая общая сила, сдерживающая племенные и вообще партикуляристские тенденции. К такой роли преобладающая нация должна быть, конечно, способна по своим свойствам”²⁶.

Подчинение воли монарха вовсе не есть рабское начало. Легитимность монархической власти зиждется на глубоком народном чувстве, что монарх есть представитель внутреннего содержания самой нации, что его воля проистекает из единого национального источника понимания, что потребно для самого народа в его земном существовании.

“Монарх, — писал профессор П.Е. Казанский, — есть живой символ государства, личная конкретизация, воплощение государства Русского не в силу постановлений русского права, а в силу исторической связи Царя с народом. Ввиду того же, что Он является представителем государства, право возлагает на него разные функции, обыкновенно, по существу своему верховные и нередко правом подробно регламентированные... Монарх есть больше, чем физическое лицо. Он есть Величество, то Великое целое, которое в Нем воплощается. В этом смысле Монарх считается единственным действительным представителем всего народа”²⁷.

²⁶ Тихомиров Л.А. Указ. соч. Вып. IV. С. 291–292.

²⁷ Казанский П.Е. Указ. соч. С. 752.

В этом смысле император является хранителем русского государства и одновременно воплощением этого государства, а также и активным самосознанием народа, воплощенным в одном лице.

Как утверждал Н.Я. Данилевский, «Нравственная особенность русского государственного строя заключается в том, что русский народ есть цельный организм, естественным образом, не посредством более или менее искусственного государственного механизма только, а по глубоко вкоренному народному пониманию, сосредоточенный в его Государе, который, вследствие этого, есть живое осуществление политического самосознания и воли народной, так что мысль, чувство и воля Его сообщаются всему народу процессом, подобным тому, как это совершается в личном самосознательном существе. Вот смысл и значение русского самодержавия, которое нельзя поэтому считать формой правления в обыкновенном, придаваемом слову “форма” смысле, по которому она есть нечто внешнее, могущее быть измененным без изменения сущности предмета, могущее быть обделанным, как шар, куб или пирамида, смотря по внешней надобности, соответственно внешней цели. Оно, конечно, также форма, но только форма органическая, то есть такая, которая не разделима от сущности того, что она в себе носит, которая составляет необходимое выражение и воплощение этой сущности. Такова форма всякого органического существа, от растения до человека. Посему и изменена или, в настоящем случае, ограничена такая форма быть не может. Это невозможно даже для самой самодержавной воли, которая, по существу своему, то есть по присущему народу политическому идеалу, никакому внешнему ограничению не подлежит, а есть воля свободная, то есть самоопределяющаяся»²⁸.

Царская власть многими консервативными мыслителями воспринималась как институт охранения души народа. Институт, исторически прошедший вместе с нацией все перипетии побед и поражений, славы и бесчестия, в котором он строил настоящее, исходя из прошлого и имея ввиду будущее своего народа.

Таким образом, социологическое учение профессора П.Е. Казанского о единении власти и народа выводилось из способности сочетать социальную свободу с исторически сложившейся неограниченностью и нравственной самоограниченностью самодержавия.

²⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1889. Издание 4. С. 501–502.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксаков И.С.* Сочинения. М., 1886. Т. 5.
Высочайший манифест 26 февраля 1903 года. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1903_02_26_01
Высочайший манифест 6 августа 1905 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3081/>
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1889. Изд. 4.
Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1881, январь // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 11. СПб., 1891.
Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. II. СПб., 1904.
Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. Одесса, 1913.
Катков М.Н. О Самодержавии и конституции. М., 1905.
Основные законы 1906 года. URL: <https://histrf.ru/read/articles/1906-izdaniie-osnovnykh-ghosudarstviennykh-zakonov-rossiiskoi-impierii-event>
Речь Государя Императора к депутации земских и городских деятелей 6 июня 1905 года. URL: <https://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html>
Розанов В.В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912.
Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Киев, 1886.
Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905.
Хомяков Д.А. Самодержавие. (Опыт схематического построения этого понятия). М., 1903.

REFERENCES

- Aksakov I.S.* Sochineniya. M., 1886. T. 5 (in Russian).
Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. SPb., 1889. Izd. 4 (in Russian).
Dostoevskij F.M. Dnevnik pisatelya. 1881, yanvar' [Diary of a writer. 1881, January] // Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij. T. 11. SPb., 1891 (in Russian).
Homjakov D.A. Samoderzhavie. (Opyt skhematiceskogo postroeniya etogo ponyatiya) [Autocracy. (The experience of the schematic construction of this concept)]. M., 1903 (in Russian).
Kavelin K.D. Sobranie sochinenij [Collected Works]. T. II. SPb., 1904 (in Russian).
Katkov M.N. O Samoderzhavii i konstitucii [On Autocracy and the Constitution]. M., 1905 (in Russian).
Kazanskij P.E. Vlast' Vserossijskogo Imperatora. Ocherki dejstvuyushchego russkogo prava [The Power of the All-Russian Emperor. Essays on current Russian law]. Odessa, 1913 (in Russian).
Osnovnye zakony 1906 goda [The basic laws of 1906]. URL: <https://histrf.ru/read/articles/1906-izdaniie-osnovnykh-ghosudarstviennykh-zakonov-rossiiskoi-impierii-event> (in Russian).

Rech' Gosudarya Imperatora k deputacii zemskih i gorodskih deyatelej 6 iyunya 1905 goda [The speech of the Sovereign Emperor to the deputation of zemstvo and city leaders on June 6, 1905]. URL: <https://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html> (in Russian).

Romanovich-Slavatinskij A.V. Sistema russkogo gosudarstvennogo prava v ego istoriko-dogmaticheskom razvitii, sravnitel'no s gosudarstvennym pravom Zapadnoj Evropy [The system of Russian state law in its historical and dogmatic development, compared with the state law of Western Europe]. Kiev, 1886 (in Russian).

Rozanov V.V. O podrazumevaemom smysle nashej monarhii [On the implied meaning of our monarchy]. SPb., 1912 (in Russian).

Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical statehood]. M., 1905 (in Russian).

Vysochajshij manifest 26 fevralya 1903 goda [The Supreme Manifesto on February 26, 1903]. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1903_02_26_01 (in Russian).

Vysochajshij manifest 6 avgusta 1905 goda [The Supreme Manifesto on August 6, 1905]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3081/> (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-165-192

ФЕНОМЕНЫ ПРОПАГАНДЫ И КОНТРПРОПАГАНДЫ В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Е.В. Дорцева, ст. преп. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена детальному социологическому анализу феноменов пропаганды и контрпропаганды, которые являются главными инструментами управления информацией, контроля над общественным мнением, поведением, системой взглядов и представлений людей. Современная пропаганда — сложный и многогранный социально-политический феномен, представляющий несомненный интерес для многих гуманитарных и социальных наук, в первую очередь психологии и политологии, но особенно актуален он для социологии.

Автор анализирует и сравнивает подходы двух выдающихся теоретиков, пионеров пропаганды — Г. Лассуэлла и Э. Бернейса. Так, приоритет введения термина “пропаганда” в широкий научный оборот принадлежит американскому политологу Гарольду Лассуэллу, разработавшему эффективную модель “организации пропаганды” в период Первой мировой войны. Этот ученый утверждал, что пропаганда — это “война идей по поводу идей”; она относится исключительно к “контролю над мнениями с помощью значимых символов, или, если выразиться конкретнее, хотя и менее точно, с помощью историй, слухов, сводок, изображений и других форм социальной коммуникации”. По мнению другого выдающегося теоретика Эдварда Бернейса, пропаганда в широком смысле этого слова — “механизм широкомасштабного распространения идей как совокупность организованных усилий по внедрению того иного убеждения или теории”.

В статье выделяется два основных подхода к трактовке термина “пропаганда”, различных по объему, а также по смысловому и ценностному наполнению. Первый из них — широкий и ценностно нейтральный, а второй — узкий и достаточно идеологизированный. В данном подходе превалирует акцент на классовом характере пропаганды, целевом внедрении посредством ее инструментов установок и ценностей конкретного (обычно — правящего) класса или его идеологии в массовое сознание.

Автор подчеркивает, что феномен пропаганды подразумевает под собой целенаправленный коммуникативный процесс передачи конкретной аудитории с помощью специальных средств и методов определенной (часто сконструированной) информации, способной оказать воздействие на ее мнение, установки, в конечном счете — на мировоззрение и последующее поведение. Выявление суц-

* Дорцева Елена Владимировна, e-mail: edortseva@mail.ru

ностных характеристик пропаганды, а также контрпропаганды позволяет создать более четкое представление о данном феномене.

На первых этапах научного анализа пропаганды ее часто трактовали как однородную деятельность, сочетающую различные элементы общественно-политической и культурной жизни. В настоящее время такая трактовка представляется упрощенной, если учесть постоянно растущее разнообразие материалов, распространяемых с помощью пропаганды. Таким образом, на практике происходит все более четкая дифференциация типов пропаганды по различным основаниям, которые автор детально анализирует. Особое внимание уделяется категории “социологическая пропаганда”, которой не всегда осознанно и правомерно оперируют некоторые исследователи — уместнее вести речь о социальной пропаганде или же культурной пропаганде, характер которой существенно отличается от пропаганды политической, но которую нельзя считать новым пропагандистским феноменом.

В статье обозначено предметное поле социологического анализа феномена пропаганды как в рамках общей социологии, так и специальной социологической теории — социологии пропаганды, обозначены перспективные его направления в электронно-цифровую эпоху.

Ключевые слова: информационно-пропагандистское противоборство, пропаганда, контрпропаганда, политическая пропаганда, пропаганда социальная и культурная, сущностные характеристики пропаганды, типология пропаганды, социологический анализ пропаганды.

THE PHENOMENA OF PROPAGANDA AND COUNTER-PROPAGANDA IN THE SYSTEM OF SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE

Dortseva Elena V., Senior Lecturer at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: edortseva@mail.ru

The article is devoted to a detailed sociological analysis of the phenomena of propaganda and counter-propaganda, which are the main tools for managing information, controlling public opinion, behavior, and the system of views and ideas of people. In the process of the formation of an electronic digital society, propaganda changes, but its essence, goals and objectives remain essentially unchanged. Modern propaganda is a complex and multifaceted socio-political phenomenon of undoubted interest for many humanities and social sciences, primarily psychology and political science, but it is especially relevant for sociology.

The author analyzes and compares the approaches of two outstanding theorists, pioneers of propaganda — G. Lasswell and E. Bernays. Thus, the priority for introducing the term “propaganda” into wide scientific circulation belongs to the American political scientist and social thinker Harold Lasswell, who developed an effective model for “organizing propaganda” during the First World War. Propaganda is a “war of ideas about ideas”; it refers exclusively to “the control of opinion by means of significant symbols, or, more specifically, although less precisely, by means of stories, rumors, reports, pictures

and other forms of social communication". According to another prominent theorist, Edward Bernays, "the mechanism of large-scale dissemination of ideas is propaganda in the broad sense of the word — as a set of organized efforts to introduce a particular belief or theory".

The article identifies two main approaches to the interpretation of the term propaganda, different in scope, as well as in semantic and value content. The first of them is broad and value-neutral, and the second is narrow and quite ideological. In this approach, the prevailing emphasis is on the class nature of propaganda, the targeted introduction, through its tools, of the attitudes and values of a particular (usually ruling) class or its ideology into the mass consciousness. The author emphasizes that the phenomenon of propaganda implies a targeted communicative process of transmitting to a specific audience, with the help of special means and methods, certain (often constructed) information that can influence its opinion, attitudes, and ultimately its worldview and subsequent behavior. To create a clearer idea of the phenomenon of propaganda is possible by highlighting its essential characteristics, which are outlined in this article. An integral element of propaganda is counter-propaganda — a specialized area of ideological activity, the content of which is to expose the goals, methods and arguments of hostile propaganda, and to neutralize ideological sabotage.

At the first stages of scientific analysis of propaganda, it was often interpreted as a homogeneous activity combining various elements of socio-political and cultural life. At present, this interpretation seems simplistic, given the ever-increasing variety of materials disseminated through propaganda. Thus, in practice there is an increasingly clear differentiation of types of propaganda on various grounds, which the author analyzes in detail. Particular attention paid to the category "sociological propaganda", which some researchers do not always consciously and legitimately operate. It is more appropriate to talk about social propaganda or cultural propaganda, the nature of which is significantly different from political propaganda.

The article outlines the subject field of sociological analysis of the phenomenon of propaganda both within the framework of general and special sociological theory — the sociology of propaganda, and outlines its promising directions in the electronic and digital era.

Key words: information and propaganda confrontation, propaganda, counter-propaganda, political propaganda, social and cultural propaganda, essential characteristics of propaganda, typology of propaganda, sociological analysis of propaganda.

Информационно-пропагандистское противоборство, имеющее целью оказать заданное воздействие на психику, индивидуальное сознание и социальное поведение людей, применялось с Древнейших времен, в вооруженных столкновениях племен, а затем — в войнах традиционных государств. Так, «монгольский предводитель Чингисхан и карфагенский полководец Ганнибал еще до начала сражения преднамеренно распускали слухи о "новом секретном оружии" — боевых слонах, "огненных змеях", ядовитом дыме и т.д.»¹

¹ Монахов С., Мелешко В. История возникновения информационного воздействия // Армейский сборник. 2022. № 3. URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/386945/> (дата обращения: 12.12. 2023).

В современном обществе информационно-пропагандистское противоборство, часто отождествляемое с другими однотипными понятиями, в числе которых “информационная война”, “информационная борьба”, “информационное противодействие”², не только не утратило своего значения, наоборот — оно непрерывно и активно применяется в условиях и военного, и мирного времени. Безусловно, по поводу концептуализации и объема данных понятий ведутся многочисленные споры, однако не подлежит сомнению тот факт, что главным инструментом управления информацией, контролем над общественным мнением, поведением, системой взглядов и представлений людей является пропаганда.

В широком, общеупотребительном смысле пропаганда (от лат. *propago* — “распространяю”) — систематическая деятельность, направленная на распространение идей, взглядов, систем норм и ценностей в интересах организованной группы, имеющая целью изменение установок и мнений ее целевой аудитории с помощью различных способов, методов и инструментов. Отличительной особенностью пропаганды является то, что она воздействует на сознание и его глубокие элементы: эмоции, настроение, психологические переживания, установки, инстинкты.

Многие ученые считают, что пропаганда появляется с возникновением первоначальных форм социального взаимодействия людей, и связывают ее с процессом межличностной коммуникации, сопровождающимся психологическим внушением и навязыванием индивидами своих мнений друг другу³. В процессе становления информационного общества пропаганда видоизменяется в связи с появлением большего количества новых технических каналов своего функционирования, а также расширением сфер возможного применения. Тем не менее, сущность, цели и задачи пропаганды остаются в своей сути неизменными.

Современная пропаганда — сложный и многогранный социально-политический феномен, представляющий несомненный интерес для многих гуманитарных и социальных наук, в первую очередь психологии и политологии, но особенно актуален он для социологии. Анализ пропаганды именно с теоретико-методологических основ этой научной дисциплины, определение ее места в системе социологического знания позволят более емко и достоверно обосновать генезис и сущность данного злободневного явления и одновремен-

² См., например: Соловьев А.В. Информационная война, понятие, содержание, перспективы // Пространство и время. 2010. № 2. С. 76.

³ См., например: Siepmann C. The nature of propaganda. N.Y., 1969.

но — процесса, типологизировать ее формы, обозначить фокус и выделить наиболее перспективные направления социологических исследований. Кроме того, понятийный аппарат, к которому обращаются современные социологи, нуждается в четкой операционализации и однозначной, совершенной концептуализации.

Слово “пропаганда”, писал один из крупнейших специалистов по связям с общественностью, австро-американский пионер пропаганды Эдвард Луис Бернейс, “само по себе имеет определенное утилитарное значение, которое, подобно большинству вещей мире, становится хорошим или плохим только под воздействием традиции”. Так, в словаре Фанка и Вогнеллса⁴ он нашел четыре определения данного слова:

“1. Сообщество кардиналов, кураторов иностранных миссий; Колледж пропаганды в Риме, учрежденный папой Урбаном VIII в 1627 году для обучения священников-миссионеров; Священная коллегия Конгрегации пропаганды.

2. Отсюда — любая организация, план действий для распространения в обществе той или иной теории или системы.

3. Систематические усилия, направленные на получение общественной поддержки определенных взглядов или действий.

4. Принципы, внедряемые с помощью пропаганды”⁵.

Тогда очевидно, что пропаганда в своем начальном смысле была абсолютно законным видом деятельности. Любое объединение людей, будь оно социальное, религиозное или политическое, которое обладает определенными убеждениями заявляет о них в письменной и устной форме, занимается пропагандой. Следовательно, “пропаганда” в своем истинном значении — достойное слово с благородным происхождением и почтенной историей. Пропаганда становится злом и достойна осуждения лишь в случае, если ее авторы осознанно и намеренно распространяют заведомую ложь или же стремятся к действиям, наносящим урон общему благу⁶.

Приоритет введения термина “пропаганда” в широкий научный оборот в 1927 г. ученые единогласно отдают выдающемуся американскому политологу и социальному мыслителю Гарольду Лассуэллу. Сделал он это в своей знаменитой работе “Техника пропаганды в Первой мировой войне”⁷, которую позже, в 1938 г. переиздал под на-

⁴ Имеется в виду: Funk & Wagnalls new standard dictionary of the English language. N.Y.; L., 1915.

⁵ Бернейс Э. Пропаганда. СПб., 2023. С. 21–22.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Lasswell H.D. Propaganda technique in World War I. L.; N.Y., 1927.

званием “Техника пропаганды в мировой войне”⁸ и которую “можно рассматривать в качестве закладного камня, на котором в дальнейшем начинает выстраиваться здание теории коммуникации”⁹. Как отмечал сам Г. Лассуэлл в новом предисловии к переизданию, “у него возник замысел создания теоретической схемы исследования международных установок, позволяющей разработать эффективную модель организации пропаганды”¹⁰.

Этот исследователь утверждал, что слово “пропаганда”, ставшее обиходным относительно недавно, для многих приобрело злое звучание: “...мы живем в окружении большего, чем когда-либо прежде, количества людей, которых озадачивает, беспокоит и раздражает неведомое умение, по всей видимости их одурачившее и низведшее их на низшую ступень. Оно часто становится объектом поношения и, следовательно, интереса, обсуждения и, в конечном счете, исследования”¹¹.

Согласно Г. Лассуэллу, существуют три главных инструмента ведения операций против военного противника. Первым является военное давление (принуждающая мощь сухопутных, морских и военно-воздушных сил), вторым — экономическое давление (вмешательство в доступ к источникам сырья и материалов, рынкам, капиталу и рабочей силе). Третий инструмент — пропаганда (прямое использование внушения)¹². “Пропаганда пытается управлять мнениями и установками путем прямого манипулирования социальным внушением, а не путем изменения других условий в среде или в организме”¹³.

Однако, считал Г. Лассуэлл, пропаганда — лишь одно из множества средств, на которые приходится опираться. Масштаб ее влияния ограничен, хотя и важен. Под пропагандой имеется в виду не контроль над ментальными состояниями путем изменения объективных условий, таких как поставки сигарет или химический состав продуктов. Пропаганда не включает даже укрепление морального духа путем холодного и уверенного давления. Она относится исклю-

⁸ *Lasswell H.D. Propaganda Technique in The World War. N.Y., 1938. На русском языке: Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне / Сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2021.*

⁹ *Ефременко Д.В., Богомолов И.К. Анатомия пропаганды или “война идей по поводу идей” // Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне. С. 14.*

¹⁰ *Lasswell H.D., Giddens J.A. Introduction // Propaganda Technique in The World War with a New Introduction for the Gartland Edition by H.D. Lasswell. N.Y., 1972. P. IX.*

¹¹ *Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне. С. 50.*

¹² Там же. С. 55.

¹³ Там же. С. 54–55.

чительно к “контролю над мнениями с помощью значимых символов, или, если выразиться конкретнее, хотя и менее точно, с помощью историй, слухов, сводок, изображений и других форм социальной коммуникации”¹⁴ (курсив наш — Е.Д.).

Безусловно, особое значение пропаганда имеет во время ведения войны: “...в ходе войны именно значимость пропаганды для международных установок придает ей особую важность”¹⁵. “Во время войны во многом следует опираться на пропаганду, что содействует экономии продуктов питания, тканей, топлива и других благ и стимулирует вербовку в армию, занятость в военных отраслях, привлечение добровольцев для ухода за ранеными и покупку облигаций военного займа. Наиболее могущественная роль пропаганды, однако, состоит в том, чтобы мобилизовать сообщества по отношению к врагу, сохранить дружественные отношения с нейтральными и союзными странами, настроить нейтральные страны против врага и сломить непреступную стену вражеского сопротивления”. И далее: “Преднамеренное распространение идей, обеспечиваемое пропагандой, помогает преодолеть те психические сопротивления беззаветному участию в войне, которые появились с упадком личной преданности вождям. Мир — а не война — стал считаться нормальным состоянием общества. Есть идеологии, осуждающие войну как нечто само по себе дурное, либо как продукт ненавистного общественного строя. Пропаганда — это война идей по поводу идей”¹⁶, — заключал исследователь.

Другой значительной работой, появившейся через год после публикации книги Г. Лассуэлла, стала уже упомянутая выше “Пропаганда” Эдварда Бернейса¹⁷. По мнению этого исследователя, “механизм широкомасштабного распространения идей и есть пропаганда в широком смысле этого слова — как совокупность организованных усилий по внедрению того или иного убеждения или теории”¹⁸ (курсив наш — Е.Д.).

В результате целого ряда исследований этот автор пришел к выводу, что с помощью пропаганды “меньшинство обнаружило прекрасный способ влияния на большинство. Оказалось, что можно формировать мнение масс таким образом, что они будут направлять обретенные силы на нужные цели. В современной структуре

¹⁴ Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне. С. 54.

¹⁵ Там же. С. 55.

¹⁶ Там же. С. 57.

¹⁷ Bernays E. Propaganda. N.Y., 1928.

¹⁸ Бернейс Э. Пропаганда. СПб., 2023. С. 21.

общества такая практика неизбежна. Любые социально значимые действия — в политике, финансовой сфере, промышленности, сельском хозяйстве, благотворительности, образовании и других областях — должны сегодня предприниматься с помощью пропаганды. Пропаганда является исполнительным органом невидимого правительства”¹⁹.

Современная пропаганда, по мнению Э. Бернейса, — это последовательные продолжительные усилия, направленные на создание или информационное сопровождение событий с целью повлиять на отношение общественности к некоему мероприятию, мнению или коллективу²⁰. То, в какой мере пропаганда влияет на успех дела, может удивить даже сведущего человека²¹.

Пропаганда, как практика создания обстоятельств и образов в сознании миллионов людей, широко распространена. В настоящее время ни одно важное событие не обходится без нее, будь то строительство собора, пожертвование университету, выход кинофильма, выпуск крупного займа или выборы президента. Иногда на массы воздействует профессиональный пропагандист, иногда — любитель, которому доверили эту работу. Важно, что воздействие имеет всеохватный и постоянный характер, что в итоге позволяет управлять мельчайшими аспектами общественного мнения так же эффективно, как армия управляет телами своих солдат²².

Согласно Э. Бернейсу, пропаганда пронизывает все стороны нашей жизни и меняет наше представление о мире. Даже если это выглядит слишком пессимистично (что еще требуется доказать), такая точка зрения отражает неопровержимую реальность. В самом деле пропаганда используется все шире по мере того, как осознается ее эффективность в получении общественной поддержки²³. После войны пропаганда стала принимать иные формы, существенно отличавшиеся от тех, которые использовались двумя десятилетиями ранее. Эти новые методы можно справедливо назвать новой пропагандой²⁴. Новая пропаганда “принимает в расчет отдельную личность и даже не массовое сознание, анатомию общества в целом, со всеми ее пересекающимися группами и приверженностью определенным убеждениям. Она рассматривает человека не как простую

¹⁹ Бернейс Э. Пропаганда. С. 20.

²⁰ Там же. С. 29.

²¹ Там же. С. 26.

²² Там же. С. 30.

²³ Там же. С. 32.

²⁴ Там же. С. 34.

клетку социального организма, но как клетку, являющуюся частью общественного устройства. Стоит коснуться нервного окончания в чувствительной точке — вы получите автоматическую реакцию конкретных элементов организма”²⁵.

На разных этапах становления научного знания о феномене пропаганды особую роль в исследовании теоретико-методологических и научно-практических основ ее функционирования сыграли исследователи американской, немецкой и французской научных школ, занимавшихся общим исследованием общественного мнения и пропаганды. Особый вклад в изучение пропаганды осуществлен советскими и российскими учеными, который обобщен в специальных работах²⁶.

В настоящее время можно выделить два основных подхода к трактовке термина “пропаганда”, различных по объему, а также по смысловому и ценностному наполнению.

Первый из них — широкий и ценностно нейтральный. В его рамках под пропагандой (от лат. *propago* — “распространяю”) понимается “деятельность, состоящая в популяризации, распространении, внедрении идей, моральных норм, духовных ценностей, соответствующих интересам государства, религиозных конфессий, партий, общественных объединений в общественное, массовое сознание”²⁷. Пропаганда — “система деятельности, направленная на распространение знаний, художественных ценностей и другой информации с целью формирования определенных взглядов, представлений, эмоциональных состояний, оказания влияния на социальное поведение людей”²⁸. Пропаганда также трактуется как “распространение и внушение взглядов, идей, мнений с целью позитивно или негативно настроить аудиторию (любого состава — от нескольких человек до масс и даже общества в целом) и стимулировать ее реакции в желательном направлении”²⁹.

Тем не менее, в массовом сознании сформировано мнение о пропаганде как негативном компоненте деятельности государства. Ее воспринимают как намеренное введение в заблуждение населения относительно реального состояния экономических, политиче-

²⁵ Бернейс Э. Пропаганда. С. 35.

²⁶ См., например: Карепова С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4. С. 212–229.

²⁷ Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018. С. 296.

²⁸ Социологический энциклопедический словарь / Ред.-коорд. Г.В. Осипов. М., 1998. С. 271.

²⁹ Новая философская энциклопедия: В 4-х т. М., 2010. Т. III. С. 366.

ских и иных важных сфер государственной деятельности. Однако государственная пропаганда часто направляется на достижение общественно-полезных целей. К ним могут относиться пропаганда здорового образа жизни, исторической памяти, нравственного воспитания детей, противодействия терроризму, коррупции. Из этого следует, что пропаганда — явление многоаспектное, служащее механизмом распространения информации убеждающего воздействия в интерпретации и оценках заинтересованных групп³⁰.

В частности, отечественные исследователи А.Л. Бредихин и А.А. Удальцов утверждают, что пропаганда служит “механизмом распространения информации убеждающего воздействия в интерпретации и оценках представителей государственной власти. Пропаганду можно рассматривать и как способ осуществления управления государством, побуждающий добровольно соблюдать закон и следовать государственной политике, поэтому цели, поставленные перед пропагандой, в итоге могут реализовываться и в принудительном порядке”³¹. А.Н. Буховец также приводит нейтрально-оценочное понятие пропаганды, определяя ее как “доведение до населения основных идей, идеологических установок и стратегических задач, поддерживаемых государством с целью формирования к ним положительного отношения”³².

Второй подход — узкий и достаточно идеологизированный. В данном подходе превалирует акцент на классовом характере пропаганды, целевом внедрении посредством ее инструментов установок и ценностей конкретного (обычно — правящего) класса или его идеологии в массовое сознание. Отсюда определение: “...пропаганда — это распространение в массах идеологии политики определенных классов, партий, государств; средство манипуляции массовым сознанием”³³. Например, “цель коммунистической пропаганды — в превращении научных положений марксизма-ленинизма в идейные убеждения и практические действия масс”³⁴.

³⁰ *Тонгузаева Е.Н.* Государственная пропаганда как элемент реализации информационной политики // *Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека: Мат-лы VIII Междунар. науч.-практ. конф. аспирантов, преподавателей, практических работников.* Саратов, 2015. С. 198–200.

³¹ *Бредихин А.Л., Удальцов А.А.* Пропаганда как средство осуществления идеологической функции государства // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2020. № 3 (87). С. 10–14.

³² *Буховец А.Н.* Идеологическая функция государства: Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2002. С. 149.

³³ *Социологический энциклопедический словарь.* С. 271.

³⁴ См. подробнее: *Иванов В.Н.* Социология пропаганды: некоторые аспекты содержания // *Социологические исследования.* 1983. № 3. С. 18–23.

Тогда информационно-пропагандистские операции состоят из политических, военных, экономических, дипломатических и собственно информационно-психологических мероприятий, направленных на конкретные группы населения в целях внедрения чуждых им идеологических и социальных установок, формирования ложных стереотипов поведения, трансформации в нужном направлении их настроений, чувств, воли, склонения их к предательству, сдаче в плен или дезертирству. Пропаганда воздействует как на разум, так и эмоции людей. Этот вид воздействия всегда возникает там, где “складывается историческая потребность оправдать социальное неравенство, навязать массам некие, кому-то нужные общественные идеи”³⁵.

На наш взгляд, феномен пропаганды подразумевает под собой целенаправленный коммуникативный процесс передачи конкретной аудитории с помощью специальных средств и методов определенной (часто сконструированной) информации, способной оказать воздействие на ее мнение, установки, в конечном счете — на мировоззрение и последующее поведение.

Создать более четкое представление о феномене пропаганды позволит выделение ее сущностных, типических характеристик.

Во-первых, пропаганда — это и социально-политический феномен, и одновременно специфическая разновидность социально-коммуникативного процесса. И если ее рассматривать именно в этом качестве, то все структурные элементы линейной модели коммуникативного процесса Г. Лассуэлла в ней однозначно присутствуют. Однако значение этих структурных элементов в процессе пропаганды неодинаково, главную роль среди них получает элемент эффекта коммуникации (последствий коммуникационного воздействия, выраженных в изменении внутреннего состояния субъектов данного процесса, в их действиях и т.д.), поскольку специфической особенностью феномена пропаганды является ее “способность воздействовать”.

Во-вторых, процесс распространения пропаганды, в сущности, является особым информационным процессом, состоящим в передаче соответствующих сведений (сообщений), имеющих заданную интерпретацию³⁶. Основным материалом пропаганды является упорядоченный поток информации, передаваемый от коммуникатора

³⁵ Гуревич П.С. Пропаганда в идеологической борьбе: Учеб. пособие для вузов. М., 1987. С. 50.

³⁶ См. подробнее: Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М., 1981.

к реципиенту. В ходе пропагандистской деятельности коммуникантам передаются определенные сообщения, которые могут быть для них новыми или представлять собой относительно новую интерпретацию уже известных фактов. Но пропаганда является специфическим информационным процессом. Отличие пропаганды от других информационных процессов состоит в интерпретационном и эмоционально окрашенном характере сведений, содержащихся в пропагандистском сообщении. Таким образом, необходимым условием придания той или иной информации пропагандистского характера является ее соответствующая интерпретация³⁷.

В-третьих, пропаганда ставит перед собой цель «объяснить социальную ситуацию таким образом, чтобы люди поверили, что, решая проблемы в рамках данной социальной ситуации, они делают свободный выбор, тогда как любая другая (политическая) пропаганда служит целью социализировать их в уже и так построенное и “синхронизированное” общество»³⁸.

Своей конечной целью пропаганда имеет устойчивое изменение поведения социума за счет изменения его сознания в сфере восприятия определенных явлений. Для этого используются методы последовательного воздействия (информирование, убеждение и внушение), применяемые в соответствии с устоявшейся логикой этапов пропаганды и дополняющие друг друга на практике. Так, по форме пропаганда имеет вид убеждающего воздействия, но по сути актуализируется в основном посредством применения психологического метода внушения³⁹.

В-четвертых, объектом воздействия пропаганды, безусловно, может являться конкретный индивид или сообщество людей, однако преимущественным ее объектом является массовое сознание с учетом его специфики у отдельных социальных групп. Пропаганда направляется как на собственное население страны, так и на внешнего противника.

В-пятых, цели пропаганды устанавливаются априори. Пропаганде всегда сопутствует упор на осознанную целевую преднамеренность действий. Методология пропаганды заранее тщательно продумана и ведет отбор разнообразных “подходящих” фактов,

³⁷ Войтасик Л. Психология политической пропаганды. С. 98–99.

³⁸ Порецкова А.А. Концептуализация теоретических подходов к изучению политической пропаганды // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Вып. 2. С. 23.

³⁹ Науменко Т.В. Массовая коммуникация и методы ее воздействия на аудиторию // Философия общества. 2004. № 1. С. 105.

аргументов, не исключая лживых данных и целенаправленно использует их таким образом, чтобы усилить эффект и быстро продвинуться к искомой заинтересованной стороне цели⁴⁰.

В-шестых, неотъемлемым элементом пропаганды является контрпропаганда. Под контрпропагандой понимается специализированное направление идеологической деятельности, содержанием которой является разоблачение целей, методов и аргументов враждебной пропаганды, нейтрализация идеологических диверсий⁴¹.

Контрпропаганда опирается на правильное понимание реальных процессов действительности, присущих им противоречий, спекуляция на которых является излюбленным методом идейных противников. Обращая внимание на актуальные проблемы современности, нерешенные вопросы, имеющие место трудности, контрпропаганда дает необходимые сведения людям, увеличивая таким образом осведомленность и информированность. Особое значение в организации контрпропаганды приобретают оперативное политическое информирование масс, убедительность аргументов⁴².

На первых этапах научного анализа пропаганды ее часто понимали как однородную деятельность, сочетающую различные элементы общественно-политической и культурной жизни. Анализ этой деятельности проводился, например, в зависимости от следующих групп факторов:

- мотивов деятельности пропагандиста (преднамеренная или непреднамеренная пропаганда);
- применяемых методов (пропаганда с помощью прокламаций, газет, радио, телевидения и кино, через распространение слухов и т. д.);
- осознания целей пропаганды реципиентом (явная, скрытая или осознанная с запозданием пропаганда);
- тематического содержания (например, торговая, политическая, военная пропаганда и т.п.)⁴³.

В настоящее время такая трактовка представляется упрощенной, если учесть постоянно растущее разнообразие материалов, распространяемых с помощью пропаганды. Таким образом, на практи-

⁴⁰ Кареева С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4. С. 212–229.

⁴¹ Иванов В.Н. Социология пропаганды: некоторые аспекты содержания // Социологические исследования. 1983. № 3.

⁴² Там же. С. 18–23.

⁴³ Войтасик Л. Психология политической пропаганды. С. 45.

ке происходит все более четкая дифференциация типов пропаганды по различным основаниям.

Известно, что во многом характер содержания пропаганды определяется идеологией, лежащей в основе ее системы, а политические конструкты часто пронизывают все прочие типы пропаганды. В этом смысле можно говорить о доминирующей роли политической пропаганды в общей системе пропаганды.

В широком смысле под политической пропагандой обычно понимают деятельность по передаче политического сообщения с целью формирования нужной системы политических ценностей, выработки необходимого субъекту мнения о политических институтах и агентах, а также возможного призыва к активному социально-политическому действию. Политическая пропаганда — это “коммуникация, которая была разработана одной социальной группой с целью — повлиять на мнение, установки и поведение других. В такой пропаганде часто используют символизм и риторику, она обращена к эмоциональному и иррациональному аспектам нашего восприятия”⁴⁴.

Однако, несмотря на общие принципы механизма воздействия на аудиторию, политическая пропаганда имеет ряд существенных отличий. В первую очередь, это касается целей и задач пропагандистского воздействия, а также различия в субъектах и объектах пропаганды.

Главной целью политико-пропагандистской деятельности является перестройка или укрепление существующей системы общественно-политических ценностей людей. Задачами политической пропаганды являются укоренение в сознании масс и отдельного индивида мнений и взглядов, распространение идей и идеологии, интересующих пропагандиста, а также возможный призыв к социально-политическому действию (митинг, участие в выборах и др.), укрепление легитимности власти. При этом, данные задачи могут выступать не конечными, а служить промежуточным звеном для реализации последующих, порой очень амбициозных целей организованной группы, например, инициации государственных переворотов и революций⁴⁵.

Субъектом политической пропаганды может служить любая социальная группа, обладающая определенными социальными, экономическими или политическими рычагами влияния. Так, к субъектам

⁴⁴ См., например: *Лиллекер Д.* Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков, 2010. С. 228.

⁴⁵ См., например: *Осипова Н.Г., Елишев С.О.* Революции и государственные перевороты. Теория, история и практика. М., 2023.

политической пропаганды относятся все политические акторы: партии, лидеры, политические элиты, движения и организации, преследующие собственные интересы. Объектом политической пропаганды выступает определенная целевая аудитория, обладающая рядом объединяющих ее характеристик. Таковыми, например, служат возраст (молодежь), социальное положение (социальный класс), политические ценности, приверженность определенной идеологии (коммунисты, либералы, социал-демократы и т.д.).

Современные подходы к классификации типов пропаганды неоднозначные и достаточно дискуссионные. Общепринятой и широко известной является типология видов пропаганды в зависимости от источника и подлинности информации, когда пропаганда делится на “белую”, “серую” и “черную”. “Белая” пропаганда обычно ссылается на официальные источники и использует проверенные данные, не маскируя свои цели; “серая” пропаганда характеризуется тем, что ее источники информации не всегда указываются, используются как достоверные, так и недостоверные сведения, подтасовываются факты и мнения с целью навязать свои выводы и оценки; “черная” пропаганда нацелена на сокрытие подлинных источников информации⁴⁶.

Российский социолог С.Г. Кара-Мурза также утверждает, что пропаганду можно разделить на “белую”, “серую” и “черную”. Фактором, детерминирующим подобное разделение, также служит подлинность информации, а также ее источник. Соответственно, “белая” пропаганда характеризуется достоверностью информации и транслирующего ее источника. При “серой” пропаганде определить истинность и того, и другого сложнее. А “черная” пропаганда использует ложные факты и недостоверные источники информации⁴⁷.

Тем не менее, следует отметить, что пропаганда всегда основывается на реальных событиях, поскольку пропагандистское воздействие не может целиком основываться на выдуманной проблеме, факте или событии. Пропаганда лишь преобразовывает и интерпретирует реальную информацию, исходя из целей заинтересованного субъекта. Например, одно и то же событие, освещенное в различных источниках (видеорепортаж, статья), имеет различные способы кодирования и информации, а, следовательно, обладает разной степенью влияния на аудиторию.

⁴⁶ Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). URL: <http://www.evartist.narod.ru/text19/007.htm> (дата обращения: 02.07.2020).

⁴⁷ См. подробнее: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.

В зависимости от целей пропаганды исследователи выделяют позитивный (конструктивный) и негативный (деструктивный) виды пропаганды.

Особенностью конструктивной (позитивной) пропаганды выступает формирование социального согласия в контексте существующей ценностной системы. Подобная пропаганда основана на интересах объекта пропаганды, а не пропагандиста и реализуется с помощью двух функций: воспитательной и информативной, то есть не преследует цели манипулирования сознанием индивидов, тем самым отличаясь от деструктивной пропаганды. Как правило, ее целями являются обеспечение стабильности и гармонии в обществе, укрепление социальной гармонии, утверждение гуманистических убеждений в людях, формирование социально значимых качеств, объединение их вокруг общепризнанных ценностей.

Конструктивная пропаганда служит общественным интересам и выполняет три основные функции: воспитательную, информационную и защитную. Так, в контексте обострения духовно-идеологических отношений конструктивная пропаганда также занимается задачей защиты общества и личности от различных бесчисленных и деструктивных идей, обеспечения духовной безопасности общества, защиты духовного образа личности, создания идеологического иммунитета⁴⁸.

Деструктивная (негативная) пропаганда навязывает определенные взгляды, которые в дальнейшей перспективе должны привести к целям, преследуемым субъектами пропаганды. Пропаганда деструктивна, если связана с разжиганием розни, эскалацией социальных конфликтов, обострением социальных противоречий, формированием антигуманистических убеждений, погружением людей в трясину социального зла, конфронтацией друг с другом и аналогичными бесчеловечными интересами⁴⁹.

В отличие от конструктивной пропаганды, деструктивная пропаганда направлена на то, чтобы не дать людям объединиться вокруг идеи, лишить их интересов Родины и нации, подчинить их воле пропагандистов и групп, заинтересованных в пропаганде. По этой причине в большинстве случаев в ее ловушку попадают люди, не объективно оценивающие события и инциденты, неспособные анализировать факты и аргументы независимо и критически и верящие в высказанное мнение. Деструктивная пропаганда также применяется для выполнения ряда функций, в числе которых кри-

⁴⁸ Рустамов Р.Р., Тураева С.Х. Виды пропаганды, ее цели и задачи // Международный журнал "Вестник науки". 2020. № 11 (32). Т. 5. С. 58–63.

⁴⁹ Там же. С. 58–63.

тическая функция и функция создания иллюзорной реальности. Так, она стремится всесторонне критиковать неприемлемую для нее социальную систему, образ жизни, идеологию, систему ценностей, найти ее слабые места, представить существующие проблемы как необходимое следствие этой социальной системы. Деструктивная пропаганда пытается создать иллюзию социальной реальности, которая полностью отличается от нынешней ситуации, как если бы нормы и принципы социальной справедливости были определены⁵⁰.

Следует отметить, что некоторые ученые разделяют пропаганду на позитивную и негативную в зависимости от степени воздействия на эмоционально-волевую сферу массового сознания и по пробуждению эмоций у людей⁵¹. При конструктивной пропаганде те или иные убеждения доводятся до адресата ясно, с целью развития социального согласия и воспитания в рамках общепринятых норм и ценностей, она действует в интересах адресата, выполняя воспитательную и информационную функции. Данное воздействие не преследует цели манипуляции. Деструктивная же пропаганда нацелена на «разжигание всевозможной социальной вражды, обострение социальных конфликтов, содействие пробуждению противоречий в обществе и низменных инстинктов у людей, а также их разобщение, при этом делая человека послушным воле пропагандиста»⁵². Основная ее функция — «создание мнимой иллюзорной, параллельной реальности с «перевернутой» системой убеждений, ценностей и взглядов»⁵³.

К числу менее распространенных, но достаточно спорных следует отнести следующие основания для выделения видов пропаганды:

– по масштабу вовлечения аудитории выделяют ретильную и аксиальную пропаганду. Ретильная (сетевая, массовая) пропаганда имеет место тогда, когда взаимодействие осуществляется с широкой аудиторией и используются средства, рассчитанные на массовое воздействие. Аксиальная пропаганда означает взаимодействие со специально отобранной частью населения с помощью специальных средств⁵⁴;

⁵⁰ См. подробнее: *Рустамов Р.Р., Тураева С.Х.* Виды пропаганды, ее цели и задачи. С. 58–63.

⁵¹ *Цуладзе А.* Большая манипулятивная игра. М., 2000. С. 100–101.

⁵² *Патрухина Т.Н., Шламова Д.А.* Пропаганда: сущность научной дефиниции, подходы к классификации // Молодой ученый. 2015. № 3 (83). С. 305–306.

⁵³ *Цуладзе А.* Большая манипулятивная игра. С. 100–101.

⁵⁴ *Борщевский Г.А.* Связи с общественностью в органах власти: Уч. и практикум для бакалавриата и магистратуры. М., 2018. С. 50.

– по форме существования пропаганды выделяют прямую или явную, которая предполагает открытое использование публичных призывов, лозунгов, саморекламы и т.п. методов, и неявную, предполагающую косвенное методологическое влияние на людей с использованием иносказаний, метафор, скрытых намеков⁵⁵;

– по микро-целевой направленности психологического воздействия пропаганды на массовое сознание выделяют пропаганду созидания стойкости и героизма, пропаганду просвещения, пропаганду разрушения, пропаганду разделения, пропаганду устрашения, пропаганду отчаяния⁵⁶, хотя данные прилагательные более применимы к характеру пропагандистских сообщений, нежели к самому феномену.

На наш взгляд, особо следует остановиться на категории “социологическая пропаганда”, которой не всегда осознанно оперируют некоторые исследователи.

Действительно, в период холодной войны “экспорт культуры” и “экспорт образа жизни” были новым пропагандистским приемом, причем куда более эффективным, чем прямая пропаганда. Известно, что воздействие музыки как медиа на индивида колоссально, поэтому такое ее направление как рок стал в СССР типичным примером действия пропаганды, “которая никем не управляется извне, а, напротив, является самопроизвольной, глубоко законспирированной, неполитической, действующей не в лоб, а исподволь”⁵⁷.

Как отмечают исследователи, “рок-музыка представляла угрозу для советской идеологии, и, судя по накалу страстей, кипевшим вокруг нее, весьма немалую. Идеологическая борьба со стороны государства велась вначале с западной музыкой, а затем и с советским роком как музыкальным направлением, и достигла апогея в 1984 г., когда весь жанр фактически был поставлен под запрет. Рок как музыкальный стиль был опасен по той причине, что представлял культуру, экспортированную из западных стран и, в частности, из США, причем культуру, способную разрушать существующую идеологию и навязывать свою собственную картину мира”⁵⁸. Такого рода про-

⁵⁵ Борщевский Г.А. Связи с общественностью в органах власти...

⁵⁶ Киселев М.В. Психологические аспекты пропаганды // Информационный ресурсный центр “Пси-фактор”. URL: <https://psyfactor.org/propaganda7.htm> (дата обращения: 02.07.2023).

⁵⁷ См.: Социологическая пропаганда // Психологическая война: Сб. / Авт. предисл. и сост. А.Н. Николаев. М., 1972. URL: https://www.rc-analitik.ru/propaganda/teoriya_i_praktika_propagandy_hrestomatiya/vypusk__1_sociologicheskaya_propaganda/ (дата обращения: 12.12.2023).

⁵⁸ Там же.

паганда получила довольно нетривиальное название — социологическая пропаганда⁵⁹.

В последнее время получило распространение мнение, что это понятие было введено в произведении французского социолога Жака Эллюля “Пропаганды”⁶⁰. Однако если понимать данное словосочетание буквально, то для профессионального социолога оно является бессмыслицей. Исходя из этой лингвистической конструкции, можно предположить, что некие социологи занимаются пропагандой, и пропагандируют при этом, вероятно, достижения собственной науки. На самом деле введение этого научного термина в отечественный научный оборот — наглядный пример некорректного перевода и клишированного копирования ставшей в одночасье модной новации, неверно приписываемой Ж. Эллюлю. В переводе его известного труда на русский язык под названием “Феномен пропаганды”, который увидел свет совсем недавно, данный автор оперирует понятием “социальная пропаганда”⁶¹.

Безусловно, если обратиться к вдумчивому анализу смысла того, что именно данный автор вкладывает в это понятие, то речь идет именно о социальной пропаганде или же культурной пропаганде, характер которой существенно отличается от пропаганды политической⁶², но которую нельзя считать новым пропагандистским феноменом. При этом следует согласиться с тем, что влиянию данной разновидности пропаганды подвержен каждый член общества, как и с тем, что этот вид пропаганды во многом формирует представления о добре и зле, изменяет психологический климат и повышает внушаемость индивидов, задает критерии суждений и выбора, а также формирует привычки и обычаи человека. В известной степени она осуществляет “экспорт чуждого данному обществу образа жизни”, который представляет собой большую угрозу для существующего общественного строя. Примером тому является массированная пропаганда преимуществ западного образа жизни и соответствующей ему системы ценностей, которая велась с использованием всего арсенала западных СМИ на целевые аудитории в СССР, а затем — постсоветского пространства.

Преимущество “социальной пропаганды” в том, что она “не производит впечатление обычной пропаганды”, а потому не осознается индивидами. В ней нет прямых политических призывов, ее герои —

⁵⁹ Белоусов А.Б. Что такое социологическая пропаганда? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 110–122. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.07> (дата обращения: 01.12.2023).

⁶⁰ Ellul J. Propagandes. P., 1962.

⁶¹ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. СПб., 2023.

⁶² Там же. С. 105–118.

не политики, она не призывает к политическим действиям, в чем и состоит ее эффективность. Она “должна изменить окружающую среду индивида”, от которой зависит его внушаемость, способность выносить оценки, и которая заставляет его адаптироваться, подготавливая “почву для восприятия основного вида пропаганды”⁶³.

Социальная пропаганда носит совершенно аполитичный характер. Более того, подобная пропаганда, о которой идет речь, вообще не увязывается большинством ее “потребителей” с традиционным понятием пропаганды. Например, на экранах телевидения или в кино мы видим большие западные города, современные автострады, покрытые тысячами сверкающих автомашин, а также красивые пейзажи вокруг вилл, почти каждая из которых имеет плавательный бассейн, теннисный корт и ухоженные газоны. Нередко в западных комедийных или приключенческих фильмах мы видим комфортабельно обставленные дома, в которых шикарно одетые люди ведут праздную жизнь богатых бездельников. Во фрагментах западных кинохроник мы видим сцены из жизни кинозвезд, выступления новых “идолов” молодежи, увешанных будильниками и колокольчиками, или рекламируемые в последнее время проделки других модных “героев” современного капитализма⁶⁴.

На самом деле речь идет о модели жизни, которую повсеместно рекламируют в западных странах всевозможными способами. Указанная модель жизни как раз и является сущностью социальной пропаганды, которая, если попадает на благодатную почву, может принести не меньше вреда, чем пропаганда традиционная.

Итак, если традиционная пропаганда ставит своей главной целью формирование мнения и поведения людей, а также инспирирование акций нередко для единовременных потребностей, то социологическая пропаганда стремится к изменению привычных моделей культуры, к массовому созданию нового образа жизни и обычаев. В результате этого незаметного влияния пропаганды человек воспринимает новые критерии оценки и выбора, воспринимает их незаметно, будто бы выбирает их сознательно. Социальная пропаганда также действует через привлекательный пример путем создания моды на конкретные способы поведения, одежду, путем признания правильными или неправильными тех или иных понятий, путем осуждения тех или иных явлений.

Вслед за Ж. Эллюлем ученые выделяют характерные черты данного вида пропаганды.

⁶³ Ellul J. Propagandes. P. 64–67.

⁶⁴ Социологическая пропаганда .

Во-первых, ее воздействие является несравненно более длительным по времени, чем процесс воздействия любой другой пропаганды.

Во-вторых, под ее влияние в первую очередь попадает молодежь, нежели люди со сложившимися взглядами на жизнь и сформировавшимся мировоззрением.

В-третьих, социальная пропаганда избегает оперировать политической аргументацией, на практике приходится иметь дело не только с образом жизни, но и политическими взглядами, выдвигаемыми противником⁶⁵.

Если говорить о социологическом фокусе научного анализа феномена пропаганды, то он разделяется на два крупных направления. Первое соотносится с общей современной социологической теорией, которая рассматривает пропаганду как специфический коммуникативный процесс в рамках социального целого. В рамках социологической парадигмы сложившаяся социальная реальность — “это не что иное, как объективизация субъективной деятельности человека, который действует на основе укорененных в его сознании ценностных установок, мотиваций и диспозиций”⁶⁶, на которые воздействует и с которыми впоследствии “работает” пропаганда. Тогда общесоциологическое понимание феномена пропаганды дает макросоциальный срез, позволяющий говорить о том, каким образом происходит функционирование пропаганды и как она влияет на общество в целом⁶⁷.

Социология пропаганды, как специальная социологическая теория, а затем — отраслевая социологическая дисциплина, получила активное развитие в советский период российской истории.

Как отмечает один из основоположников данной отрасли, В.И. Иванов, “институционализация социологии пропаганды была обусловлена тем местом в системе надстроечных отношений, которое занимает пропаганда, а также значительным опытом применения методов и понятийного аппарата социологии в изучении количественных и качественных характеристик процесса пропаганды”⁶⁸. Объектом социологии пропаганды служила коммунистическая про-

⁶⁵ Социологическая пропаганда.

⁶⁶ Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве: Коллект. монограф. М.; СПб., 2020. С. 24.

⁶⁷ Кареева С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание... С. 212–229.

⁶⁸ Иванов В.И. Социология пропаганды: некоторые аспекты содержания // Социологические исследования. 1983. № 3. С. 18–23.

паганда как надстроечный институт социалистического общества, ее функционирование в конкретных социальных условиях⁶⁹.

Будучи одним из каналов гибкой, оперативной связи, позволяющей чутко улавливать изменения в настроениях масс, глубоко изучать их интересы и потребности, социологические исследования, точнее, социология пропаганды стала составной частью всей системы пропагандистской деятельности, как бы “вплетаясь в последнюю, помогая ей постоянно совершенствоваться, искать и находить оптимальные пути и средства превращения научных положений марксизма-ленинизма в идейные убеждения и практические действия масс”⁷⁰.

Действительно, в советский период был накоплен большой опыт в изучении деятельности средств массовой информации и пропаганды, аудитория которых — практически все население страны. Социологические исследования носили как всесоюзный, так и региональный характер. В их программу входило изучение аудитории каждого из каналов массовой информации и пропаганды; выяснение уровня информированности (знаний, осведомленности) различных групп населения прежде всего в связи с решениями партии и правительства, конкретными мероприятиями, отражающими содержание политики КПСС, событиями мирового значения и т.д.; выявление степени удовлетворенности аудитории работой средств массовой информации и пропаганды, мотивов предпочтения тех или иных каналов информации, оценки содержания различных материалов и программ.

В настоящее время социология пропаганды, как специфическая отрасль социологического знания, отражает структуру пропаганды как функционирующей в соответствии с имманентными ей закономерностями определенной коммуникативной системы. Накопленный опыт социологических исследований элементов системы пропаганды дает основание для разработки отдельных разделов социологии пропаганды. Каждый из них объединяет различные по характеру и степени общности знания:

1) совокупность базовых и оперативных понятий, раскрывающих сущность того или иного элемента системы пропаганды, его назначение и место, связь с другими элементами и характер зависимости от тех или иных социальных факторов и условий;

2) совокупность показателей, применяемых в социологических исследованиях того или иного элемента пропаганды.

⁶⁹ Иванов В.Н. Социология пропаганды...

⁷⁰ Там же. С. 18–23.

Предметом социологии пропаганды выступают явления и процессы, возникающие в сознании и деятельности различных социально-демографических и профессиональных групп населения под влиянием пропаганды (формирование определенных состояний массового сознания, мировоззрения, ценностных ориентаций и соответствующего им социального поведения)⁷¹.

Социология пропаганды анализирует эффективность и действенность различных форм и средств пропаганды, вырабатывает рекомендации по их совершенствованию. Фиксируя происшедшие (или происходящие) изменения в сознании и деятельности разных групп населения под влиянием различных форм пропаганды, социология пропаганды определяет наиболее действенные из них в конкретных социальных условиях, а также выявляет недостаточно эффективные, не вполне отвечающие потребностям и интересам тех или иных социальных слоев формы и методы пропаганды, фиксирует их “устаревание” и вырабатывает соответствующие рекомендации.

Следует отметить, что в основе своей методы, используемые социологией пропаганды, аналогичны тем, которые применяются в других отраслях социологии (социологии образования, науки, культуры и т. д.). Они могут быть подразделены на:

1) методы, применяемые на этапе обнаружения проблем и формулирования задач исследования (анализ, синтез, дедукция, индукция, операционализация и т.д.);

2) методы сбора первичной социологической информации (опрос респондентов, опрос экспертов, наблюдение, изучение документов и т.д.);

3) методы обработки первичной социологической информации (группировка, ранжирование, корреляция, факторный анализ и т.д.);

4) методы интерпретации полученных данных (обобщение, построение моделей, типологизация и т. д.)⁷².

Социология пропаганды также обеспечивает успешное решение контрпропагандистских задач, поскольку занимается:

1) изучением содержания и методов ведения враждебной пропаганды (контент-анализ текстов);

2) выявлением идеологической и социально-психологической готовности различных социально-демографических и профессиональных групп населения противодействовать враждебной про-

⁷¹ Иванов В.Н. Социология пропаганды... С. 18–23.

⁷² Там же.

паганде, их информированности, реакции общественного мнения на те или иные пропагандируемые идеологическим противником положения (анкетные опросы, интервью, включенное наблюдение).

Социологические исследования в данной области позволяют также решать задачи типологизации пропагандистских кампаний, дают необходимый материал для их количественных и качественных характеристик, прогнозирования возможных изменений в методах ведения, что приобретает особую актуальность при организации упреждающей контрпропаганды.

В условиях становления электронно-цифрового общества дальнейшее развитие социологического анализа феномена пропаганды приобретает особую актуальность.

С появлением интернета постоянно увеличивается количество методов, применяемых СМИ для пропагандистского воздействия на массовое сознание. Это связано с расширением числа субъектов цифрового пространства и, как следствие, с проникновением цифровых технологий в повседневную действительность. Заинтересованным группам проще распространить свои идеи, потому что каналы этого распространения не ограничены. Немаловажным является также факт свободы в цифровом пространстве, которое представляет собой виртуальную область, следовательно, границы ответственности субъектов размыты.

Новые, цифровые СМИ формируют такие качества аудитории как конформизм и пассивность. Конформизм в его сознательной или бессознательной форме присущ человеческой природе, именно поэтому СМИ всегда создавали впечатление преобладающего мнения “большинства”. Не имеет значения, существует ли действительно это мнение “большинства”, поскольку люди все равно не решаются оспаривать его. На некоторых платформах создание мнения “большинства” формируется с помощью включения специальных ботов, не являющихся реальными людьми, но с помощью которых можно создать впечатление преобладания какого-либо мнения. Интернет и социальные сети являются не информационным полем, а площадками для воздействия на систему идейных, общественных и политических установок людей, посредством визуализации недостоверной информации, распространяемой в социальных сетях.

Как полагают исследователи, избежать воздействия пропаганды в условиях современной информационной среды чрезвычайно сложно: “Она действует на всех. В общем виде можно констатировать, что чем более медиаобразованным является человек (знакомым с тем, как действует медиа), чем более критично его мышление, тем менее вероятно, что это влияние будет иметь место. Люди, име-

ющие больше возможности думать и оценивать информацию, менее вероятно подпадут под прямое влияние”⁷³. В условиях беспрецедентного совершенствования технологий информационно-психологического воздействия значимость социологического изучения пропаганды трудно переоценить. Новые цифровые технологии делают ее характер все более скрытым и завуалированным, а недостаточная изученность особенностей применения пропагандистских приемов в условиях становления электронно-цифрового общества влечет за собой выраженные угрозы и риски национальной безопасности нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернейс Э.* Пропаганда. СПб., 2023.
- Борщевский Г.А.* Связи с общественностью в органах власти: Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М., 2018.
- Бредихин А.Л., Удальцов А.А.* Пропаганда как средство осуществления идеологической функции государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87).
- Буховец А.Н.* Идеологическая функция государства: Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2002.
- Войтасик Л.* Психология политической пропаганды. М., 1981.
- Гуревич П.С.* Пропаганда в идеологической борьбе: Учеб. пособие для вузов. М., 1987.
- Ефременко Д.В., Богомолов И.К.* Анатомия пропаганды или “война идей по поводу идей” // Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне: перевод с англ. / Сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2021.
- Иванов В.Н.* Социология пропаганды: некоторые аспекты содержания // Социологические исследования. 1983. № 3.
- Исследовательский центр Аналитик. Вып. 1. 2011.4.06.
- Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М., 2000.
- Карпова С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н.* Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4.
- Киселев М.В.* Психологические аспекты пропаганды // Информационный ресурсный центр “Пси-фактор”. URL: <https://psyfactor.org/propaganda7.htm> (дата обращения: 02.07.2023).
- Крысько В.Г.* Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). URL: <http://www.evartist.narod.ru/text19/007.htm> (дата обращения: 02.07.2020).
- Лассуэлл Г.Д.* Техника пропаганды в мировой войне / Сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2021.

⁷³ *Почепцов Г.Г.* Логика пропаганды, или Новости без грима // Информационный ресурсный центр “Пси-фактор”. URL: <https://psyfactor.org/lib/propaganda35.htm> (дата обращения: 02.07.2020); *Он же.* Пропаганда направлена на автоматизм реакций массового сознания // Информационный ресурсный центр “Пси-фактор”. URL: <https://psyfactor.org/lib/propaganda79.htm> (дата обращения: 02.07.2020).

Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков, 2010.

Монахов С., Мелешко В. История возникновения информационного воздействия // Армейский сборник. 2022. № 3.

Науменко Т.В. Массовая коммуникация и методы ее воздействия на аудиторию // Философия общества. 2004. № 1.

Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве: коллективная монография. М.; СПб., 2020.

Осипова Н.Г., Елишев С.О. Революции и государственные перевороты. Теория, история и практика. М., 2023.

Патрухина Т.Н., Шламова Д.А. Пропаганда: сущность научной дефиниции, подходы к классификации // Молодой ученый. 2015. № 3 (83).

Порецкова А.А. Концептуализация теоретических подходов к изучению политической пропаганды // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Вып. 2.

Почепцов Г.Г. Логика пропаганды, или Новости без грима // Информационный ресурсный центр “Пси-фактор”. URL: <https://psyfactor.org/lib/propaganda35.htm> (дата обращения: 02.07.2020).

Почепцов Г.Г. Пропаганда направлена на автоматизм реакций массового сознания // Информационный ресурсный центр “Пси-фактор”. URL: <https://psyfactor.org/lib/propaganda79.htm> (дата обращения: 02.07.2023).

Пропаганда // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. III.

Пропаганда // Социологический энциклопедический словарь / Ред.-коорд. Г.В. Осипов. М., 1998.

Рустамов Р.Р., Тураева С.Х. Виды пропаганды, ее цели и задачи // Международный журнал “Вестник науки”. 2020. № 11 (32). Т. 5. С. 58–63.

Соловьев А.В. Информационная война, понятие, содержание, перспективы // Пространство и время. 2010. № 2.

Социологическая пропаганда // Психологическая война / Авт. предисл. и сост. А.Н. Николаев. М., 1972.

Тонгузаева Е.Н. Государственная пропаганда как элемент реализации информационной политики // Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека: материалы VIII Международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников. Саратов, 2015.

Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М., 2000.

Элльоль Ж. Феномен пропаганды. СПб., 2023.

REFERENCES

Bernejs E. Propaganda [Propaganda]. SPb., 2023 (in Russian).

Bernays E. Propaganda. L., 1928.

Borshchevickij G.A. Svyazi s obshchestvennost'yu v organah vlasti: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury [Public relations in government: textbook and workshop for bachelor's and master's degrees]. M., 2018 (in Russian).

Bredihin A.L., Udal'cov A.A. Propaganda kak sredstvo osushchestvleniya ideologicheskoy funkcii gosudarstva [Propaganda as a means of implementing the

ideological function of the state] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2020. N 3 (87) (in Russian).

Buhovec A.N. Ideologicheskaya funkciya gosudarstva: diss. ... kand. yur. Nauk [Ideological function of the state: diss. ...cand. legal sci.]. M., 2002 (in Russian).

Culadze A. Bol'shaya manipulyativnaya igra [Big manipulative game]. M., 2000 (in Russian).

Efremenko D.V., Bogomolov I.K. Anatomiya propagandy ili "vojna idej po povodu idej" [Anatomy of propaganda or "the war of ideas about ideas"] // Lassuell G.D. Tekhnika propagandy v mirovoj vojne: perevod s angl. / Sost. i per. V.G. Nikolaev; otv. red. D.V. Efremenko. M., 2021 (in Russian).

Ellul J. Propagandes. P., 1962.

Ellyul' Z.H. Fenomen propagandy [The phenomenon of propaganda]. SPb., 2023 (in Russian).

Gurevich P.S. Propaganda v ideologicheskoy bor'be: Ucheb. posobie dlya vuzov [Propaganda in the ideological struggle: Textbook. manual for universities]. M., 1987 (in Russian).

Issledovatel'skij centr Analitik [Research Center Analyst]. Vyp. 1. 2011.4.06 (in Russian).

Ivanov V.N. Sociologiya propagandy: nekotorye aspekty sodержaniya [Sociology of propaganda: some aspects of content] // Sociologicheskie issledovaniya. 1983. N 3 (in Russian).

Kara-Murza S.G. Manipulyaciya soznaniem [Manipulation of consciousness]. M., 2000 (in Russian).

Karepova S.G., Nekrasov S.V., Pinchuk A.N. Propaganda kak metod vozdejstviya na obshchestvennoe soznanie: obshchij teoreticheskij aspekt [Propaganda as a method of influencing public consciousness: a general theoretical aspect] // Vestnik NGUEU. 2020. N 4 (in Russian).

Kiselev M.V. Psihologicheskie aspekty propagandy [Psychological aspects of propaganda] // Informacionnyj resursnyj centr "Psi-faktor". URL: <https://psyfactor.org/propaganda7.htm> (data obrashcheniya: 02.07.2023) (in Russian).

Krys'ko V.G. Sekrety psihologicheskoy vojny (celi, zadachi, metody, formy, opyt) [Secrets of psychological warfare (goals, objectives, methods, forms, experience)]. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text19/007.htm> (data obrashcheniya: 02.07.2020) (in Russian).

Lassuell G.D. Tekhnika propagandy v mirovoj vojne [Propaganda technique in World war] / Sost. i per. V.G. Nikolaev; otv. red. D.V. Efremenko. M., 2021 (in Russian).

Lasswell H.D. Propaganda technique in World war I. L.; N.Y., 1927.

Lasswell H.D. Propaganda technique in the World war. N.Y., 1938.

Lasswell H.D., Giddens J.A. Introduction // Propaganda Technique in the World war with a new introduction for the Gartland Edition by H.D. Lasswell. N.Y., 1972.

Lilleker D. Politicheskaya kommunikaciya. Klyuchevye koncepty [Political communication. Key concepts]. Har'kov, 2010 (in Russian).

Monahov S., Meleshko V. Istoriya vozniknoveniya informacionnogo vozdejstviya [History of the emergence of information influence] // Armejskij sbornik. 2022. N 3 (in Russian).

Naumenko T.V. Massovaya kommunikaciya i metody ee vozdejstviya na auditoriyu [Mass communication and methods of its influence on the audience] // Filosofiya obshchestva. 2004. N 1 (in Russian).

Novaya social'naya real'nost': sistemoobrazuyushchie faktory, bezopasnost' i perspektivy razvitiya. Rossiya v tekhnosocial'nom prostranstve: kollektivnaya monografiya [New social reality: system-forming factors, security and development prospects. Russia in the technosocial space: a collective monograph]. M.; SPb., 2020 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O. Revolyucii i gosudarstvennye perevoroty. Teoriya, istoriya i praktika [Revolutions and coups d'état. Theory, history and practice]. M., 2023 (in Russian).

Patruhina T.N., Shlamova D.A. Propaganda: sushchnost' nauchnoj definicii, podhody k klassifikacii [Propaganda: the essence of the scientific definition, approaches to classification] // Molodoj uchenyj. 2015. N 3 (83) (in Russian).

Pochepcov G.G. Logika propagandy, ili Novosti bez grima [The logic of propaganda, or News without makeup] // Informacionnyj resursnyj centr "Psi-faktor". URL: <https://psyfactor.org/lib/propaganda35.htm> (data obrashcheniya: 02.07.2020) (in Russian).

Pochepcov G.G. Propaganda napravlena na avtomatizm reakcij massovogo soznaniya // Informacionnyj resursnyj centr "Psi-faktor". URL: <https://psyfactor.org/lib/propaganda79.htm> (data obrashcheniya: 02.07.2023) (in Russian).

Poreckova A.A. Konceptualizaciya teoreticheskikh podhodov k izucheniyu politicheskoy propagandy [Conceptualization of theoretical approaches to the study of political propaganda] // Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2015. Vyp. 2 (in Russian).

Propaganda [Propaganda] // Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t. M., 2010. T. III (in Russian).

Propaganda [Propaganda] // Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar' / Red.-koord. G.V. Osipov. M., 1998 (in Russian).

Rustamov R.R., Turaeva S.H. Vidy propagandy, ee celi i zadachi [Types of propaganda, its goals and objectives] // Mezhdunarodnyj zhurnal "Vestnik nauki". 2020. N 11 (32). T. 5. S. 58–63 (in Russian).

Siepmann C. The nature of propaganda. N.Y., 1969.

Sociologicheskaya propaganda [Sociological propaganda] // Psihologicheskaya vojna / Avt. predisl. i sost. A.N. Nikolaev. M., 1972 (in Russian).

Solov'ev A.V. Informacionnaya vojna, ponyatie, sodержanie, perspektivy [Information war, concept, content, prospects] // Prostranstvo i vremya. 2010. N 2 (in Russian).

Tonguzaeva E.N. Gosudarstvennaya propaganda kak element realizacii informacionnoj politiki [State propaganda as an element of the implementation of information policy] // Vzaimodejstvie institutov vlasti i obshchestva v sfere zashchity prav cheloveka: materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii aspirantov, prepodavatelej, prakticheskikh rabotnikov. Saratov, 2015 (in Russian).

Vojtasik L. Psihologiya politicheskoy propagandy [Psychology of political propaganda]. M., 1981 (in Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-193-204

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: МОДИФИКАЦИЯ ПРИНЦИПОВ И ИНСТИТУТОВ

В.П. Васильев, доц., зав. кафедрой социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Целью статьи является анализ системы институтов устойчивого развития и реализации их принципов. Показана взаимосвязь экологии, экономики и социальной динамики как единого комплекса институтов для решения задач устойчивого развития. Универсальность целей современных преобразований в области защиты окружающей среды и социально-экономического развития, широкой гаммы повышения благосостояния населения не снимает наличия конкретных стратегических целей для стран постиндустриальной и доиндустриальной стадии развития. Современная трактовка целей устойчивого развития отрицает стагнацию экономического развития и сокращение потребления для реализации экологической устойчивости. Артикуляция конкретных задач на межгосударственном уровне является вектором стратегического планирования на национальном уровне, целеполагания и проектирования деятельности публичных компаний. Дан анализ формирования институциональной инфраструктуры взаимодействия публичных компаний и стейхолдеров в области нефинансовой отчетности по тематике ESG и финансирования “зеленых” инвестиций. Нефинансовая отчетность трансформируется из задач PR-менеджмента в направлении целеполагания и формирования новой структуры финансовой деятельности, включающей социальное развитие компаний.

Ключевые слова: экология, устойчивое развитие, стратегическое планирование, нефинансовая отчетность, “зеленые” инвестиции.

* Васильев Владимир Петрович, e-mail: vasp15@gmail.com

SUSTAINABLE DEVELOPMENT: MODIFICATION OF PRINCIPLES AND INSTITUTIONS

Vasiliev Vladimir P., Associate Professor Head of the Department of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, p. 33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vasvp15@gmail.com

The purpose of the article is to analyze the system of institutions of sustainable development and the implementation of their principles at the interstate, national macro and micro levels. The interrelation of ecology, economy and social dynamics as a single complex of institutions for solving the problems of sustainable development is shown. The universality of the goals of modern transformations in the field of environmental protection and socio-economic development, a wide range of improving the well-being of the population does not remove the existence of specific strategic goals for the countries of the post-industrial and pre-industrial stages of development. The modern interpretation of the sustainable development goals denies the stagnation of economic development and the reduction of consumption for the realization of environmental sustainability. Articulation of specific tasks at the interstate level is a vector of strategic planning at the national level, goal setting and designing the activities of public companies. The analysis of the formation of the institutional infrastructure of interaction between public companies and stakeholders in the field of non-financial reporting on ESG and financing of "green" investments is given. Non-financial reporting is transformed from the tasks of PR management into the direction of goal-setting and the formation of a new structure of financial activity, including the social development of companies.

Key words: ecology, economic growth, sustainable development, strategic planning, "green" investments.

Введение

Как определенный компромисс между развитыми и развивающимися странами в 2015 г. под эгидой ООН был принят план долгосрочных совместных действий в области устойчивого развития, структурированный по трем сферам общественной жизни — экономика, социальная сфера, экология¹. Уходит в прошлое трактовка устойчивости развития как феномена защиты окружающей среды. Современный стратегический план на период до 2030 г. фактически возвращает в практическое поле экономический рост как основной фактор увеличения занятости населения и тем самым сокращения подоходного неравенства и бедности. На этой основе формируются

¹ Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf

и корректируются механизмы устойчивого развития международного и национального уровня. Для публичных компаний анализ и оценка устойчивости на основе МСФО дополняется новой системой нефинансовых показателей, разработкой системных стандартов и рейтингов по раскрытию информации для стейхолдеров и основой для заимствования на финансовых рынках “зеленых” инвестиций. Устойчивое развитие становится предметом реального стратегического и операционного управления бизнес-структур, включающего на новой институциональной основе проектирование и отчетность в сфере социально-трудовых практик.

Цели и индикаторы устойчивого развития

Современный концепт устойчивого развития был предложен в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию “Наше общее будущее” в 1987 г.². Представленная позиция не только определила устойчивое развитие как “развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности”, но и структурировала содержание и взаимосвязи определенных сфер социально-экономического развития общества в контексте экологической, социальной и экономической стабильности и устранения рисков. Авторы доклада ввели в проблематику устойчивости развития социальное неравенство, удовлетворение базовых потребностей населения, экономическую динамику, уровень технологий, систематизировали глобальные проблемы и угрозы будущему, среди которых основными, по мнению авторов доклада, являлись следующие (см. табл. 1).

Таблица 1

Направления устойчивого развития

Население и людские ресурсы	Энергия — направления выбора в отношении окружающей среды и развития
Продовольственная безопасность: долговременное обеспечение потенциала	Промышленность: производить больше при меньших затратах
Виды экосистемы: ресурсы развития	Проблемы урбанизации

² Report of the World Commission on environment and development: our common future. UN Documents: gathering a body of global agreements. URL: <http://www.un-documents.net/wced-ocf.htm>

Продвижение данной концепции, прогнозирование и мониторинг реализации практических задач потребовали определения способов измерения многофакторных процессов устойчивого развития, нахождения интегрального показателя, отражающего комплекс разноплановых задач и направлений социальных практик.

Резолюция ООН “Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года” впервые институционально актуализировала взаимосвязь экологии, социальной сферы и экономики. Поставлены приоритетные задачи, направленные не только на снижение экологических рисков, но и на решение приоритетных проблем экономического роста и социального неравенства. В этом контексте документ в качестве “плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех” определяет направления позитивного изменения стандартов качества жизни человека.

Особенность рассматриваемого плана действий (17 целей в области устойчивого развития и 169 связанных с ними задач) — компромисс между развитыми и развивающимися странами в целеполагании и средствах достижения экономических и социальных целей развития, между задачами сохранения окружающей среды и индустриальным развитием. Из 17 названных целей не более пяти непосредственно связаны с экологией.

Для развивающихся стран запланирован ежегодный 7-ми процентный экономический рост, отложенный переход к возобновляемым источникам энергии, целый ряд преференций в области международной торговли и инвестиций. Предлагаемые механизмы сочетают рыночные и нерыночные методы достижения целей. Поэтому, при сохранении общих принципов и подходов разработка и реализация национальных стратегических планов должны учитывать собственные интересы стран, возможности и запросы общества, особенности и уровень развития финансового механизма.

Институционализация устойчивого развития в РФ

Новые и весьма разнообразные тенденции социально-экономической динамики ставят вопрос о комплексировании задач на макроуровне управления и выявления приоритетов в среднесрочной перспективе развития. В РФ сформирована новая система определения целей развития, концентрации ресурсов и операционного управления и контроля достижения индикаторов среднесрочной динамики.

Проблемы социально-экономической динамики в РФ, устойчивости развития экономики, социальной сферы и экологии реализуются в системе стратегического планирования³. Архитектоника (цели, задачи, индикаторы) предопределена общими принципами стратегического планирования в бизнесе и тождественна плану устойчивого развития, разработанным под эгидой ООН⁴. Воспроизведена триада экономика — социальная сфера — экология. Однако российский вариант планирования устойчивого развития, во-первых, не сводится к проблематике экологии, во-вторых, представляет собой новую форму государственного управления исполнительной власти, в-третьих, программы достижения целей, конкретизируемые соответствующими индикаторами, их достижение финансируются из консолидированного бюджета РФ. Целеполагание стратегии социально-экономического развития основано на Стратегии национальной безопасности РФ, которая “является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу”⁵.

Реализуемые национальные цели социально-экономического развития представлены следующим образом:

- сохранение населения, здоровье и благополучие людей;
- возможности для самореализации и развития талантов;
- комфортная и безопасная среда для жизни;
- достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;
- цифровая трансформация.

Работа по нацпроекту, направленному на охрану окружающей среды, в котором принимают участие публичные компании, ведется по направлениям утилизации и переработки отходов, ликвидации свалок, сохранения лесов и водоемов, снижения выбросов в атмосферу, развития экологического туризма и экологического воспитания, сохранения биологического разнообразия. Один из самых крупных проектов — “Чистый воздух”, реализация которого на-

³ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ “О стратегическом планировании в Российской Федерации” (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/70684666/>

⁴ Цели устойчивого развития (ЦУР). Росстат, 2023. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov>

⁵ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 “О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

целена на проведение комплекса мероприятий в 12 промышленных городах РФ для снижения выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, оздоровление Волги и Байкала, ликвидацию свалок⁶.

Всплеск инфляции 2021–2022 гг., удорожание национальных проектов обусловили поиск дополнительного финансирования на уровне государственного и региональных бюджетов, являющихся дефицитными. В бюджетном планировании на 2023–2025 гг. для сбалансированности государственного бюджета приостановлено “бюджетное правило”, бюджет разделен на обязательные расходы и квазибюджет, в котором размещены планируемые расходы, превышающие нулевой дефицит и требующие заимствований. Однако финансирование национальных проектов является приоритетом бюджетирования на федеральном и территориальном уровне.

“Зеленые” инвестиции для публичных компаний

На уровне публичных компаний этот вопрос решается на основе модификации стандарта ISO по социальной ответственности и перехода к новой трактовке устойчивого развития в системе ESG (экология, социальная ответственность, корпоративное управление) по отчетности GRI (принципы ответственного инвестирования)⁷. Развитие системы ESG стало следствием широкого распространения разработанной в психологии концепции осознанности, которая нашла свое отражение в активно развивавшихся в 1960–1970 гг. концепциях “осознанного потребления”, “корпоративной социальной ответственности”, “социального инвестирования”, и привела к трансформации подходов к ведению бизнеса и обеспечению баланса интересов компании, потребителей, общества, государства и других стейхолдеров.

Принципы ESG продвинулись в операционную деятельность публичных компаний. Основой послужил артикулированный для публичных компаний принцип “Неравнодушный побеждает”, обращенный генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном к руководителям крупнейших финансовых институтов мира в 2004 г. Под эгидой ООН были разработаны основные принципы решения ряда экологических и социальных проблем на основе “ответственного инвестирования” публичных компаний, крупных бизнес-структур

⁶ Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo-7a3c9ehj.xn--p1ai/>

⁷ Remarks at the launch of the principles for responsible investment. UN, 2006. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2006-04-27/remarks-launch-principles-responsible-investment>

с большой занятостью и добавленной стоимостью, чьи акции доступны для широкого круга инвесторов на мировых биржах ценных бумаг.

В практической деятельности публичных компаний и финансовых рынков это привело к созданию рынков “зеленых инвестиций”. Для реализации нового сегмента финансовых рынков потребовалась разработка института обоснования “зеленых” кредитов и выпуска “зеленых” облигаций.

Серия индексов FTSE4Good представляет собой набор социально ответственных фондовых индексов, или фондовых индексов ESG, которые администрируются фондовой биржей Financial Times — Russell Group (FTSE). Цель этих индексов — выделить компании, получившие высокие оценки по показателям корпоративной социальной ответственности (КСО).

Каждый из индексов соответствует строгим экологическим, социальным и корпоративным критериям управления, что делает их подходящими для целей сравнительного анализа и может использоваться в качестве инструментов при создании финансовых продуктов, таких как институциональные и розничные фонды, биржевые фонды (ETF) и деривативы.

Серия индексов FTSE 4Good — это серия индексов акций SRI/ESG, которые включают компании с положительной репутацией в отношении корпоративной ответственности. Он содержит несколько отдельных фондовых индексов, каждый из которых адаптирован для определенного географического региона.

Для российских компаний функционирование национальных финансовых рынков “зеленых” заимствований имеет особое значение. Во-первых, это европейский углубленный поиск и экономическое ограничение импорта продукции широкой линейки с “углеродным следом”. К таким заградительным мерам стали присоединяться финансовые организации, сокращающие кредитные запросы под инвестиционную деятельность даже традиционным заемщикам⁸. Во-вторых, санкционное закрытие финансовых рынков: на биржевых площадках остановлены котировки российских тиккеров, ряд компаний выводится из биржевого листинга.

Для запуска системы ответственного инвестирования необходимы критерии и показатели нефинансовой отчетности, создание института нормативной информации для анализа банковской

⁸ Ряд российских компаний сталкивались с подобной практикой до введения санкций.

системы, биржевых структур и рейтинговых агентств, которые по представлению компаний присваивают рейтинги экологической приверженности заемщиков.

На западных финансовых рынках такая институциональная система функционирует и создана она по аналогии с системой финансовой оценки деятельности компаний на основе обобщенных данных бухгалтерского баланса и отчета о прибылях и убытков, прежде всего, по параметрам финансовой устойчивости и рисков. Обязательными рейтингами для вхождения в листинг биржи и получения кредитов на протяжении многих лет занимается сложившаяся структура олигополии, состоящая из доминирующих рейтинговых агентств Fitch Rating, Moody's и Standard & Poor's⁹.

При формировании системы нефинансовой отчетности и разработке рейтингов для “зеленых” инвестиций для российского финансового рынка следует избегать негативной истории деятельности названных агентств. Риски доверия к названным агентствам связаны со следующими обстоятельствами:

- наличием “конфликта интересов” — контрактная основа включения в рейтинг;
- длительностью периодичности оценки компаний, что препятствует оперативному реагированию на происходящие события в финансовой сфере;
- субъективностью и нетранспарентностью методик оценки деятельности компаний.

Особенностью отчетности в РФ является ее выстраивание и управление на основе принципов ESG и реализации национальных целей и проектов. В РФ складывается система отчетности по устойчивому развитию публичных компаний на основе стандарта GRI, представляемого стейхолдерам. Депозитарием нефинансовой отчетности выступает РСПП, где проходит “заверение” отчетов. Для обоснования “зеленых” инвестиций компании заключают контракты на присвоения ESG-рейтинга, отечественными рейтинговыми агентствами выступают “Эксперт РА”, АКРА и НРА¹⁰.

На Московской бирже после некоторой корректировки с марта 2023 г. “зеленые” облигации торгуются по новым правилам листинга, скорректирована структура Сектора устойчивого развития

⁹ Международные Рейтинговые Агентства — функции и роль в мировой экономике. Forex Labor. URL: <https://forexlabor.info/blog/mezhdunarodnye-rejtingovye-agentstva/>

¹⁰ Национальные кредитные рейтинги: как работают Эксперт РА, АКРА, НКР и НРА. БКС-экспресс, 2022. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/natsionalnye-kreditnye-reitingi-kak-rabotaiut-ekspert-ra-akra-i-nra>

в связи с появлением новых типов ESG-облигаций в Стандартах эмиссии. Сектор устойчивого развития включает три сегмента:

- сегмент облигаций устойчивого развития (зеленые, социальные облигации и облигации устойчивого развития);
- сегмент облигаций, связанных с целями устойчивого развития (облигации, связанные с целями устойчивого развития, и облигации климатического перехода);
- сегмент национальных и адаптационных проектов¹¹.

В связи с востребованностью отчетности по ESG в публичных компаниях произошла трансформация оснований не только по форме и структуре нефинансовой отчетности. Фактически работа по прежним стандартам на базе ISO и аналогичных российских стандартов функционально осталась общими рекомендациями по качеству менеджмента в отдельных областях функционирования. Новые институциональные нормы стандартизации, имея в виду их роль не только для PR использования, но и наряду с финансовой отчетностью служащих, обоснованием для получения значительных целевых инвестиций, содержат ясно обозначенные критерии и показатели линейки “экология, социальные отношения, управление”.

Таблица 2

Основные категории стандарта GRI¹²

Экономическая	Экологическая	Социальная (подкатегория)
Экономическая результативность	Материалы	Практика трудовых отношений и достойный труд
Присутствие на рынках	Энергия	Занятость
Непрямые экономические воздействия	Вода	Взаимоотношения сотрудников и руководства
Непрямые экономические воздействия	Биоразнообразие	Здоровье и безопасность на рабочем месте
Практики закупок	Выбросы. Сбросы и отходы	Обучение и образование

¹¹ Московская биржа разработала и осуществляет мониторинг специального индекса “Вектор устойчивого развития”, рассчитываемого на основе котировок акций 20 эмитентов, показавших лучшую динамику к предыдущему году по 10 ESG-показателям. URL: https://www.moex.com/n54856?utm_source=www.moex.com&utm_term

¹² Руководство по отчетности в области устойчивого развития G4. URL: <https://media.rspg.ru/document/1/e/6/e6aef2d23c03d8181b6230003f977361.pdf>

Биржевые и банковские институты “зеленых” инвестиций находятся в стадии становления. Происходит структуризация требований к методам рейтингов устойчивости, структурируется сегментация процедур заимствования.

Выводы

Современные теоретические взгляды и практика устойчивого развития модифицируют структуру драйверов устойчивости и рассматривают экологические риски и способы их сокращения в комплексе с развитием экономики, воспроизводством населения и ростом благосостояния. Однако общие цели развития реализуются на основе принципиально разных среднесрочных задач для стран постиндустриального и доиндустриального развития.

Сформированные российские национальные цели и индикаторы национальных проектов до 2030 г. выстроены на основе прогнозов долгосрочного развития с учетом национальных интересов и переориентированных на новый инвестиционный цикл и новый вектор человеческого развития. Санкционная экспансия не меняет задачи долгосрочного стратегического планирования, однако меняет некоторые аспекты достижения финансового и технологического суверенитета.

Российский бизнес, прежде всего, публичные компании, в своей стратегической и операционной деятельности стал руководствоваться ESG принципами. В условиях санкционного давления актуализировалась задача формирования национальных институтов не только нефинансовой отчетности, но и создания биржевой и банковской системы финансирования “зеленых” инвестиций. Становление такой системы соединяет на рыночных основах крупных инвесторов и компании, способствует привлечению в экономику длинных финансовых ресурсов. Критерии и показатели публичных компаний в области устойчивого развития по ESG-рейтингам пошагово выстраиваются по комплексу формализуемых индикаторов по экологическим, экономическим и социальным категориям стандартов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.П. Социоэкономические координаты устойчивого развития // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 3. С. 154–172.

Мартыненко Т.С. Инвайронментальное неравенство: современные подходы к концептуализации понятия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 200–214.

Международные Рейтинговые Агентства — функции и роль в мировой экономике // Forex Labor. URL: <https://forexlabor.info/blog/mezhdunarodnye-rejtingovy-agentstva/>

Национальные кредитные рейтинги: как работают Эксперт РА, АКРА, НКР и НРА. БКС-экспресс, 2022. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/natsional-nye-kreditnye-reitingi-kak-rabotaiut-ekspert-ra-akra-i-nra>

Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/>

Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 124–153.

Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf

Руководство по отчетности в области устойчивого развития G4. URL: <https://media.rspp.ru/document/1/e/6/e6aef2d23c03d8181b6230003f977361.pdf>

Социальные изменения в условиях цифровой среды / Под ред. В.П. Васильева. М., 2020.

Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года”. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/63728>

Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 “О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ “О стратегическом планировании в Российской Федерации” (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/70684666/>

Цели устойчивого развития (ЦУР) // Сайт Росстат. 2023. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov>

REFERENCES

Federal'nyj zakon ot 28 iyunya 2014 g. N 172-FZ “O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii” (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Federal Law N 172-FZ of June 28, 2014 “On Strategic Planning in the Russian Federation” (with amendments and additions)]. URL: <https://base.garant.ru/70684666/> (in Russian).

Martynenko T.S. Invajronmental'noe neravenstvo: sovremennye podhody k konceptualizacii ponyatiya [Environmental inequality: modern approaches to the conceptualization of the concept] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2020. N 57. S. 200–214 (in Russian).

Mezhdunarodnye Rejtingovy Agentstva — funkcii i rol' v mirovoj ekonomike [International Rating Agencies — functions and role in the global economy] // Forex Labor. URL: <https://forexlabor.info/blog/mezhdunarodnye-rejtingovy-agentstva/> (in Russian).

Nacional'nye kreditnye rejtingi: kak rabotayut Ekspert RA, AKRA, NKR i NRA. BKS-ekspress, 2022 [National credit ratings: How the Expert RA, ACRA, NKR and NRA work. BKS-Express, 2022]. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/natsional-nye-kreditnye-reitingi-kak-rabotaiut-ekspert-ra-akra-i-nra> (in Russian).

Nacional'nye proekty Rossii [National projects of Russia]. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/> (in Russian).

Osipova N.G. Social'noe neravenstvo v sovremennom mire [Social inequality in the modern world] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. T. 25. N 4. S. 124–153 (in Russian).

Preobrazovanie nashego mira: povestka dnya v oblasti ustojchivogo razvitiya na period do 2030 goda [Transforming our World: the 2030 agenda for sustainable development]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (in Russian).

Remarks at the launch of the principles for responsible investment/ UN, 2006. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2006-04-27/remarks-launch-principles-responsible-investment>

Report of the World Commission on environment and development: our common future. UN Documents: gathering a body of global agreements. URL: <http://www.un-documents.net/wced-ocf.htm>

Rukovodstvo po otchetnosti v oblasti ustojchivogo razvitiya G4 [The G4 sustainable development accountability guide]. URL: <https://media.rspp.ru/document/1/e/6/e6aef2d23c03d81b6230003f977361.pdf> (in Russian).

Social'nye izmeneniya v usloviyah cifrovoj sredy [Social changes in the digital environment] / Pod red. V.P. Vasil'eva. M., 2020 (in Russian).

Celi ustojchivogo razvitiya (CUR) [Sustainable Development Goals (SDGs)] // Sajt Rosstat. 2023. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov> (in Russian).

Ukaz Prezidenta RF ot 21.07.2020 N 474 “O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda” [Decree of the President of the Russian Federation dated 21.07.2020 on N 474 “On national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030”]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/63728> (in Russian).

Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. N 400 “O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii” [Decree of the President of the Russian Federation N 400 dated July 2, 2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (in Russian).

Vasil'ev V.P. Socioekonomicheskie koordinaty ustojchivogo razvitiya [Socio-economic coordinates of sustainable development] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. N 3. S. 154–172 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-205-218

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ САМОЗАНЯТЫХ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА

Е.А. Свердликowa, канд. философ. наук, доц. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

А.С. Селезнёва, магистрант 1 г/о кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье анализируется опыт исследования феномена социального самочувствия на примере самозанятого населения. Социальное самочувствие является многомерным феноменом. Данный феномен включает в себя несколько значимых характеристик. Социальное самочувствие является одним из основных показателей оценки состояния общества, различных социальных групп и отдельных людей. В частности, ценностно-эмоциональное отношение индивида к своему социальному положению, возможности удовлетворения своих потребностей, интересов, а также совокупность оценок, которые люди дают себе, своим повседневным взаимодействиям друг с другом, с социальными институтами, сообществами и обществом в целом. В условиях цифровизации и трансформации рынка труда процесс легализации самозанятых в виде налога на профессиональный доход создает большие возможности развития данного института. Представляется актуальным и мониторинг исследования социального самочувствия самозанятых в ходе этого эксперимента, что, безусловно, повлияет на его эффективность и результативность. Дизайн данного исследования представляет собой анализ социального самочувствия самозанятых в Российской Федерации. Целью данного исследования было выявление взаимосвязи между различными характеристиками социального самочувствия самозанятых в России: субъективными оценками своего социального положения, уровнем удовлетворения своих потребностей и оценками удовлетворенности жизнью, доступом к различным благам. Основным методом эмпирического исследования послужил анкетный опрос в онлайн формате (N=504). В нем участвовали самозанятые граждане РФ, уплачивающие НПД. В ходе исследования выявлены следующие основные взаимосвязи между субъективными оценками социального самочувствия самозанятых и оценками удовлетворенности жизнью, доступом к различным благам. Уровень материального благосостояния у боль-

* Свердликowa Елена Альбертовна, e-mail: elena.sverdlikova@gmail.com

** Селезнёва Алёна Сергеевна, e-mail: slznal@yandex.ru

шинства — средний, при этом доступ к формам досуга и свободного времени варьируется от просмотра ТВ, чтения книг и журналов до занятий спортом, рукоделия, посещения кино, театра. Жизненные стратегии у самозанятых связаны с дальнейшим наращиванием потенциала самозанятости, увеличением дохода, свободного графика, планированием своей дальнейшей деятельности. Эмоциональное состояние самозанятых — положительное. Доступ к основным ресурсам развития — высокий. Самоидентификацию связывают со свободным доступом к различным источникам развития: образовательным платформам, наличию средств для приобщения к ценностям науки и искусства, а также с причастностью к традиционным ценностям российской культуры: любовью к стране (большинство не собирается уезжать из страны), государству, семье, обществу (друзьям, коллегам). Результаты исследования позволяют сделать выводы о том, что исследование социального самочувствия является важным критерием и показателем адаптации самозанятого населения к новым условиям, сложившимся за последние годы на российском рынке труда и связанным, прежде всего, с процессами цифровизации российской экономики. Исследование феномена социального самочувствия самозанятых в условиях цифровизации и изменений на рынке труда позволяет также выявить отдельные проблемы и тенденции развития процесса институционализации самозанятости в российском обществе.

Ключевые слова: самозанятые, рынок труда, цифровизация и трансформация, социальное самочувствие, материальное благосостояние, жизненные стратегии, эмоциональное и психологическое состояние, самооценка, самоидентификация.

SOCIAL WELL-BEING OF THE SELF-EMPLOYED IN THE CONDITIONS OF LABOR MARKET TRANSFORMATION

Sverdlikova Elena A., PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Economic Sociology and Management, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elena.sverdlikova@gmail.com

Selezneva Alena S., First Year Undergraduate, Department of Economic Sociology and Management, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: slznl@yandex.ru

The article analyzes the experience of research into the phenomenon of social well-being on the example of the self-employed population. Social well-being is a multidimensional phenomenon. This phenomenon includes several significant characteristics. Social well-being is one of the main indicators of assessing the state of society, various social groups and individuals. In particular, the value-emotional attitude of an individual to his or her social status, the possibility of satisfying his or her needs, interests, as well as a set of assessments that people give to themselves, their daily interactions with each other, with social institutions, communities and society as a whole. In the conditions of digitalization and transformation of the labor market, the process of legalization of the self-employed in the form of a tax on professional income creates great opportunities for

the development of this institution. It also seems relevant to monitor the research of social well-being of the self-employed during this experiment, which will certainly affect its effectiveness and efficiency. The design of this study is an analysis of the social well-being of the self-employed in the Russian Federation. The purpose of this study was to identify the relationship between various characteristics of social well-being of the self-employed in Russia: subjective assessments of their social status, the level of satisfaction of their needs and assessments of life satisfaction, access to various benefits. The main method of empirical research was an online questionnaire survey (N=504). Self-employed citizens of the Russian Federation who pay NPD participated in the survey. The study revealed the following main correlations between subjective assessments of social well-being of the self-employed and assessments of satisfaction with life and access to various benefits. The level of material well-being of the majority is average, while access to forms of leisure and free time varies from watching TV, reading books and magazines to sports, handicrafts, attending movies and theater. Life strategies of the self-employed are related to further building up the potential of self-employment, increasing income, free schedule, planning their future activities. The emotional state of the self-employed is positive. Access to basic development resources is high. Self-identification is associated with free access to various sources of development: educational platforms, availability of means for familiarization with the values of science and art, as well as with involvement in the traditional values of Russian culture: love for the country (most people are not going to leave the country), state, family, society (friends, colleagues). The results of the study allow us to conclude that the study of social well-being is an important criterion and indicator of the self-employed population's adaptation to the new conditions that have developed in recent years in the Russian labor market and are associated, above all, with the processes of digitalization of the Russian economy. The study of the phenomenon of social well-being of the self-employed in the conditions of digitalization and changes in the labor market also allows us to identify certain problems and trends in the development of the process of institutionalization of self-employment in Russian society.

Key words: self-employed, labor market, digitalization and transformation, social well-being, material well-being, life strategies, emotional and psychological state, self-esteem, self-identification.

Развитие экономики в постиндустриальном обществе с характерным для нее высоким уровнем информационно-коммуникационных технологий, высоким уровнем социальной мобильности, снижением влияния классовой принадлежности приводит к возрождению роли самозанятого населения. Мы наблюдаем как рост численности самозанятых, так и их новые качественные характеристики. Остановимся сначала на определении понятия самозанятости. В широком смысле самозанятость — это форма занятости, при которой гражданин, не имея работодателя и наемных сотрудников, самостоятельно организует и реализует свою трудовую деятельность по созданию собственной продукции или оказанию услуг на льготных условиях. В узком смысле в соответствии с федеральным законом о профессиональном доходе самозанятый рассматривается

как гражданин, который уплачивает **налог на профессиональный доход** (НПД), — специальный налоговый режим, созданный для физических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые хотят работать без работодателей и наемных сотрудников¹. Приобретение статуса самозанятого открывает множество возможностей для мелких субъектов хозяйствования, которые трудятся в одиночку без наемных работников. Это налогообложение по льготным ставкам (4 и 6% в зависимости от лица, которому предоставляются услуги) и неналоговые льготы, которые аналогичны льготам субъектов малого и среднего бизнеса. Именно поэтому их численность увеличивается большими темпами. Численность самозанятых в России на конец сентября 2023 г. составляет уже 8 521 221 человек². На сентябрь 2022 их численность составляла 5 821 019 человек и 3 168 286 человек в сентябре 2021 г., по данным ФНС.

Самозанятые уже трудятся в самых разных областях, состоят в различных сетях пересекающихся взаимосвязей, сотрудничают и конкурируют между собой и элементами создаваемой цифровой экосистемы. Для постоянного мониторинга и оценки их состояния актуальной необходимостью является, на наш взгляд, анализ социального самочувствия самозанятых в новых условиях трансформации рынка труда.

Термин “социальное самочувствие” уже вошел в научную терминологию, однако пока четкого определения понятия нет³. В отечественной социологии существуют различные подходы к определению понятия социального самочувствия. Мы в данном исследовании придерживаемся подхода, согласно которому социальное самочувствие можно интерпретировать как субъективное восприятие реальности и себя в ней, относительно тех или иных ситуаций, проблем, событий, происходящих в социальной жизни. Социальное самочувствие самозанятых во многом определяется субъективным восприятием смысла и качества своей жизни, а также ожидаемого будущего.

Социальное самочувствие является многомерным феноменом. Данный феномен включает в себя несколько значимых характери-

¹ Федеральный закон от 27.11.2018 N 422-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/

² Федеральная налоговая служба (ФНС). URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html>

³ Суняйкина О.Н. Понятие “социальное самочувствие” в социологии // Вестник Мордовского ун-та. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sotsialnoe-samochuvstvie-v-sotsiologii>

стик. В частности, ценностно-эмоциональное отношение индивида к своему социальному положению и уровню удовлетворения своих потребностей, интересов, а также совокупность оценок, которые люди дают себе, своим повседневным взаимодействиям друг с другом, с социальными институтами, сообществами и обществом в целом.

Для анализа и оценки социального самочувствия мы руководствовались следующими показателями: 1) уровень материального благосостояния, гарантированность социальной защиты, качество свободного времени; 2) эмоционально-психологическое состояние; 3) самоидентификация и восприятие своего “Я”; 4) жизненная и трудовая стратегия; 5) самооценка потенциала (профессиональный и социальный опыт). Социальное самочувствие во многом связано с доступом к различным благам: к образованию, медицине, досуговым и рекреационным ресурсам, к рынку труда и т. д.

Доступность может быть рассмотрена через категорию депривации, предполагающую различную степень достигаемости отдельных социальных благ и определяющую социальное положение индивида в обществе⁴. В данной связи если самозанятый чувствует, что ему не доступны те или иные блага, он может испытывать депривацию, то есть находиться в невыгодном положении по сравнению с другими социальными группами и индивидами.

Цель исследования связана с выявлением взаимосвязи между различными характеристиками социального самочувствия: субъективными оценками своего социального положения, уровня удовлетворения своих потребностей и оценками удовлетворенности жизнью, доступом к различным благам среди самозанятых России.

Основным методом эмпирического исследования послужил анкетный опрос в онлайн формате (N=504). В нем участвовали самозанятые граждане РФ, уплачивающие НПД. Из них 79,96% являются самозанятыми (плательщики НПД), 13,29% — ИП на НПД.

Дизайн нашего исследования представляет собой анализ социального самочувствия самозанятых в Российской Федерации.

Среди самозанятых женщин больше, чем мужчин (66,27 и 33,53% соответственно). Средний возраст самозанятых — 33 года.

Наибольшее количество самозанятых с высшим образованием (60,91%). Следующую позицию занимают самозанятые со средним

⁴ Сушко П.Е. Социальное благополучие населения России в контексте доступности социальных благ // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2020. № 1. С. 39–53. DOI: 10.19181/INAB.2020.1.3. EDN VDUXXM. URL: https://www.isras.ru/files/File/INAB/2020_1/INAB_2020_01_Sushko.pdf

специальным образованием (24,21%). У большинства опрошенных самозанятых есть дети (67,66%). Они, в основном, являются замужними/женатыми (63,43%).

Уровень материального благосостояния, гарантированность социальной защиты, качество свободного времени. Уровень дохода сами самозанятые оценивают, как “средний” (65%). Средний уровень дохода, т.е. денег хватает на питание и одежду, но не хватает на покупку товаров длительного использования (стиральная машина, холодильник и т.д.). Особых материальных затруднений не высказывают, но и не все покупки по карману (44 и 39% соответственно).

Формы досуга у самозанятых весьма разнородны. Так, наиболее предпочтительными формами проведения досуга самозанятые называют просмотр различных телевизионных передач, каналов (44,86%), чтение книг, газет и журналов (41%). Наименее предпочтительными — занятия физкультурой и спортом (36,57%), посещение кино (35,71%), рукоделие (вышивка, вязание, плетение и т.д.) (22%), выездные экскурсии (20%) и участие в играх, викторинах (18%).

Отношение к политическим новостям. Большинство самозанятых активно читают политические новости (59%). Среди источников информации отмечаются различные интернет-каналы (72%).

Отношение к работе. Самозанятые много работают. Часто они говорят об усталости и выгорании. Среди факторов, влияющих на эти процессы, выделяют: наличие стрессовых ситуаций в своей трудовой деятельности (56%), состояние неопределенности и чувство страха перед этой неопределенностью в будущем (34%), ненормированный рабочий график (28%), отсутствие фиксированного дохода (27%) и отсутствие социальной поддержки (25%). Наименее значимыми факторами, влияющими на общее состояние усталости, по мнению самих самозанятых, называются диалоги с государством (отсутствие законодательной поддержки) (15%) и низкий уровень информированности о сфере самозанятости (13%).

Стоит отметить, что принятие государством закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» (№ 422-ФЗ от 27.11.2018), исходя из названия, является экспериментом, который продлится до 31 декабря 2028 г. включительно. Такая неопределенность не может не сказаться на общем психологическом и эмоциональном фоне самозанятых. Конечно, исходя из пояснений к закону, во время проведения эксперимента не могут вноситься изменения в настоящий Федеральный закон в части увеличения налоговых ставок и (или)

уменьшения предельного размера доходов, установленного пунктом 8 части 2 статьи 4 настоящего Федерального закона (ч. 3 ст. 1 Закона № 422-ФЗ). Однако это не успокаивает. Многие самозанятые пребывают в перманентном состоянии страха от неопределенности перед будущим.

Жизненная и трудовая стратегия. “Классический” для представителей свободной занятости вопрос о том, почему самозанятые решили стать самозанятым не дал “классического” ответа по типу свободы во всех отношениях. Большинство самозанятых профессионалов выбрали в качестве причины регистрации самозанятости — “дополнительный доход” (51%). Следующими причинами, по мнению самих самозанятых, являются самостоятельное планирование своей деятельности (50%), отсутствие фиксированного графика (42%), возможность заниматься любимым делом (36%), попробовать начать свое дело (32%) и возможность совмещать с основной работой (28%).

Большинство самозанятых планируют и дальше работать в качестве самозанятого, распределение ответов на вопрос следующее: “да, планирую” (55,75%) и “скорее, да” (36,31%). Если бы самозанятому предложили работу в организации с зарплатой, равной их доходу от деятельности в сфере самозанятости, то большинство из них не приняли бы это предложение: “скорее, нет” (48,71%) и “нет” (22,27%).

Ожидания самозанятых по поводу своей профессиональной трудовой деятельности можно объединить в две группы. В первую группу входят вопросы, связанные непосредственно с трудовой деятельностью. Большинство самозанятых мечтают об увеличении дохода (81,15%), о профессиональном и карьерном росте (43,65%) и социальной поддержке со стороны государства (23%). Во вторую группу входят вопросы о социальных ожиданиях. Большинство самозанятых мечтают об уменьшении стресса и неопределенности в своей профессиональной деятельности (38,1%), об уважении и взаимопонимании со стороны общества (21%), а также о признании (20%).

Большинство самозанятых не рассматривают вопрос о переезде в другую страну, распределение вариантов ответов на этот вопрос: “нет” (54%) и “скорее, нет” (26%). При этом главные герои нашего исследования скорее согласны с тем, что в современном мире самозанятым быть престижно: “скорее, да” (54,47%). Они считают, что, в целом, для самозанятых граждан созданы благоприятные условия для осуществления своей профессиональной деятельности в России (56%).

Наиболее привлекательными элементами самозанятости как профессиональной деятельности респонденты выбрали свободный график (77%), факт отсутствия начальника, самозанятый профессионал сам себе начальник (58%), а также то, что результат работы напрямую зависит только от меня (41%) и возможность свободно передвигаться по городу, стране, миру (39%).

Такие элементы самозанятости, как возможность совмещать с другой трудовой деятельностью (35%), возможность самореализации (34%) оказались вторичными, не особенно важными для самих самозанятых.

Эмоциональное и психологическое состояние оценивается самозанятыми, как относительно положительное, то есть выше среднего (63%).

Современный стиль жизни можно охарактеризовать постоянной спешкой, увеличением нервозности и эмоционального напряжения. Стресс является одной из наиболее распространенных причин неблагополучия, страданий и неудач любого человека. Предупредить стресс или снизить уровень его влияния можно в случае, если существующие институты и организации предоставляют членам общества благоприятные условия для развития, свободу в выборе жизненных установок и позиций. Как борются главные герои нашего исследования со стрессом? Для большинства самозанятых простой отдых или сон (80%), прогулки на природе (62%), а также встречи с друзьями, общение (49%) являются основными методами борьбы с усталостью или выгоранием.

По мнению самих самозанятых, такие привычки, как регулярный сон (недостаток сна может привести к чувству усталости и раздражения, поэтому важно спать достаточное количество часов каждую ночь) (73%), отдых и релаксация (регулярный отдых и занятия любимыми хобби могут помочь уменьшить стресс и напряжение) (47%) и регулярная физическая активность (физические упражнения могут помочь уменьшить стресс и улучшить настроение) (45%) помогают им сохранять эмоциональное и психическое здоровье.

Наименее эффективными привычками, по мнению самозанятых, является поддержание социальных связей с друзьями и близкими, что улучшает настроение и уменьшает чувство одиночества — (39%) и саморазвитие: чтение книг, участие в курсах или занятиях. Они, по мнению респондентов, помогают развивать навыки и интересы, также способствуют повышению самооценки и уверенности (37%).

Самооценка потенциала (профессиональный и социальный опыт). Самозанятые поделились с нами, какими ресурсами поль-

зуются для управления своей профессиональной деятельностью. Пальма первенства принадлежит первой группе ресурсов — государственным платформам: кабинет налогоплательщика НПД “Мой налог”, портал государственных услуг РФ, сайт ФНС, платформы “Самозанятые.рф” и “Самозанятость.ру”. В остальных случаях используется пакет ресурсов в зависимости от рода и содержания их профессиональной деятельности. Профессиональный и социальный опыт тоже разный и связан с уровнем компетенций и знаний в своей сфере. Свой профессиональный опыт самозанятые оценивают по-разному: одни начинают с нуля, проходят дополнительные курсы, самообучаются. Другие же (особенно те, кто стал самозанятым в связи с сокращением) являются относительно опытными в своей сфере. В связи с этим и уровень депривации различен.

Доля тех самозанятых, кто считает, что у них достаточно доступа к информации и ресурсам в интернете для осуществления своей деятельности, высока — 95%. При этом на открытый вопрос о том, что бы сделали самозанятые для повышения уровня доступа к ресурсам, большинство самозанятых отметили, что упростили бы и сделали более доступными различные сайты и приложения для самозанятых, наполнили более качественным контентом и добавили больше бесплатного контента и меньше рекламы. Некоторые ко всему прочему добавили, что было бы неплохо создать единую всеобъемлющую платформу для самозанятых, включающую все блоки вопросов, связанные с самозанятостью.

На открытый вопрос о том, какие дополнительные ресурсы в интернете были бы полезны для развития профессиональной деятельности, большинство самозанятых ответили достаточно многословно. Ответы мы сгруппировали в три большие группы. Первая группа ресурсов — “дополнительное образование”. Самозанятые довольно активно ищут различные дополнительные обучающие (бесплатные!) курсы, специализированные статьи, инструкции, видео- и аудио-контент по теме самозанятости. Вторая группа ресурсов — так называемые дополнительные биржи труда, на которых можно размещать и предлагать (бесплатно!) свои работы, товары и услуги, а также удобный поиск работы. Третья группа — “социальные ресурсы”. Самозанятые отметили, что им недостаточно существующих социальных групп единомышленников, социальных сетей, форумов и вебинаров.

Самоидентификация и восприятие своего “Я”. Главные герои нашего исследования также поделились своими последними открытиями в художественной сфере. Вот некоторые из них: “Вы-

ставка картин Сафронова”, “Как 3D-художник восхищена Максимом Костенко, который рисует для Голливуда”, “посещала выставку картин Леонардо да Винчи”, “выставка современных художников Краснодара”, “выставки камней”, “выставка импрессионистов”, “выставка, посвященная Рудольфу Нуриеву”, “открываю для себя советский кинематограф”, «музей “Эрарта” ранее не посещала, очень понравились работы многих современных авторов», “портрет герцога Бэкингема кисти Питера Пауля Рубенса, считавшийся утраченным на протяжении 400 лет, нашли в Шотландии”, «Посмотрела фильм “На солнце, вдоль рядов кукурузы”», “нейрографика”, “много новых техник написания картин, например, графика (точками, линиями)”, “месяц назад впервые посетила Третьяковскую галерею”, “Коробки из бумажных прутиков”, “Начала глубже изучать смыслы картин Клода Моне”, “плетение корзин, люлек для детей”, “первый заказ картины за границу”, “открыла для себя писателя Кутзее ДМ”, “китайские исторические фильмы”, “Просмотрела курс по стилям живописи, изучила творчество новых художников и скульпторов”, “Делаю работу на заказ. Смоделировала стол”, “театр кабуки Японии”, “арт терапия, рисование природы, животных по номерам”, “Габриэль Гарсия Маркес, Лопухин”, “Посещение галереи Люмьера”, “открыл по-новому произведения Толстого”, “«Маргарита Харченко, преподаватель пед. колледжа Оренбурга. Недавно была ее выставка”, “резьба по дереву очень успокаивает” и т.п.

Анализ ценностных ориентаций самозанятых также способствует конструированию их социального портрета. Мы бы хотели поделиться различными изречениями, которыми самозанятые описывают свою “философию жизни”. Наиболее часто встречаются те, что олицетворяют любовь к жизни, семье, близким: “Семья и друзья превыше всего!”, “Хорошо там, где близкие люди”, “Любовь к близкому, здравомыслие, порядочность”, “Саморазвитие, самореализация как женщины, как мамы, как бизнесмена!”, “Главное — это семья и любовь к Родине”, “Удачное совмещение работы и семьи”, “Я учусь и развиваю в себе лучшие качества, чтобы оставить после себя что-то значимое” и т.п. Также встречались и изречения, связанные с сильной волей: «Мою философию описывает стихотворение Заболоцкого “Не позволяй душе лениться”», “Человек конструирует мир вокруг себя”, “Если не я, то кто?”, “Если хочется жить, не смотря на цены, нужно работать, не смотря на часы”, “Попытка найти себя и хобби, которое будет нравиться, с помощью которого можно зарабатывать и не уставать от него”, “Есть только один способ избежать критики: ничего не делайте, ничего не говорите и будьте никем”, “Самое главное в жизни — это самообразование” и т.п.

Таким образом, в ходе исследования выявлены следующие основные взаимосвязи между субъективными оценками социального самочувствия самозанятых и оценками удовлетворенности жизнью, доступом к различным благам:

1. Уровень материального благосостояния у большинства — средний, при этом доступ к формам досуга и свободного времени варьируется от просмотра ТВ, чтения книг и журналов до занятия спортом, рукоделия, посещения кино, театра.

2. Жизненные стратегии у самозанятых связаны с дальнейшим наращиванием потенциала самозанятости, увеличением дохода, свободного графика, планированием своей дальнейшей деятельности.

3. Эмоциональное состояние самозанятых — положительное. Доступ к основным ресурсам развития — высокий (95%).

4. Самоидентификацию связывают со свободным доступом к различным источникам развития: образовательным платформам, наличию средств для приобщения к ценностям науки и искусства, а также с причастностью к традиционным ценностям российской культуры — любовью к стране (большинство не собирается уезжать из страны), государству, семье, обществу (друзьям, коллегам).

Таким образом, исследование феномена социального самочувствия самозанятых в условиях цифровизации и изменений на рынке труда позволяет выявить отдельные проблемы и тенденции развития процесса институционализации самозанятости в российском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Великая Н.М. Прекаризация труда молодежи как фактор формирования группы “самозанятые” // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 2. С. 6–21.

Годин С. Библия бутстреппера. М., 2004.

Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В., Горина Т.И. Социологический портрет самозанятых в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 821–836. doi: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-821-836

Гоулман Д. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М., 2019.

Дубин И.Н., Байтенизов Д.Т., Кэмбелл Д., Караянис Э., Азатбек Т.А. Фриланс как интеллектуально-креативная форма самозанятости // Социально-экономические явления и процессы. 2019. № 3. С. 69–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frilans-kak-intellektualno-kreativnaya-forma-samozanyatosti-v-novoyekonomike-traektoriya-novoy-paradigmy-samozanyatosti>

Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/816/929/1216/002Zaslavskaya.pdf>

Зимовец А.В., Маринова И.В. Анализ мер поддержки субъектов российского предпринимательства в условиях антироссийских санкций // Вест-

ник Таганрогского института управления и экономики. 2022. № 1 (35). URL: <https://Cyberleninka.Ru/Article/N/Analiz-Mer-Podderzhki-Subektov-Rossiyskogo-Predprinimatelstva-V-Uslouiyah-Antirossiyskih-Sanktsiy>

Иванова С.В. Мотивация 100%. Где же у него кнопка? М., 2019.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

Крюкова Е.С., Рузанова В.Д. Индивидуальный предприниматель и самозанятый гражданин: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/samozanyaty_e_neskolko_vidov_deyatelnosti

Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2005.

Свердликова Е.А., Селезнёва А.С. Самозанятые в условиях санкций: проблемы и тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 1. С. 179–193. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-1-179-193>.

Свердликова Е.А., Селезнёва А.С. Стратегии карьеры самозанятых в постиндустриальном обществе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 193–204. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-1-193-204>

Селезнева А.С. Анализ восприятия карьеры успешных стартаперов // Материалы международного студенческого исследовательского проекта изучения рынка труда “Будущее труда в постиндустриальной экономике”. Сб. ст. Междунар. студенческого исследовательского проекта и научной конференции / Под общ. ред. С.А. Баркова, А.В. Маркеевой. М., 2020. URL: <https://bookonlime.ru/node/4907>; <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0117>

Сизова И.Л., Хусяинова Т.М. Интернет-занятость: инновационные формы и деформированные состояния // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-zanyatostinnovatsionnye-formy-i-deformirovannye-sostoyaniya/viewer>

Скруг В.С. Регулирование процесса легализации налогообложения доходов самозанятых граждан в Российской Федерации на современном этапе // Экономика. 2019. № 1. С. 536–552. URL: <https://1economic.ru/lib/40125>

Социальные изменения в условиях цифровой среды: Коллективная монография / Под ред. В.П. Васильева. М., 2020.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М., 2022.

Суняйкина О.Н. Понятие “социальное самочувствие” в социологии // Вестник Мордовского ун-та. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sotsialnoe-samochuvstvie-v-sotsiologii>

Сушко П.Е. Социальное благополучие населения России в контексте доступности социальных благ // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2020. № 1. С. 39–53. DOI: 10.19181/INAB.2020.1.3. URL: https://www.isras.ru/files/File/INAB/2020_1/INAB_2020_01_Sushko.pdf

Федеральная налоговая служба (ФНС). URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html>

Федеральный закон от 27.11.2018 N 422-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/

REFERENCES

- Castells M.* Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information age: economy, society and culture]. M., 2000 (in Russian).
- Dubin I.N., Baitenizov D.T., Campbell D., Karayanis E., Azatbek T.A.* Frilans kak intellektual'no-kreativnaya forma samozanyatosti [Freelancing as an intellectual-creative form of self-employment] // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2019. N 3. S. 69–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frilans-kak-intellektualno-kreativnaya-forma-samozanyatosti-v-novoyekonomike-traektoriya-novoy-paradigmy-samozanyatosti> (in Russian).
- Federal'naya nalogovaya sluzhba (FNS) [Federal Tax Service (FTS)]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (in Russian).
- Federal'nyj zakon ot 27.11.2018 N 422-FZ (red. ot 28.12.2022) «O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu special'nogo nalogovogo rezhima “Nalog na professional'nyj dohod”» [Federal Law of 27.11.2018 N 422-FZ (ed. of 28.12.2022) «On conducting an experiment to establish a special tax regime “Tax on professional income”»]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (in Russian).
- Godin S.* Bibliya butstrepera [Bootstrapper's Bible]. M., 2004 (in Russian).
- Golenkova Z.T., Goliusova Y.V., Gorina T.I.* Sociologicheskij portret samozanyatykh v sovremennoj Rossii [Sociological portrait of the self-employed in modern Russia] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya. 2020. T. 20. N 4. S. 821–836. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-821-836 (in Russian).
- Goleman D.* Emocional'noe liderstvo. Iskusstvo upravleniya lyud'mi na osnove emocional'nogo intellekta [Emotional leadership. The art of managing people based on emotional intelligence]. M., 2019 (in Russian).
- Ivanova S.V.* Motivaciya 100%. Gde zhe u nego knopka? [Motivation 100%. Where does it have a button?]. M., 2019 (in Russian).
- Kryukova E.S., Ruzanova V.D.* Individual'nyj predprinimatel' i samozanyatyj grazhdanin: sootnoshenie ponyatij [Individual entrepreneur and self-employed citizen: correlation of concepts] // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2018. N 3. URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/samozanyaty_neskolko_vidov_deyatelnosti (in Russian).
- Pink D.* Naciya svobodnykh agentov: kak novye nezavisimye rabotniki menyayut zhizn' Ameriki [A nation of free agents: how new independent workers are changing American life]. M., 2005 (in Russian).
- Selezneva A.S.* Analiz vospriyatiya kar'ery uspeshnykh startaperov [Analysis of career perception of successful startups] // Materialy mezhdunarodnogo studentcheskogo issledovatel'skogo proekta izucheniya rynka truda “Budushchee truda v postindustrial'noj ekonomike”. Sb. st. Mezhdunar. studentcheskogo issledovatel'skogo proekta i nauchnoj konferencii / Pod obshch. red. S.A. Barkova, A.V. Markeevoy. M., 2020. URL: <https://bookonlime.ru/node/4907>; <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0117> (in Russian).
- Sizova I.L., Khusyainova T.M.* Internet-zanyatost': innovacionnye formy i deformirovannye sostoyaniya [Internet-employment: innovative forms and deformed states] // Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki. 2018. N 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-zanyatostinnovatsionnye-formy-i-deformirovannye-sostoyaniya/viewer> (in Russian).

Skrug V.S. Regulirovanie processa legalizacii nalogooblozheniya dohodov samozanyatykh grazhdan v Rossijskoj Federacii na sovremennom etape [Regulation of the process of legalization of taxation of self-employed citizens' income in the Russian Federation at the present stage] // *Ekonomika*. 2019. N 1. S. 536–552. URL: <https://1economic.ru/lib/40125> (in Russian).

Social'nye izmeneniya v usloviyah cifrovoj sredy: Kollektivnaya monografiya [Social changes in the digital environment: Collective monograph] / Pod red. V.P. Vasil'eva. M., 2020 (in Russian).

Strebkov D.O., Shevchuk A.V. Chto my znaem o frilanserah? Sociologiya svobodnoj zanyatosti [What do we know about freelancers? Sociology of free employment]. M., 2022 (in Russian).

Sunyaikina O.N. Ponyatie "social'noe samochuvstvie" v sociologii [The concept of "social well-being" in sociology] // *Vest-nik Mordovskogo un-ta*. 2011. N 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sotsialnoe-samochuvstvie-v-sotsiologii> (in Russian).

Sushko P.E. Social'noe blagopoluchie naseleniya Rossii v kontekste dostupnosti social'nykh blag [Social well-being of the Russian population in the context of the availability of social benefits] // *Informacionno-analiticheskij byulleten' Instituta sociologii FNIS RAN*. 2020. N 1. S. 39–53. DOI: 10.19181/INAB.2020.1.3. URL: https://www.isras.ru/files/File/INAB/2020_1/INAB_2020_01_Sushko.pdf (in Russian).

Sverdlikova E.A., Seleznyova A.S. Samozanyatyje v usloviyah sankcij: problemy i tendencii razvitiya [Self-employed under sanctions: problems and trends of development] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2023. T. 29. N 1. S. 179–193. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-1-179-193> (in Russian).

Sverdlikova E.A., Seleznyova A.S. Strategii kar'ery samozanyatykh v postindustrial'nom obshchestve [Career strategies of the self-employed in post-industrial society] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2022. T. 28. N 1. S. 193–204. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-1-193-204> (in Russian).

Velikaya N.M. Prekarizaciya truda molodezhi kak faktor formirovaniya gruppy "samozanyatyje" [Precarization of youth labor as a factor in the formation of the group "self-employed"] // *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2022. T. 28. N 2. S. 6–21 (in Russian).

Zaslavskaya T.I. Biznes-sloj rossijskogo obshchestva: sushchnost', struktura, status [Business layer of the Russian society: essence, structure, status]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/816/929/1216/002Zaslavskaya.pdf> (in Russian).

Zimovets A.V., Marinova I.V. Analiz mer podderzhki sub'ektov rossijskogo predprinimatel'stva v usloviyah antirossijskih sankcij [Analysis of measures to support the subjects of Russian entrepreneurship in the conditions of anti-Russian sanctions] // *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki*. 2022. N 1 (35). URL: <https://Cyberleninka.Ru/Article/N/Analiz-Mer-Podderzhki-Subektov-Rossiyskogo-Predprinimatelstva-V-Usloviyah-Antirossijskih-Sanktsiy> (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ В КИТАЕ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-219-236

ИНТЕГРАЦИЯ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Лян Цзянь, преподаватель Педагогического университета Шанцю (SQNU), 476000*

Ван Лили, преподаватель Педагогического университета Шанцю (SQNU), 476000**

С.А. Барков, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234***

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Китай вступил в новую стадию своего развития — в городах сконцентрировалась основная часть населения. Еще недавно миграция в города и активная урбанизация были системообразующими процессами в китайском обществе. В постиндустриальную эпоху ситуация существенно меняется и требует социологического осмысления.

Ускоренная индустриализация страны в последние десятилетия обусловила приток миллионов людей в города. Сформировался стереотип, согласно которому обрести успех в жизни можно только в городе. Во многом миграция развивалась стихийно, люди ехали в города, сообразуясь с модой, а не с рациональными расчетами. В результате культуре городских поселений был нанесен заметный ущерб. Появились районы, заселенные людьми, не сумевшими устроиться в городе и ограниченными в своей возможности вернуться в деревню.

Руководством страны была сформулирована новая политика, направленная на интеграцию городских и сельских территорий. В ее основе лежат три социальных приоритета: 1) замедлить миграцию из деревень и сел в города; 2) рационализировать миграционные потоки с учетом потребности в развитии промышленных предприятий и городов, где они находятся; 3) создать возможности для миграции из городов в сельскую местность.

Важнейшим направлением реализации такой политики стало создание городов-регионов, объединяющих несколько городов (в ряде случаев включая один мегаполис) и прилегающую к ним сельскую местность. В таком случае инфра-

* **Лян Цзянь**, e-mail: 414993507@qq.com

** **Ван Лили**, e-mail: 414993507@qq.com

*** **Барков Сергей Александрович**, e-mail: socorgmen@yandex.ru

структура городов постепенно распространяется на сельские окраины и затем охватывает весь город-регион, а создаваемые на сельских территориях промышленные предприятия и организации сферы услуг замедляют традиционную миграцию в города и вызывают обратные миграционные потоки.

Ключевые слова: интеграция города и деревни, миграция, город, город-регион, село, урбанизация, Китай, постиндустриальное общество.

INTEGRATION OF URBAN AND RURAL AREAS IN MODERN CHINA

Liang Jian, Lecturer, Shangqiu Normal University of China (SQNU), 476000, e-mail: 414993507@qq.com

Wang Lili, Lecturer, Shangqiu Normal University of China (SQNU), 476000, e-mail: 414993507@qq.com

Barkov Sergey A., Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiy Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: socorgmen@yandex.ru

The relevance of the research topic is determined by the fact that China has entered a new stage of its development — the bulk of the population is concentrated in cities. Until recently, migration to cities and active urbanization were system-forming processes in Chinese society. In the post-industrial era, the situation changes significantly and requires sociological understanding.

The country's accelerated industrialization in recent decades has brought millions of people into the cities. A stereotype has formed according to which success in life can only be achieved in the city. In many ways, migration developed spontaneously; people moved to cities in accordance with fashion, rather than rational considerations. As a result, the culture of urban settlements suffered noticeable damage. There are now areas populated by people who were unable to settle in the city and were limited in their ability to return to the village.

The country's leadership has formulated a new policy aimed at integrating urban and rural areas. It is based on three social priorities: 1) slow down migration from villages to cities; 2) rationalize migration flows, taking into account the need for the development of industrial enterprises and the cities where they are located; 3) create opportunities for migration from cities to rural areas.

The most important direction in the implementation of such a policy was the creation of city-regions, uniting several cities (in some cases including one metropolis) and the surrounding countryside. In this case, the infrastructure of cities gradually spreads to the rural outskirts and then covers the entire city-region; in the same time created in rural areas industrial enterprises and service organizations slow down traditional migration to cities and cause reverse migration flows.

Key words: integration of city and countryside, migration, city, city-region, village, urbanization, China, post-industrial society.

Урбанизация стала одним из системообразующих процессов в современном обществе. Это связано не только с тем, что в XXI в. большая часть населения планеты (по данным на 2022 г. — 56,9%¹) живет в городах, но и с тем, что сельские районы стали частью социально-экономической и культурной системы, в центре которой находятся города. Существуют небольшие страны, в которых доля городского населения составляет или вплотную приближается к 100%².

В отличие от других стран и регионов мира, в которых урбанизация практически завершилась, в Китае в последние десятилетия наблюдался стремительный рост ее темпов, происходило быстрое расширение городских территорий и появление новых городов и агломераций, т.е. активно шел переход от “сельского общества” к “городскому обществу”³.

Этот переход по-разному оценивался учеными и политиками в разные периоды общественного развития. В индустриальную эпоху в Китае, СССР и многих других странах активно пропагандировалось стирание границ между городом и деревней. Города рассматривались как символы прогресса и благополучия, а деревни — как нечто отсталое, требующее радикальной модернизации. В ряде стран Запада такое “стирание границ” реально имело место, и сегодня там отличить город от села бывает трудно. В обществе постмодерна акценты сместились, и “стирание границ” уже не представляется очень привлекательным, особенно в таких больших странах, как Китай и Россия. Жизнь вне мегаполисов обрела реальные преимущества, главные из которых связаны с экологическими условиями проживания.

Интеграция городов и сел в постиндустриальную эпоху

В информационную эпоху с развитием телекоммуникаций, сетевого взаимодействия людей и цифровизации значение привязанности к конкретному месту ослабевает, а деятельность людей постоянно выходит за пределы локального пространства. “Устранение расстояний” является важнейшим отличием виртуального

¹ Доля городского и сельского населения в странах мира (2022 г.) // Портал svspb.net. URL: <https://svspb.net/danmark/gorod-selo.php> (дата обращения: 15.09.2023).

² Это Макао, Кувейт, Науру, Катар, Монако, Бермудские острова, Гонконг, Каймановы острова, Гибралтар, Сингапур.

³ Моисеев Ю.М., Ткаченко Л.Я. Градостроительные планы и стратегические программы регионального развития в КНР // Известия высших учебных заведений. Строительство. 2020. № 3. С. 93–106.

пространства от реального. В противовес прошлому, когда люди жили и работали в конкретных локальных пространствах, теперь их деятельность переместилась в киберпространство, и через интернет они способны формировать крупные сообщества, для членов которых нахождение в городе или деревне не является сколько-нибудь значимым. Из места, застроенного высотными домами, город превратился в информационный узел, связывающий воедино миллионы людей, живущих как в городской, так и сельской местности⁴.

Кроме того, некоторые пространственные особенности развития компьютерной техники также во многом уравнивают сегодня город и село. В индустриальную эпоху автоматизация и роботизация имели место в первую очередь в городах, где были расположены крупные заводы. Сельское хозяйство воспринималось как некий “второй эшелон” внедрения передовых технологий. В постиндустриальную эпоху комбайн или трактор без водителя оказывается более простым в разработке и изготовлении, чем “беспилотный” автомобиль, едущий по городской магистрали.

Цифровизация и внедрение искусственного интеллекта изменили как города, так и села. Тем самым изменилась и сущность процесса урбанизации. И ученые, и простые люди перестают видеть ее необходимым атрибутом цивилизационного развития. Для того чтобы общество поступательно развивалось, в XXI в. совсем необязательно, чтобы миллионы людей покидали сельскую местность и переезжали в города. Китайские социологи активно изучают новую реальность и стараются выработать рекомендации по оптимальной организации процесса урбанизации в постиндустриальных реалиях⁵.

В Китае быстрое расширение городов привело к появлению новых пространственных форм расселения людей, таких как “новые города”, “переходные пространства” и “краевые пространства” на стыке города и деревни⁶. Постепенно уходит в прошлое “ландшафтная разница” между городом и деревней.

Новые информационные технологии изменили значение городского пространства и позиционировали городские территории

⁴ Казанцев А.А. Дисбаланс развития городской и поселковой системы в Китае // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 6 (46). С. 104–109.

⁵ Сун И., Лысая Д.А. Обзор тенденции развития урбанизации в Китае // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ. 2016. С. 128–133.

⁶ Хоу В. Анализ взаимосвязи между уровнем урбанизации и уровнем потребления сельских жителей // Социально-экономическое развитие России и Китая глазами российских и китайских экономистов. СПб.; Пекин, 2019. С. 316–340.

в виде инструментальных глобальных сетей, тем самым изменив модели взаимодействия между городом и деревней. Важным результатом превращения городского пространства в сеть является появление большого количества глобальных городов⁷ и глобальных городских регионов⁸.

Город больше не рассматривается как статичное место или поселение, а как живое поле социальной практики — форма отношений, которая существует в более широких масштабных рамках конкретных социально-пространственных взаимозависимостей, в том числе и взаимодействия города и села. В теории такое развитие событий должно было бы существенно и повсеместно ослабить процесс урбанизации. Однако во многих странах этого не происходит. В Китае разрастание городов, их пространственное расширение стали текущей тенденцией развития и значительно изменили пространственную структуру социального развития как самих городских, так и сельских районов. В последние годы увеличилось число крупных и средних городов, появились новые города, и в уже существующих городах возникли новые районы. Это пространственное расширение не только существенно изменило само понятие границы между городом и деревней: сами города и сферы их притяжения (иными словами — “сферы их влияния”) стали соприкасаться и даже пересекаться друг с другом. В юридическом плане до сих пор понятно, куда отнести ту или иную территорию и как именовать ее жителя — горожанином или селянином (крестьянином). В социальном плане такого четкого деления уже нет. Богатые городские предместья с высоким уровнем жизни и по преимуществу городской культурой проживания чередуются с бедными городскими районами и даже гетто, часто населенными выходцами из деревни с соответствующими культурными предпочтениями.

Разделенные ранее достаточно четкими границами города и села становятся едиными поселениями, которые с определенной долей условности можно назвать городами-регионами.

Концепция города-региона как основа нового понимания урбанизации и миграции

Каждый город-регион состоит из достаточно большой урбанизированной территории (содержащей один, а иногда и несколько городов, один из которых может даже иметь статус мегаполиса) и еще

⁷ Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. Princeton, 1991.

⁸ Слuka H.A. Движение населения в глобальных городских регионах // Балтийский регион. 2010. № 4. С. 17–28.

более обширной внутренней территории (которая может содержать множество сельских поселений). И все эти элементы так или иначе встроены в единую социально-экономическую, коммуникационную и культурную систему. Более того, чаще всего такая система сама является частью даже не национального, а глобального социального пространства.

Города-регионы существенно отличаются по пространственной и социальной структуре от традиционных, относительно независимых городов. Города-регионы получили в Китае названия “городских зон” или “столичных районов”. Их развитие создает новые тенденции в организации жизни людей и рассматривается учеными и политиками как продвинутая форма урбанизации. Все вышесказанное вызывает необходимость радикального переосмысления отношений между городскими и сельскими территориями в современном Китае.

Первая проблема, выделенная аналитиками в связи с развитием городов-регионов, заключается в самом отношении к миграции населения из сел в города. Еще недавно такая миграция воспринималась как естественный процесс, который мог быть только отчасти сдержан усилиями власти⁹. Крестьянам, остававшимся в сельской местности, полагались определенные льготы и преференции, которые упразднялись при их переезде в город. Таким образом пытались бороться со стихийной миграцией, ограничивать ее масштабы. Сегодня определенное количество крестьян, которые не сумели устроиться в городе, могли бы вернуться обратно в сельскую местность. Однако при этом их льготы и преференции не возвращаются. Это сдерживает рациональное размещение населения в городах-регионах и создает немалые социальные и психологические проблемы у людей, не сумевших найти достойную работу в городе. Государственное регулирование должно меняться сообразно меняющейся социально-экономической среде, и в постиндустриальном мире оба вектора движения населения — в город и из города — должны восприниматься как позитивные и требующие определенной поддержки.

Вторая проблема городов-регионов заключается в изменении пространственных характеристик социального неравенства. Расширение городов и их слияние с селами и деревнями привело к пространственной фрагментации. Ранее сельские и городские жители, имевшие разные уровни дохода, были разделены определенными

⁹ *Макеева С. Б.* Исторический опыт реализации стратегий пространственного регионального развития в КНР (1949–2019) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2020. № 4. С. 196–206.

расстояниями, делавшими социальное неравенство менее заметным и менее болезненным. Как уже говорилось выше, в современных условиях в городах-регионах наблюдается некоторая “чересполосица” богатых и бедных районов, что негативно сказывается на общем морально-психологическом климате в этих новых типах поселения. В условиях либерального капитализма видимость неравенства часто воспринимается как нечто неизбежное и одновременно как средство стимулирования социально-экономической активности. Символами такого отношения к неравенству могут считаться Нью-Йорк и Лас-Вегас. Любой богатый житель этих городов постоянно сталкивается с бедными и бездомными, живущими на тротуарах, спящими на вентиляционных решетках, копошащимися в помойках и просящими милостыню. При этом он должен испытывать гордость за то, что смог подняться вверх по социальной лестнице. Окружение постоянно напоминает ему, кем он мог бы быть, если бы плохо работал. Одновременно у бедных появляются зримые мотивы к тому, чтобы выбиться из нищеты и стать представителями среднего, а, если получится, то и высшего класса. Однако очевидны и социальные издержки такого видимого неравенства: это и преступность, и постоянный стресс, и невозможность создать комфортное пространство жизни в городе.

Коммунистическая партия Китая и правительство страны ориентированы на сдерживание социального неравенства при ориентации на рыночные механизмы регулирования хозяйственных процессов. Поэтому в городах-регионах требуется разработка новой социальной политики, нацеленной на сглаживание противоречий между богатыми и бедными, коренными горожанами и теми, кто мигрировал из сельской местности, между теми, кто населяет мегаполисы и теми, кто живет в предместьях. Такая политика будет стоить немалых денег, направленных в первую очередь на создание единой современной инфраструктуры города-региона. Но без такой политики экономические и социальные проблемы новых типов поселения могут полностью нивелировать их потенциальные достоинства.

Третья проблема часто формулируется так: “урбанизация земли происходит быстрее, чем урбанизация населения”. Город требует перехода к иному стилю жизни, к иному социальному поведению. Это небыстрый процесс. В результате в городах-регионах возникают многочисленные городские анклав и сельские эксклавы. И те, и другие находятся в неявном культурном конфликте с окружающим социальным окружением. Только что приехавшие в города крестьяне привносят с собой элементы сельского быта. И отнюдь не все эти

элементы органически вписываются в городскую культурную среду. Кроме того, в города постоянно прибывают люди на временные заработки. Они вообще не нацелены на то, чтобы становиться горожанами. В таких условиях городская инфраструктура постоянно требует постоянного ремонта, а поддержание нормальной жизни в городе оборачивается немалыми дополнительными затратами.

Решение данной проблемы найдено во многих азиатских странах — это жесткая репрессивная политика, предусматривающая самые суровые санкции за нарушение норм городского общежития. Символом такой политики давно служит Сингапур, где даже за самые незначительные проступки — прежде всего за замусоривание городской среды — предусмотрены очень большие штрафы. В Индии и во многих странах Латинской Америки, где такой политики нет, города превращаются в свалки, а существование в них — в постоянную борьбу с инфекциями, грызунами и насекомыми. Качество жизни при этом падает значительно ниже того, которое наблюдается в обычной деревне.

Для Китая репрессивная политика по отношению к бывшим деревенским жителям во многом считается несовместимой с доминирующей политической культурой, ведь еще недавно почти все население здесь было крестьянами. Поэтому в стране будет происходить не одномоментное, а постепенное усиление санкций за нарушение норм городского общежития. И ряд мер в этом направлении уже успешно осуществлен.

Последняя четвертая проблема городов-регионов является эксцессом прошлого, когда ускоренная индустриализация страны требовала преимущественного развития городов и соответствующего распределения национального и региональных бюджетов. Противоречия между городом и деревней являются все еще очень заметными, и пространственная структура страны не сбалансирована. Негласно в стране все еще реализуется политика, характеризующаяся предпочтением городских районов перед сельскими, что порождает соответствующие социальные проблемы. Как уже говорилось выше, существует достаточно четкое, отражающее реалии прошлого юридическое деление территорий на городские и сельские. И в рамках такого деления, несмотря на повсеместное возникновение городов-регионов, традиционные города имеют явные преимущества. Ресурсы всех видов собираются в городах, и городское пространство постоянно расширяется. В отличие от этого, сельская местность находится в относительно невыгодном положении и постоянно ущемляется городами, в результате чего возникает огромный разрыв между развитием городских и сельских поселений. Между города-

ми и селами возникают искусственные границы, становится почти невозможным формирование единой экономической и социальной политики смежных территорий, относящихся к городу и деревне, между ними отсутствует рациональное распределение ресурсов¹⁰.

Преимущественное развитие китайских городов в ходе рыночных реформ создало неравные отношения между городом и деревней. И городские, и сельские жители хорошо осознают это. Существует также понимание, что данное разделение отчасти обусловлено объективными причинами, а отчасти — субъективными факторами.

Село никогда и нигде не сможет сравниться с городом по эффективности работы социальной инфраструктуры. Здесь всегда будет меньше возможностей проведения досуга. Наиболее значимые и привлекательные музеи, театры, спортивные сооружения находятся в крупных городах. Неравными являются и возможности здравоохранения в городе и на селе — в первую очередь разнится время ожидания скорой медицинской помощи. Высшие учебные заведения также концентрируются в городах или в предместьях, а от их функционирования в определенной степени зависит и качество среднего образования, и развитие науки. Промышленная мощь Китая также сосредоточена в городах. Все это объективная реальность.

Но есть у неравенства городских и сельских жителей и субъективная составляющая. Она связана с политикой государства. В городах сосредоточены наиболее прибыльные производства, поэтому и налогов здесь платится больше. Они расходуются на социальное развитие городских территорий. В определенный период времени, в начале реформ, государство поддерживало активную миграцию в города, так как только с ее помощью можно было нарастить промышленный потенциал страны. Городам выделялось больше денег. И до последнего времени инвестиции в городские территории намного превышают те, которые поступают в сельскую местность. Уже несколько позднее, как уже говорилось выше, были разработаны определенные меры по сдерживанию миграции селян в города. Они выражались в определенных бенефитах для тех, кто остался на селе. Однако притягательность городов с их относительным богатством от этого не ослабела.

Сегодня ситуация требует более решительных шагов по устранению неравенства сельских и городских территорий и по упо-

¹⁰ Пивоваров Д.А. “Внутренняя” регионализация Китая как механизм организации его социокультурного пространства // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2016. № 18. С. 21–27.

рядочиванию миграционных процессов. Для этого государство должно больше инвестировать в село. На XIX съезде Коммунистической партии Китая в 2017 г. впервые была выдвинута стратегия возрождения сельских районов и предложено создать институциональный механизм для сбалансированного развития городов и сел. В развитие данного идеологического приоритета впоследствии было принято «Постановления Государственного совета Китайской народной республики о создании надежной системы институциональных механизмов и политики для комплексного развития городских и сельских районов». В нем впервые за основу государственной политики была взята концепция города-региона. С этого времени на сельских территориях активно создаются современные высокотехнологичные производства. При этом юридически эти территории не преобразуются в города. Создается единая транспортная и социальная инфраструктура, связывающая город и село. Государство также обратило внимание на миграцию из города. Для развития промышленности на селе нужны кадры, и многие высококвалифицированные специалисты должны будут покинуть города для того, чтобы организовать производство на прилежащих к ним территориях. В результате миграция теряет однонаправленность, она становится многомерным процессом, необходимым для обретения баланса между пространственными элементами города-региона.

В 2022 г. на XX съезде КПК генеральный секретарь ЦК Си Цзиньпин выдвинул концепцию китайской модернизации. Одной из составляющих данной концепции является «преодоление дуализма город-село». Делегат съезда Гао Дэжун из сельского района провинции Юньнань, сказал корреспонденту информационного агентства «Синьхуа»: «Успех Китая в интенсивной борьбе с крайней бедностью за последние годы выделяет одну из ключевых особенностей китайской модернизации — всеобщее процветание. Наша модернизация приносит пользу всем жителям страны»¹¹.

Важно отметить, что в отличие от многих стран, где политики в своих решениях исходят из традиционной дихотомии «город-село», в Китае в течение уже более пяти лет государство старается адаптировать свое функционирование к постиндустриальным реалиям. Эти реалии существенно отличаются от того, что в истории характеризовало две базовые социальные системы проживания людей —

¹¹ «Китайская модернизация» ключевым термином вошла в доклад 20-му съезду КПК // Russian.News.Cn. 2022.20.10. URL: <https://russian.news.cn/20221020/f38c86655c5c47ee8de4588974fba7b0/c.html>. (дата обращения: 15.09.2023).

деревню и город. Во-первых, географические границы между городскими и сельскими районами становятся все более размытыми. Во-вторых, по мере развития информационных и телекоммуникационных технологий место проживания человека перестает быть основой для его социальной идентификации. В-третьих, новые формы поселения, развивающиеся в постиндустриальном обществе, не могут быть четко классифицированы в соответствии с традиционными типами города и села.

Перспективы развития урбанизации и интеграции городов и сел в Китае

Резонным видится вопрос о будущем новых поселений и устойчивости наметившихся в последние годы тенденций. Чтобы оценить перспективы интеграции города и деревни, нужно попытаться сделать прогноз относительно темпов внутренней миграции и расширения традиционных городов. Миграция из деревень в города и степень урбанизации зависят от трех групп факторов — демографических, экономических и социокультурных.

Прослеживая изменения данных факторов, можно строить сценарии дальнейшего развития городов-регионов и формулировать стратегии по отношению к внутренним мигрантам. К сожалению, как это почти всегда бывает в социальной реальности, однозначный прогноз в данном случае невозможен из-за разнонаправленности изменений, а также множественных — прямых и обратных — связей между факторами, создающими базу прогнозирования. Поэтому можно наметить лишь несколько наиболее вероятных сценариев развития событий.

Первая группа сценариев исходит из того, что миграция из деревень в города должна замедлиться. Этому способствует ряд наличествующих сегодня обстоятельств. Во-первых, достаточно успешная политика по возрождению сельских территорий, создание здесь конкурентоспособных рабочих мест, улучшение качества жизни создадут условия для того, чтобы население оставалось в деревнях и селах. Во-вторых, негативный опыт миграции стал сегодня общеизвестным. Почти у всех селян перед глазами примеры того, как их родственники, соседи или знакомые не смогли хорошо адаптироваться к городской среде. В результате уже не каждый активный молодой человек видит в переезде в город единственно правильную жизненную стратегию.

Если данный прогноз сбудется, можно существенным образом рационализировать миграционные потоки, лучше подготовить условия для прибывающих из деревень и сел в города людей,

поддерживать городскую инфраструктуру в эффективном состоянии. Однако у замедления миграции есть сдерживающие факторы. И главный из них — это резкое сокращение рождаемости в городах. Повсюду в мире — и в Китае в том числе — горожане не хотят иметь много детей. Поэтому город становится территорией депопуляции. Вследствие этого миграция в города должна постоянно восполнять недостаток рабочей силы, возникающий здесь из-за низкой рождаемости. Если при этом темпы экономического роста останутся достаточно высокими, и нужно будет не просто восполнять недостаток работников, но и замещать вновь созданные рабочие места, миграция должна будет оставаться высокой. В этом случае у государства не будет причин для ее сдерживания.

Такая политика еще более вероятна в связи с тем, что и в сельской местности люди хотят иметь все меньше детей. Вследствие цивилизационных изменений, парадоксальным образом законодательно упраздненная в Китае политика “одна семья — один ребенок” стала безо всякой государственной поддержки реализовываться на практике. Уже сегодня на селе большинство семей состоит из 2–5 человек, и эти цифры постоянно сокращаются. Еще меньше детей в сельской местности, включенной в города-регионы и приобщенной тем самым к современным цивилизационным нормам и ценностям.

Авторский опрос, проведенный в конце 2022 — начале 2023 г. в деревнях и селах провинции Гуандун в Китае, показал, что возросло число не желающих иметь детей или иметь только одного ребенка. Результаты ответов на вопрос о причинах нежелания иметь детей представлены на рис.

Рис. 1. Причины нежелания иметь детей в сельских районах КНР

Основным показателем нежелания иметь детей являются низкие доходы. При этом в реальности у сельских жителей за последнее время доходы не падали, а у многих возрастали. Фактор низких доходов — субъективный по своей сути. Видя перед собой высокие стандарты жизни в условиях современной цивилизации, люди склонны оценивать свои доходы как низкие и вести себя соответствующим образом, в данном случае, не хотеть иметь много детей или вообще отказываться от их зачатия. В свое время их родители и прапородители, обладая таким же, а в большинстве случаев меньшим количеством денег, чаще всего ориентировались на то, чтобы их семья была многодетной.

Можно утверждать, что, как бы ни были велики различия между сельской и городской местностью в прошлом, в настоящем ориентации горожан и селян в сфере деторождения оказываются если не идентичными, то схожими. Если эта тенденция будет усиливаться (а к этому есть все предпосылки), вскоре может возникнуть борьба за трудовые ресурсы между городом и деревней. И Китай столкнется с проблемой, характерной для современной России — вымиранием деревень и сел, так как удержать здесь молодежь окажется очень трудным — почти невозможным — делом.

Другие сценарии развития событий с миграцией людей в города имеют в своей основе экономические прогнозы. Все последние годы Китай наращивал индустриальное производство очень высокими темпами. Замедление темпов экономического роста произошло в период пандемии, которую можно считать в данном случае форс-мажорным обстоятельством. Индустрия требовала перетока людей в города. Но и здесь есть сдерживающие факторы. В 2020-е гг. уже более половины экономики страны составляет сфера услуг. Она растет значительно меньшими темпами, чем промышленность. С увеличением ее доли, общие темпы роста экономики замедлятся. Исходя из этого, относительно будущего роста китайской экономики делаются противоречивые прогнозы¹².

Если промышленное производство в Китае в краткосрочной и среднесрочной перспективе будет продолжать достаточно активно расти, то это неизбежно будет стимулировать миграцию в города. Если же рост экономики будет осуществляться не так быстро или будет связан с явным преобладанием сферы услуг, традиционная миграция может замедлиться или даже пойти вспять. Такому развитию событий, в частности, может способствовать бурный рост

¹² Долженков А. Китай на пороге перемен // Эксперт. 2023.02.10. URL: <https://expert.ru/expert/2023/40/kitay-na-poroge-peremen> (дата обращения: 05.10.2023).

ИТ-индустрии. Как свидетельствует опыт западных стран и России, ИТ-шники часто предпочитают жить вне больших городов, если там наличествует удовлетворительная инфраструктура.

Наконец, последняя группа факторов, способных повлиять на миграцию из сел в города и обратно, связана с изменением культурных стереотипов, о чем уже упоминалось выше. Еще совсем недавно переезд в город ассоциировался если не с самим успехом в жизни, то хотя бы с большой вероятностью такого успеха. Многие люди мигрировали в мегаполисы, следуя моде, а не рациональным расчетам. Отсюда впоследствии у них возникало разочарование, и даже желание вернуться обратно. Сегодня появилось заметное изменение в настроениях людей: успех уже не так однозначно связывается с переездом в город. Однако культурные стереотипы достаточно устойчивы. Кроме того, многие китайцы до сих пор хорошо устриваются в городах. Поэтому нельзя сказать, что социокультурный контекст миграции в одночасье и навсегда изменился. Вместе с тем в 2020-е гг. он стал способствовать замедлению миграции, идущей по традиционным направлениям.

Взаимное наложение этих групп факторов делает однозначный прогноз относительно внутренней миграции в Китае почти невозможным. При этом нужно отметить главную особенность современного периода урбанизации в стране: сельская местность постепенно перестает ассоциироваться с отсталостью и некомфортными условиями жизни. В первую очередь, это относится к сельской местности, включенной в города-регионы.

Итак, перейдем к заключению. Опираясь на анализ происходящих перемен, руководство Китая в последние годы разработало стратегию “новой урбанизации”, важнейшей составной частью которой служит возрождение сельских районов и сокращение социально-экономического и культурного разрыва между городом и селом. И города, и сельская местность должны развиваться как единая социальная система. Для реализации данной стратегии предусмотрена реконструкция пространственной структуры городских и сельских территорий, что и происходит в городах-регионах¹³. Данная реконструкция должна включать в себя одновременно “разделение труда” между городом и деревней и интеграцию данных территорий. Деревня не должна становиться городом, она с присущими ей цивилизационными особенностями должна занять свое достойное место в общественной системе страны.

¹³ *Абрамова Н.А., Абрамов В.А. Трансформация социокультурного пространства в модернизации современного Китая // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2017. № 20. С. 6–14.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова Н.А., Абрамов В.А. Трансформация социокультурного пространства в модернизации современного Китая // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2017. № 20. С. 6–14.

Атанов Н.И., Семёнов Ф.В. Анализ действующих практик стратегирования развития регионов: опыт Китая // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-deystvuyuschih-praktik-strategirovaniya-razvitiya-regionov-opyt-kitaya>.

Гордон А.В. Социологи КНР о перспективах модернизации китайской деревни // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. 2004. № 2. С. 159–168.

Добрынина М.И. Китайская миграция в условиях модернизации: российский вектор // Вестник ЗабГУ. 2023. № 1. С. 149–157.

Долженков А. Китай на пороге перемен // Эксперт. 2023.02.10. URL: <https://expert.ru/expert/2023/40/kitay-na-poroge-peremen>.

Изотов Д.А., Мотрич Е.Л. Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. № 3 (85). С. 61–83.

Казанцев А.А. Дисбаланс развития городской и поселковой системы в Китае // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 6 (46). С. 104–109.

Красова Е.В., Бао Ган. Исследование демографической дифференциации в контексте экономического развития Китая и его регионов в XXI веке // АНИ: экономика и управление. 2016. № 3 (16). С. 126–129.

Красова Е.В., Ян Синъю. Современные тенденции формирования человеческих ресурсов как фактора устойчивого развития экономики Китая // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 3 (45). С. 205–220.

Ларионов А.В., Чиркова Е.Н., Ларионов А.В. Демографический вызов современному развитию Китая: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 5. С. 182–196.

Макеева С.Б. Исторический опыт реализации стратегий пространственного регионального развития в КНР (1949–2019) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2020. № 4. С. 196–206.

Макеева С.Б. История демографического развития китайской провинции Хэйлунцзян (1970–2020 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. № 2. С. 17–23.

Макеева С.Б. История применения теоретико-практических инноваций регионального развития в пространственной организации экономики КНР (1978 г. по настоящее время) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4 (85). С. 33–38.

Маслов А.А. Динамика внутренней миграции и проблема развития северо-восточных регионов Китая в 2010–2020 годах // Народонаселение. 2021. № 3. С. 135–150.

Моисеев Ю.М., Ткаченко Л.Я. Градостроительные планы и стратегические программы регионального развития в КНР // Известия высших учебных заведений. Строительство. 2020. № 3. С. 93–106.

Пивоваров Д.А. “Внутренняя” регионализация Китая как механизм организации его социокультурного пространства // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2016. № 18. С. 21–27.

Понкратова Л.А., Тракова Е.В. Миграционная политика в КНР и ее роль в формировании человеческого капитала // Креативная экономика. 2018. № 3. С. 412–427.

Попова С.М., Храмова М.Н., Чжан Чжань. Адаптивная миграционная политика в условиях цифровой экономики (по материалам российско-китайского круглого стола) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. № 2. С. 182–190.

Ращенко А.В., Перькова М.В. Проблема развития общественных пространств в малых городах // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2015. № 1. С. 61–64.

Самбунова Е.Н. Региональные диспропорции современного развития экономики Китая // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2014. № 4. С. 49–55.

Слука Н.А. Движение населения в глобальных городских регионах // Балтийский регион. 2010. № 4. С. 17–28. Doi: 10.5922/2074-9848-2010-4-2

Сун И., Лысяя Д.А. Обзор тенденции развития урбанизации в Китае // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ. М., 2016. С. 128–133.

Сюнь Юань. Китайский опыт совершенствования миграционной политики: основные этапы и нерешенные проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 131–142.

Тао Лунцзе. Особенности миграционной политики Китая в сфере образования // Science Time. 2023. № 4 (111). С. 45–50.

Хоу В. Анализ взаимосвязи между уровнем урбанизации и уровнем потребления сельских жителей // Социально-экономическое развитие России и Китая глазами российских и китайских экономистов. СПб.; Пекин, 2019. С. 316–340.

REFERENCES

Abramova N.A., Abramov V.A. Transformaciya sociokul'turnogo prostranstva v modernizacii sovremennogo Kitaya [Transformation of socio-cultural space in the modernization of modern China] // Rossiya i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstviya: sbornik Vostochnogo centra. 2017. N 20. S. 6–14 (in Russian).

Atanov N.I., Semyonov F.V. Analiz dejstvuyushchih praktik strategirovaniya razvitiya regionov: opyt Kitaya [Analysis of the current practices of strategy development of regions: the experience of China] // Vestnik BGU. Ekonomika i menedzhment. 2013. N 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-deystvuyuschih-praktik-strategirovaniya-razvitiya-regionov-opyt-kitaya> (in Russian).

Dobrynina M.I. Chinese migration in the conditions of modernization: Russian vector // Vestnik ZabGU. 2023. N 1. P. 149–157 (in Russian).

Dolzhenkov A. Kitaj na poroge peremen [China on the threshold of change] // Ekspert. 2023.02.10. URL: <https://expert.ru/expert/2023/40/kitay-na-poroge-peremen> (in Russian).

Gordon A. V. Sociologi KNR o perspektivah modernizacii kitajskoj derevni [Sociologists of the People's Republic of China about the prospects of modernization of the Chinese village] // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 9: Vostokovedenie i afrikanistika. Referativnyj zhurnal. 2004. N 2. P. 159–168 (in Russian).

Hou W. Analiz vzaimosvyazi mezhd urovnem urbanizatsii i urovnem potrebleniya sel'skikh zhitelei [Analysis of the relationship between the level of urbanization and the level of consumption of rural residents] // Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii i Kitaya glazami rossiiskikh i kitaiskikh ekonomistov. SPb.; Beijing, 2019. P. 316–340 (in Russian).

Izotov D.A., Motrich E.L. Demograficheskie vyzovy dlya ekonomiki KNR [Demographic Challenges for the China Economy] // Rossiya i ATR. 2014. N 3 (85). P. 61–83 (in Russian).

Kazantsev A.A. Disbalans razvitiya gorodskoj i poselkovoj sistemy v Kitae [Disbalance of urban and settlement system development in China] // Skif. Voprosy studentcheskoj nauki. 2020. N 6 (46). P. 104–109 (in Russian).

Krasova E. V., Bao Gang. Issledovanie demograficheskoy differenciacii v kontekste ekonomicheskogo razvitiya Kitaya i ego regionov v XXI veke [The study of demographic differentiation in the context of economic development of China and its regions in the XXI century] // ANI: ekonomika i upravlenie. 2016. N 3 (16). P. 126–129 (in Russian).

Krasova E. V., Yang Xinshu. Sovremennye tendencii formirovaniya chelovecheskih resursov kak faktora ustojchivogo razvitiya ekonomiki Kitaya [Modern trends in the formation of human resources as a factor of sustainable development of the Chinese economy] // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2016. N 3 (45). P. 205–220 (in Russian).

Larionov A. V., Chirkova E. N., Larionov A. V. Demograficheskij vyzov sovremennomu razvitiyu Kitaya: problemy i perspektivy [Demographic challenge to the modern development of China: problems and prospects] // Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk. 2015. N 5. P. 182–196 (in Russian).

Makeeva S. B. Istoricheskij opyt realizacii strategij prostranstvennogo regional'nogo razvitiya v KNR (1949–2019) [Historical experience in the implementation of spatial regional development strategies in China (1949–2019)] // Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. 2020. N 4. P. 196–206 (in Russian).

Makeeva S. B. Istoriya demograficheskogo razvitiya kitajskoj provincii Hejlunczhan (1970–2020 gg.) [History of demographic development of the Chinese province of Heilongjiang (1970–2020)] // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2023. N 2. S. 17–23 (in Russian).

Makeeva S. B. Istoriya primeneniya teoretiko-prakticheskikh innovacij regional'nogo razvitiya v prostranstvennoj organizacii ekonomiki KNR (1978 g. po nastoyashchee vremya) [History of the application of theoretical and practical innovations of regional development in the spatial organization of the PRC economy (1978 to the present)] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2019. N 4 (85). S. 33–38 (in Russian).

Maslov A. A. Dinamika vnutrennej migracii i problema razvitiya severo-vostochnyh regionov Kitaya v 2010–2020 godah [Dynamics of internal migration and the problem of development of northeastern regions of China in 2010–2020] // Narodonaselenie. 2021. N 3. S. 135–150 (in Russian).

Moiseev Yu.M., Tkachenko L.Ya. Gradostroitel'nye plany i strategicheskie programmy regional'nogo razvitiya v KNR [City-planning plans and strategic programs of regional development in China] // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Stroitel'stvo. 2020. N 3. S. 93–106 (in Russian).

Pivovarov D.A. "Vnutrennyaya" regionalizatsiya Kitaya kak mekhanizm organizatsii ego sotsiokul'turnogo prostranstva ["Internal" regionalization of China as a mechanism of organization of its socio-cultural space] // Rossiya i Kitai: problemy strategicheskogo vzaimodeistviya: sbornik Vostochnogo tsentra. 2016. N 18. S. 21–27 (in Russian).

Ponkratova L.A., Trakova E.B. Migratsionnaya politika v KNR i ee rol' v formirovanii chelovecheskogo kapitala [Migration policy in the China and its role in the formation of human capital] // Kreativnaya ekonomika. 2018. N 3. S. 412–427 (in Russian).

Popova S.M., Khramova M.N., Zhang Zhan. Adaptivnaya migratsionnaya politika v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki (po materialam rossiisko-kitaiskogo kruglogo stola) [Adaptive migration policy in the conditions of digital economy (based on the materials of the Russian-Russian economy)] // DEMIS. Demograficheskie issledovaniya. 2023. N 2. S. 182–190 (in Russian).

Rashchenko A.V., Per'kova M.V. Problema razvitiya obshchestvennykh prostranstv v malykh gorodakh [The problem development of public spaces in small towns] // The Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V.G. Shukhova. 2015. N 1. S. 61–64 (in Russian).

Samburova E.N. Regional'nye disproportsii sovremennogo razvitiya ekonomiki Kitaya [Regional disproportions of the modern development of the Chinese economy] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. 2014. N 4. S. 49–55 (in Russian).

Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. Princeton, 1991.

Sluka N.A. Dvizhenie naseleniya v global'nykh gorodskikh regionakh [Population movement in global urban regions] // Baltiiskii region. 2010. N 4. S. 17–28. DOI: 10.5922/2074-9848-2010-4-2 (in Russian).

Sun Y., Lysaya D.A. Obzor tendentsii razvitiya urbanizatsii v Kitae [Review of the tendency of urbanization development in China] // Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie. Trudy MARKhI. M., 2016. S. 128–133 (in Russian).

Tao Lunjie. Osobennosti migratsionnoi politiki Kitaya v sfere obrazovaniya [Features of China's migration policy in the field of education] // Science Time. 2023. N 4 (111). S. 45–50 (in Russian).

Xun Yuan. Kitaiskii opyt sovershenstvovaniya migratsionnoi politiki: osnovnye etapy i nereshennye problem [Chinese experience of improving migration policy: the main stages and unsolved problems] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2018. N 5. P. 131–142 (in Russian).

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-237-244

ГЕНЕЗИС И ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ “ПРЕКАРИАТ” В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Н.В. Баранов, магистрант II курса кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1 стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Целью статьи является систематизация ряда научных трудов, посвященных концептуализации понятия “прекариат”, получившего активную теоретическую разработанность в начале XX столетия. Актуальность работ, посвященных прекариату объясняется выступлениями представителей данной социальной группы в Европейских странах в начале XXI столетия.

Одной из задач статьи является решение “черного ящика” Г. Стэндинга, обозначившего взаимосвязь новообразованной социальной группы с социальными процессами, обозначенные в работах П. Бурдьё, Ю. Хабермаса и ряда других социологов.

Также отдельную роль автор отводит анализу прекариата учеными в странах Западной и Восточной Европы. Социологи Западной Европы актуализировали внимание на обозначении новообразованной социальной группы в социально-классовой структуре современного общества.

В конце статьи приводится определение двух понятий, “прекариат” и “прекариатизация”, которые могут способствовать категоризации социальной группы в социологической теории.

Ключевые слова: прекариат, прекариатизация, социальная стратификация, социальный класс, социальная группа.

* Баранов Николай Вадимович, e-mail: nvb135246@gmail.com

GENESIS AND INTERPRETATION OF THE “PRECARIAT” CONCEPT IN THE COUNTRIES OF WESTERN AND EASTERN EUROPE

Baranov Nikolay V., 1st year student of the Master's program, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: nvb135246@gmail.com

The purpose of the article is to systematize a number of scientific works devoted to the conceptualization of the concept of the precariat, which received active theoretical elaboration at the beginning of the XX century. The relevance of the works devoted to the precariat is explained by the speeches of representatives of this social group in European countries at the beginning of the XXI century.

One of the tasks of the article is to solve the “black box” G. Standing, which denoted the relationship of the newly formed social group with social processes outlined in the works of P. Bourdieu, J. Habermas and a number of other sociologists.

The author also devotes a separate role to the analysis of the precariat by scientists in Western and Eastern Europe. Sociologists of Western Europe have focused on the designation of a newly formed social group in the socio-class structure of modern society.

At the end of the article, the definition of two concepts, “precariat” and “precariatization” which can contribute to the categorization of a social group in sociological theory, is given.

Key words: *precariat, precariatization, social stratification, social class, social group.*

Сегодня на арену классовой структуры современного общества выходит новая социальная группа, которая стала невольным заложником нового социально-экономического порядка, формирующегося с начала XXI столетия. Ее название, “прекариат”, образованное от слова “precarium” (с лат. — “ненадежный”), символизирует отчуждение этой группы от результатов труда, доставшееся ей от своего предшественника-пролетариата, но также и от общества, в рамках которого интегрируются новые формы найма труда. Качество жизни прекариата напрямую зависит от регулярной эксплуатации его знаний, умений и навыков, без которых члены данной социальной группы не имели бы средств к существованию.

Несмотря на обозначение категории “прекариат” британским социологом Г. Стэндингом, анализом социальных явлений, способствовавших появлению прекариата в социально-классовой структуре современного общества, занимался ряд западных социологов: П. Бурдьё, Ю. Хабермас, З. Бауман.

П. Бурдьё ввел понятие “ненадежность”, под которой социолог понимает “часть режима господства нового типа, основанного на институте всеобщего и постоянного состояния незащищенности,

направленный на принуждение рабочих подчиняться, соглашаться с эксплуатацией”¹. Для поддержания данной формы господства требуется новая форма эксплуатации, обозначенная ученым как “гибкая”. Гибкая эксплуатация представляет собой механизм рационального управления незащищенностью работников на рынке труда путем “манипулирования производственным пространством”² и формированием “конкуренции между рабочими”³ в нем.

З. Бауман обозначает ряд тенденций, которые способствовали появлению представителей прекариата в рамках “текучей” современности: окончание Фордистской модели производства, олицетворявшей «модель сконструированной рациональности во времена тяжелой современности — был местом “брачного обета” между капиталом и трудом»⁴. В конце XX столетия подобного рода “брак был расторгнут”. Представители прекариата не обладают возможностью выстраивать долгосрочные планы для развития, а их существование сводится к схеме: достижение устойчивой самоидентичности, устранение ущерба от “свободного выбора”⁵, чтобы дальше выбирать “свободно”⁶, конструировать смысл жизни, “решая две первые задачи”⁷.

Ю. Хабермас выделяет ряд кризисных тенденций, ответной реакцией на которые стало появление новых социальных групп, в том числе и прекариата: экономический кризис, кризис рациональности, легитимности и мотивационный кризис⁸. На основании данных кризисных тенденций социально-классовая структура претерпевает серьезные изменения. “В то время как в традиционном обществе политическая форма производственных отношений делала несложной идентификацию правящих групп, при либеральном капитализме явно выраженное господство было заменено политически анонимной властью субъектов частного права”⁹. Подобного рода концентрация власти у субъектов частного права свидетельствует о несовместимости традиционных типологий классов реальностям позднего капитализма.

¹ Bourdieu P. La précarité est aujourd’hui partout. Grenoble, 1997. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_dialogue/@actrav/documents/meetingdocument/wcms_161352.pdf (accessed: 07.08.23).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. С. 126.

⁵ Бауман З. Ретротопия / Под науч. ред. О.А. Оберемко. М., 2019. С. 139.

⁶ Там же. С. 139.

⁷ Там же.

⁸ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Общ. ред. и вступ. ст. О.В. Кильдюшов. М., 2010. С. 59–63.

⁹ Там же. С. 64.

Таким образом, западные социологи критически проанализировали неолиберальную политику, которая сформировалась в конце XX в., создав новые условия для социального взаимодействия представителей власти, работодателей и работников. Можно выделить следующие черты данной политики: снижение роли государства в регулировании взаимодействия работников и работодателей, снижение издержек со стороны работодателя посредством увольнения сотрудников и создания конкуренции в коллективе, отсутствие доверия социальным институтам со стороны индивида, трудности выстраивания индивидуальной карьерной траектории отдельного индивида.

В 2011 г. британский социолог Г. Стэндинг, взяв за основу труды таких классиков социологии, как П. Бурдьё, Ю. Хабермас, Г. Маркузе, М. Фуко, Х. Арендт и многих других¹⁰, выводит характерные черты прекариата. С точки зрения классовых характеристик, которые выражаются в отчуждении от работодателей и представителей власти, прекариат состоит из людей, пользующихся минимальными доверительными связями с капиталом или государством.

На основании сформированной социально-классовой структуры Г. Стэндинг выделяет место прекариата между работниками физического труда и безработными, представляя членов данной социальной группы как результат изменений в социально-экономической сфере общества. Другой отличительной чертой представителей данной социальной группы является нестабильность дохода. Она характеризуется структурой доходов, отличной от аналогичной структуры других социальных групп. Британский экономист и социолог показывает зависимость представителей прекариата исключительно от двух источников дохода — самообеспечение и заработная плата¹¹.

Британский социолог считает характерным критерием прекариата, наравне с незащищенностью труда и зависимостью от самообеспечения и заработной платы, отсутствие трудовой самоидентификации. «Поступая на службу, эти люди занимают должности, менее перспективные в плане карьерного роста, без традиций социальной памяти, они не дают возможности почувствовать свою причастность к трудовому сообществу с устоявшейся практикой, этическими и поведенческими нормами, не дают чувства взаимной поддержки и товарищества»¹².

¹⁰ См.: *Standing G. The precariat — the new dangerous class. L., 2011. P. 8.*

¹¹ *Ibid. P. 11.*

¹² *Ibid. P. 12.*

На основании всего разнообразия социальных групп, включенных в прекариат, этот ученый сформировал три фракции, наличие которых не позволяет новой социальной группе стать полноценным социальными классом, “классом для себя”: атависты, ностальгирующие, прогрессисты или образованные¹³.

Несмотря на всю свою актуальность труд “Прекариат: новый и опасный класс” стал предметом критического анализа. Во-первых, Г. Стэндинг для обоснования места прекариата в современном обществе выводит собственную социально-классовую структуру, которая составлена на основании британского общества. Во-вторых, Э.О. Райт и Р. Сеймур критиковали определение прекариата как независимого и полноценного социального класса. Во-третьих, фракции прекариата, представленные ученым, также могут не находить своего отражения в соответствующих структурах других стран, что подтвердили эстонские социологи, Б. Хайдкамп и Д. Кергель¹⁴, сделав на этом акцент.

На основании разграничения прекариата и других социальных классов, Э.О. Райт выводит специфику данной социальной группы — “она не имеет доступа ко всем неденежным источникам дохода. В течение двадцатого столетия видна тенденция разграничения денежной заработной платы от растущей доли социальных доходов”¹⁵. На основании данного разграничения прекариат лишается не только определенной доли социальных доходов, но и ряда социальных гарантий от работодателя.

“Что отличает прекариат — это ограничение от источника дохода, отличного от заработной платы”¹⁶ — пишет Р. Сеймур. Будучи отрезанным от льгот, не связанных с заработной платой, представители опасного класса не могут рассчитывать на такие льготы, как пенсия, отпуск по болезни или оплачиваемый отпуск. На основании наличия слоев с разным социальным статусом, прекариат сложно назвать полноценными социальным классом.

Несмотря на вышеизложенную критику, на труд британского социолога Г. Стэндинга ссылается большинство современных авторов статей и монографий, посвященных проблемам данной социальной группы.

После актуализации феномена прекариата, обострилась проблема взаимоотношений представителей данной социальной груп-

¹³ См.: *Standing G.* Op. cit. P. 11.

¹⁴ *Heidkamp B., Kergel D.* Precarity within the digital age media change and social insecurity // Springer VS. 2017. N 3. P. 61.

¹⁵ *Wright E.O.* Is the precariat a class // *Global Labour Journal*. 2016. T. 7. N 2. P. 5.

¹⁶ *Ibid.*

пы и профсоюзных организаций. Г. Меарди, М. Симмс и Д. Адам в своей статье “Профсоюзы и прекариат в Европе: репрезентативные заявления” на основании проведенных исследований сделали вывод о том, что “существующие профсоюзы в кризисные моменты распространяли свои репрезентативные требования на ненадежных работников”¹⁷. Невозможность профсоюзных организаций выразить репрезентативные требования прекариата и спровоцировала выступления данной социальной группы, которые были обозначены Г. Стэндингом на примере демонстраций в 2008 г.¹⁸

На основании анализа отношений представителей прекариата и профсоюзных организаций британские социологи выводят характерные черты данной социальной группы: глубокая неоднородность прекариата, отсутствие внутренних профсоюзных дел, что не позволяет последней организации в полной мере осуществлять представительство интересов.

Таким образом, профсоюзы, со своей стороны, должны выделить проблемы представителей прекариата и сделать данную социальную группу “видимой” и конкурентоспособной на рынке труда. При этом, сложность в регулировании данных отношений социологи видят в слабой степени «появления класса прекариата “для себя”»¹⁹, что не позволяет профсоюзным организациям выстраивать свою политику в отношении прекариата, как самостоятельного класса.

Активное изучение феномена прекариатизации в Восточной Европе началось после актуализации дискурса о прекариате как формирующемся социальном классе в Западной Европе. Среди восточноевропейских социологов наибольший вклад в теоретическую концептуализацию прекариата и феномена прекариатизации внесли эстонские социологи Бирте Хайдкамп и Дэвид Кергель.

Ученые для понимания специфики формирования прекариата не только в европейских странах сделали акцент на изучении процесса прекариатизации, взяв за основу оппозицию севера и юга²⁰ — эмпирического деления мира на богатые северные страны и бедные южные страны. Социологи утверждают, что в странах “Глобального Юга” получают распространение нестандартные формы занятости,

¹⁷ Meardi G., Simms M., Adam D. Trade unions and precariat in Europe: Representative claims // *European Journal of Industrial Relations*. 2021. N 27 (1). P. 2.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. P. 54.

²⁰ См.: Кисленко И.Ю. О роли понятий “глобальный Север — Юг” в глобальной социологии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2020. N 13 (2). С. 116–128.

способствующие развитию прекариата. В качестве примера формы занятости, которая подвержена прекариатизации, ученые выделяют суррогатное материнство²¹.

Ученые приходят к выводу о том, что дискурс о прекариате в западной социологии игнорирует южный опыт нестабильности, который является результатом колониальных условий и отмечен отсутствием или замедленным развитием государства всеобщего благосостояния. Это позволяет сделать вывод о том, что место и роль прекариата в социально-классовых структурах могут заметно различаться в зависимости от страны, в которой появляется социальная группа.

Представители прекариата “Глобального Севера” в западной социологии демонстрируют ностальгию по социально-экономической системе, которая существовала до конца XX столетия. Данная система обладала тремя критериями: фордисткая модель поточно-массового производства, кейнсианская модель экономического развития, развитый аппарат социального государства.

Причины прекаризации стран “Глобального Юга” Б. Хайдкамп и Д. Кергель видят в начавшемся процессе глобализации: “Поскольку глобализация труда неизбежна и наряду с неформализацией имела место массовая пролетаризация, произошел огромный количественный скачок вперед в глобальном масштабе, в результате которого рабочая сила и ее концентрация произошли на Юге”²². На основании разницы количества работников и доступных для них рабочих мест мы можем наблюдать факт возникновения жесткой конкуренции, проявляющейся в прекариатизацию труда в странах “Глобального Юга”.

Таким образом, социологи Восточной Европы предприняли удачную попытку ухода от европоцентризма при анализе прекариата в социально-классовой структуре различных стран. Это доказывает тот факт, что изучение прекариата учеными из разных стран может отличаться в зависимости от специфики социально-классовых структур, а также факторов, которые спровоцировали появление новой социальной группы.

Представители Западной социологии внесли большой вклад в исследование прекариата, создав теоретическую основу для социологического анализа этой социальной группы, который был использован как социологами в странах Восточной Европы, так и от-

²¹ См.: Meardi G., Simms M., Adam D. Trade unions and precariat in Europe: Representative claims. P. 61.

²² Ibid. P. 37.

естественными социологами, которые адаптировали его под реалии современного Российского общества²³.

На основании генезиса понятия “прекариат” можно сформировать два определения:

Прекариат — социально-экономическая группа, представители которой характеризуются отсутствием прав, гарантий и привилегий со стороны государства и работодателей в рамках неолиберальной политики.

Прекариатизация — процесс формирования незащищенных социально-экономических групп вследствие изменения модели производства, уменьшающей издержки со стороны работодателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бауман З. Текучая современность / Под ред. Ю.В. Асочакова. СПб., 2008.

Бауман З. Ретротопия / Под науч. ред. О.А. Оберемко. М., 2019.

Кисленко И.Ю. О роли понятий “глобальный Север — Юг” в глобальной социологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. № 13 (2). С. 116–128.

Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М., 2010.

REFERENCES

Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid modernity 1 Trans. from English] / Pod red. Yu.V. Asochakova. SPb., 2008 (in Russian).

Bauman Z. Retrotopiya [Retrotopia] / Pod nauch. red. O.A. Oberemko. M., 2019 (in Russian).

Bourdieu P. La précarité est aujourd'hui partout. Contre-feux, Ed. Liber Raisons d'agir, Grenoble, décembre 1997. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_dialogue/@actrav/documents/meetingdocument/wcms_161352.pdf (accessed: 25.07.23).

Habermas Yu. Problema legitimacii pozdnego kapitalizma [The problem of legitimization of late capitalism]. M., 2010. S. 59–64 (in Russian).

Heidkamp B., Kergel D. Editors precarity within the digital age media change and social insecurity // Springer. 2017. N VS. P. 37–61.

Kislenko I.Yu. O roli ponyatij “global'nyj Sever — Yug” v global'noj sociologii [On the role of the concepts of “global North — South” in global sociology] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya. 2020. N 13 (2). S. 116–128 (in Russian).

Standing G. The precariat — the new dangerous class. L., 2011.

Wright E.O. Is the precariat a class // Global Labour Journal. 2016. T. 7. N 2.

²³ См.: От прекарной занятости к прекаризации жизни: Коллект. Монограф. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2022.